

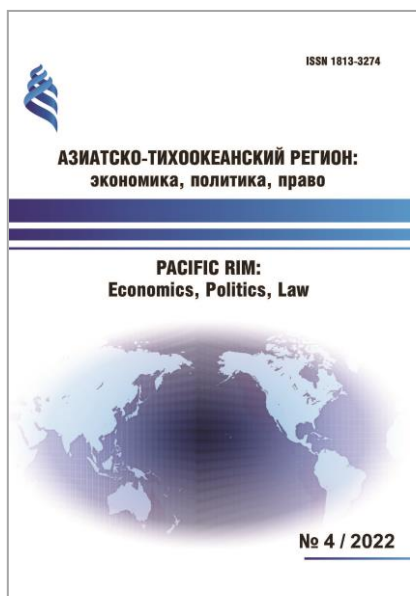
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А(24), к. А920–923

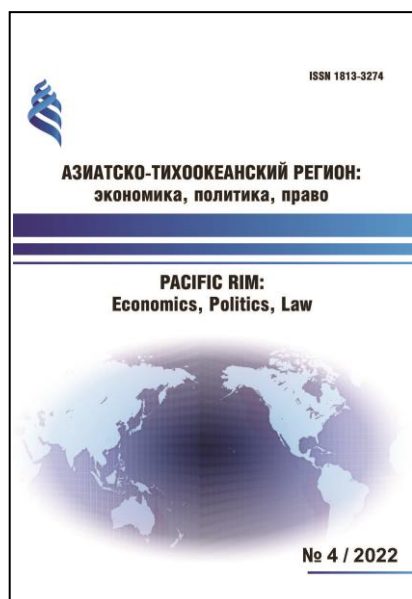
Подписано в печать 28.12.2022.
Тираж 500 экз. Заказ 010.
Дата выхода в свет 25.01.2023.
Цена свободная.

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. FS 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (eLibrary), Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Printed in a typography
Far East Publishing House
Federal University
690091, Vladivostok,
st. Pushkinskaya, 10

Signed for publication 28.12.2022.
The circulation is 500 copies. Order 010.
Release date 25.01.2023.
The price is free.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A (24), office A920–923

Editor *T. L. Fedotova*

Translation into English by *N. V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ Александр Иванович заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

КУЗНЕЦОВА Наталия Викторовна профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

МАМЫЧЕВ Алексей Юрьевич профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ Владимир Владимирович заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- ВОЛЫНЧУК**
Андрей
Борисович ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Санкт-Петербург, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	15
<i>Кылдыгай А. Ч.</i> Торгово-экономическое сотрудничество Тувы и Монголии	15
<i>Дроздова М. А.</i> Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества в сфере транспорта и логистики в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	24
<i>Волощак В. И., Козлов Л. Е., Валитова Д. В., Сарбаиш Д. В.</i> Цифровая экономика и искусственный интеллект в Республике Корея: практика политико-правового воздействия	35
ПОЛИТИКА	49
<i>Васина А. Н., Демина Ю. А.</i> Политика в целях развития цифровой экономики в плановых и стратегических документах АСЕАН	49
<i>Антонченко В. В., Романова Л. И.</i> Имманентность детерминант нестабильности тоталитаризма	69
<i>Нянь Сюежуй.</i> Состояние и перспективы сотрудничества между российским Дальним Востоком и Китаем в области образования.....	81
ПРАВО	91
<i>Дремлюга Р. И., Моисейцев В. В., Парин Д. В., Романова Л. И.</i> Национальное правовое регулирование использования и распространения реалистичных аудиовизуальных поддельных материалов (deepfake): опыт Китая.....	91
<i>Кузнецова Н. И.</i> Океан уголовно-экологических проблем: некоторые пути спасения Мирового океана	105
<i>Филоненко Т. В.</i> Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности деятельности исправительных учреждений и наказания в виде лишения свободы.....	121
<i>Лобач Д. В., Углова Е. А.</i> Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений	136
<i>Нгуен Куанг Хюи.</i> Проблема определения условий гражданско-правовой ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в цивилистической науке Вьетнама	149
<i>Горлов Е. В., Маркова М. Г., Креглик В. С.</i> Особенности системы международных судов по рассмотрению споров в сфере морских отношений	160
<i>Каримова Ю. А.</i> Особенности современного уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов	168
<i>Асланян Р. Г.</i> Социальные источники Особенной части уголовного права	181
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	191
<i>Цзян Сыюань, Сунь Фан, Цао Цзюньцзинь, Не Сичжо.</i> План деятельности ассоциации юридических вузов стран Шанхайской организации сотрудничества (проект).....	191

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	15
<i>Kylgyday A. Ch.</i> Trade and economic cooperation between Tuva and Mongolia	15
<i>Drozhdova M. A.</i> Current issues of international legal regulation of cooperation in the field of transport and logistics in the Asia-Pacific region	24
<i>Voloshchak V. I., Kozlov L. E., Valitova D. V., Sarbash D. V.</i> Digital economy and artificial intelligence in the Republic of Korea: the practice of political and legal impact	35
POLITICS	49
<i>Vasina A. N., Demina Yu. A.</i> Policy for the development of digital economy in the ASEAN planning and strategic documents	49
<i>Antonchenko V. V., Romanova L. I.</i> Immanence of determinants of instability of totalitarianism	69
<i>Nian Xuerui.</i> The state and prospects of cooperation between the Russian Far East and China in the field of education	81
LAW	91
<i>Dremlyuga R. I., Moiseitsev V. V., Parin D. V., Romanova L. I.</i> National legal regulation of the use and dissemination of realistic audiovisual fake materials (deepfakes): China's experience	91
<i>Kuznetsova N. I.</i> Ocean of criminal and environmental problems: some ways to save the World ocean	105
<i>Filonenko T. V.</i> Post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of correctional institutions and punishment in the form of deprivation of liberty	121
<i>Lobach D. V., Uglova E. A.</i> Prospects for criminalization of ecocide in the practice of international relations	136
<i>Nguyen Quang Huy.</i> The problem of determining the conditions of civil legal responsibility for cause of harm by a source of increased danger in the civil science of Vietnam	149
<i>Gorlov E. V., Markova M. G., Kreglik V. S.</i> Features of the system of international courts for the consideration of disputes in the field of maritime relations	160
<i>Karimova Yu. V.</i> Features of the modern criminal legislation of foreign countries on responsibility for obstruction of the legal professional activities of journalists	168
<i>Aslanyan R. G.</i> Social sources of a Special part of criminal law	181
INTERNATIONAL COOPERATION	191
<i>Jiang Siyuan, Sun Fang, Cao Junjin, Nie Xizhuo.</i> Plan of activities of the Association of Law Universities of the Shanghai Cooperation Organization countries (project)	191

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2022
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратные скобки, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2022;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUS-SIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 15–23.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 15–23.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 339.5(571.16+517.3)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/15-23>

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУВЫ И МОНГОЛИИ*

Ай-кыс Чамдаловна Кылгыдай

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
г. Кызыл, Россия, aikys_k@mail.ru, SPIN-код: 9839-9790,
<https://orcid.org/0000-0003-4608-7968>

Аннотация. В статье рассматривается состояние торгово-экономических отношений Тувы (Республики Тыва, РФ) с Монголией. Анализ внешнеторговых связей, динамики экспортно-импортных тувинско-монгольских потоков за 2011–2021 гг. выявил отрицательное экспортное сальдо. Тем не менее внешняя торговля между Тувой и Монголией в целом имеет положительную динамику, однако масштабы товарооборота незначительны. Взаимный товароборот между Тувой и Монголией становится фактором экономического развития приграничных территорий. В товарной структуре экспорта и импорта основную долю в настоящее время составляют остатки и отходы пищевой промышленности, корма для животных, продукция мукомольно-крупяной промышленности, солод, пластмассы и изделия из них, предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотаж, головные уборы и их части. Основные товары, экспортируемые Тувой: продовольственные товары, остатки и отходы пищевой промышленности, корма для животных, изделия из пластмассы. Основные товары, импортируемые в регион: продукция лёгкой промышленности. Между Тувой и Монголией развивается также традиционная приграничная торговля, что позволяет населению приобретать более дешёвые товары и услуги. Характер торгово-экономических связей с Монголией определяется относительной развитостью транспортной системы Тувы, республика не имеет железнодорожного сообщения с остальными регионами страны. В настоящий момент основным (и при этом дорогим) способом транспортировки грузов в Туве является автомобильный транспорт. Углубление двустороннего сотрудничества, вовлечение в межгосударственный обмен новых направлений по взаимодействию, нацелен-

* © Кылгыдай А. Ч., 2022

ных на более интенсивное развитие тувино-монгольских взаимосвязей, обуславливаются такими факторами, как обеспечение транспортной доступности, в том числе дорожной инфраструктуры, не только в Республике Тыва, но и в соседней Монголии. В целом расширение внешнеэкономического сотрудничества между Тувой и Монголией, развитие транспортной инфраструктуры отвечает долгосрочным национальным интересам России, стимулирует создание на базе местных ресурсов производств экспортной ориентации, включение их в динамично развивающиеся международные экономические связи, создаёт атмосферу доброжелательности, взаимной заинтересованности в деловом повседневном сотрудничестве в приграничных территориях.

Ключевые слова: Тува (Республика Тыва Российской Федерации), Монголия, приграничный регион, внешнеэкономические связи, приграничное сотрудничество, торговля, показатели экспорта, импорта, внешнеторгового сальдо и внешнеторгового оборота, номенклатура товаров, перспективы.

Финансирование. Работа выполнена по государственному заданию ТувИКОПР СО РАН проект № 0307-2021-0005.

Для цитирования: Кылыгдай А. Ч. Торгово-экономическое сотрудничество Тувы и Монголии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 15–23. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/15-23>

ECONOMICS

Original article

TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN TUVA AND MONGOLIA

Aikys Ch. Kylgyday

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of SB RAS, Kyzyl, Russia, aikys_k@mail.ru, SPIN code: 9839-9790, <https://orcid.org/0000-0003-4608-7968>

Abstract. The paper considers the state of trade and economic relation between Tuva Republic (of Russian Federation) and Mongolia. Analysis of the real results of foreign trade relations, the dynamics of export-import for Tuvan-Mongolian flows during 2011–2021 years revealed a negative export balance. But foreign trade between Tuva and Mongolia has a positive trend, while the size of trade turnover is insignificant. So alternate trade between Tuva and Mongolia is becoming a factor in the economic development of the border republic. Today the major part in exports and imports are food industry stock, animal feed, flour and cereals industry products, malt, plastics and plastic products, knitted clothing and accessories, hats and their parts. The main goods exported from Tuva are

food products, food industry stock, animal feed, and plastic goods. The main goods imported into the region are consumer goods. Traditional border trade is developing between Tuva and Mongolia, allowing the population to obtain cheaper goods and services. The nature of trade and economic relations with Mongolia is determined by open transport system of Tuva, because there is no railway connection with the rest of Russia. Today automobile transport is the main, though expensive, way of transporting goods in Tuva. The extension of bilateral cooperation, promoting new ways for further intensive interaction of the two countries are determined by such factors as transport accessibility including the road infrastructure for Tuva Republic and neighboring Mongolia. In general, extension of foreign economic cooperation between Tuva and Mongolia, transport infrastructure development are the long-term national interests of Russia, stimulating the creation of export-oriented industries based on local resources, their inclusion in dynamically developing international economic relations, creating an atmosphere of goodwill, mutual interest in everyday business cooperation in border areas.

Keywords: Tuva Republic (of Russian Federation), Mongolia, border region, foreign economic relations, cross-border cooperation, trade, export data, import data, data of foreign trade balance, goods nomenclature, prospects.

Financial support. The work was carried out according to the government assignment within the the TuvIKOPR SB RAS project No. 0307-2021-0005.

For citation: Kылгыдай А. Ч. Trade and economic cooperation between Tuva and Mongolia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 15–23. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/15-23>

Республика Тыва (Тува), располагаясь на юге Сибирского федерального округа РФ, граничит с Монголией и несёт ряд функций приграничного региона. Тува и Монголия исторически поддерживают и развивают добрососедские и дружественные взаимоотношения, которые имеют глубокие исторические корни. Ещё в период Тувинской Народной Республики между Тувой и Монголией были установлены хозяйственные и торговые контакты, которые стали особенно активными в 1920-х годах [1, с. 48–49] и далее только расширились и углублялись.

В настоящее время приграничное сотрудничество Тувы и Монголии осуществляется по самому широкому спектру вопросов – от торговли и обмена опытом ведения сельского хозяйства до современных проектов в сфере образования, здравоохранения, культуры, спорта, туризма и т. д., которые базируются на договорной основе в рамках множества соглашений между приграничными территориями соседних стран, межгосударственных соглашений и межгосударственного партнёрства.

Внешнеэкономические связи в основном выражаются вовлечённостью экономики приграничных территорий в процесс внешнеторговых операций. Анализ состояния торгово-экономических отношений между Тувой и Монголией показал, что динамика

экспортно-импортных тувинско-монгольских потоков за 2011–2021 гг. (табл. 1) отражает отрицательное экспортное сальдо. Так, в 2021 г. внешнеторговый оборот между Тувой и Монголией составил 813,7 тыс. долл., что в 2,7 раза меньше, чем в 2011 г. (рис. 1), при этом в 2011 г. основная доля внешнеторгового оборота приходится на импорт, а в остальные годы – на экспорт. В структуре товарооборота в 2021 г. доля экспорта составила 91,7%, импорта – 8,3%.

Таблица 1

Экспорт и импорт Тувы с Монголией в 2011–2020 гг., тыс. долларов
Tuva's exports and imports with Mongolia 2011–2021, thousand dollars

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт	639,1	647,1	41,5	250,3	413,0	416	177,0	200,0	322	369,3	746,2
Импорт	1537,8	112,6	-	-	-	-	5,3	-	-	28,4	67,5

Источник: [2]

В рассматриваемом периоде (рис. 1) объёмы товарооборота между Тувой и Монголией характеризуются трендом на понижение (2011–2012 гг.), в 2013 г. динамика тувинско-монгольской торговли пережила глубокий спад, далее (2014–2015 гг.) наблюдался некоторый подъём, который сменился очередным периодом снижения (2017–2018 гг.). Тем не менее в последние годы (2019–2021) отмечается некоторое оживление грузопотоков в Монголию и обратно. В сравнении с 2020 г., в 2021 г. экспорт из Тувы в Монголию вырос в 2 раза, импорт увеличился в 2,4 раза (рис. 1).

Рис. 1. Внешнеторговый оборот Тувы с Монголией и доля экспорта Тувы в нём, 2015–2021 гг. Источник: [2]

Fig.1. Tuva's foreign trade turnover with Mongolia and the share of exports in it, 2011–2021. Source: [2]

Для Тувы Монголия является важным рынком сбыта, куда вывозится широкий спектр товаров народного потребления, продовольствия, а также готовая к употреблению продукция. Из 10 товарных позиций экспорта в товарной структуре товарооборота в 2011 г. лидерами поставок стали (рис. 2): котлы, оборудование и механические устройства, их части (29,4%); средства наземного транспорта, их части (27,5%); мебель, постельные принадлежности, матрацы (22%). В структуре импортных поставок в 2011 г. единственной статьёй были мясо и пищевые мясные субпродукты, которых поставлено в Туву на сумму 1 532,1 тыс. долларов.

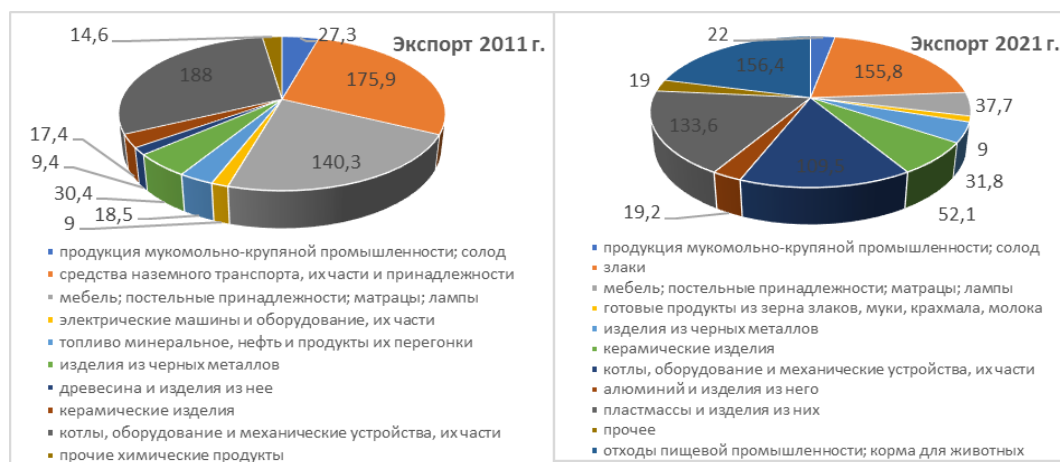

Рис. 2. Товарная структура экспорта Тува – Монголия в 2011 г. и 2021 г., тыс. долл.

Источник: [2]

Fig. 2. Commodity structure of Tuva – Mongolia exports in 2011 and 2021, thousand dollars.

Source: [2]

В структуре экспорта в 2021 г. [3] представлены 17 наименований товаров. Основными экспортными товарами стали: пшеничные отходы – остатки и отходы пищевой промышленности, корма для животных (22%), злаки (21%); на втором месте – пластмассы и изделия из них (18%); на третьем месте – котлы, оборудование и механические устройства, их части (15%); далее – мебель, постельные принадлежности, матрацы (5%); изделия из чёрных металлов (4%) и т. д.

Как видно из рис. 2, на общем фоне экспортных поставок в Монголию в последнее время отмечается тенденция увеличения и расширения номенклатуры товаров.

Товарная структура импорта 2021 г. значительно скромнее структуры экспорта, всего шесть позиций: больше всего ввезено предметов одежды и принадлежностей к одежде, что занимает 86,5% импорта товаров, далее – головные уборы и их части (11,4%), топливо минеральное, нефть и продукты её перегонки (0,8%), пластмассы и изделия из них (0,8%), прочие готовые текстильные изделия (0,5%).

Таким образом, внешняя торговля между Тувой и Монголией в целом имеет положительную динамику, однако масштабы товарооборота незначительны. Сдерживающие факторы в торгово-экономических связях обеих сторон обусловлены инфраструктурными составляющими, в частности, относительной транспортной доступностью Республики Тыва.

Тува – периферийный, удалённый от промышленных центров, не имеющий железнодорожного выхода в другие регионы страны, экономически слабо развитый приграничный регион, с относительно слабо развитыми промышленностью, капитальным строительством и транспортом. Основным не только во внутривнутриреспубликанских перевозках, но и в межрегиональных перевозках грузов и весьма дорогим способом транспортировки грузов в Туве является автомобильный транспорт.

Приграничные регионы, представляя обычно периферийную часть страны, развиваются медленнее остальных и могут получить дополнительные возможности лишь при активном сотрудничестве с сопредельными регионами другой страны, поэтому их развитие значительно зависит от торговых отношений между странами [4, с. 201]. Данное утверждение можно вполне отнести и к регионам России, граничащими с Монголией [5, с. 158], в том числе Республике Тыва.

Новые возможности в развитии внешнеэкономических связей Тувы и Монголии зависят от совершенствования транспортной инфраструктуры, от соединения Тувы с рельсовой сетью России. Полную интеграцию Тувы в федеральное экономическое пространство дало бы строительство железной дороги «Кызыл – Курагино», однако реализация проекта неоднократно откладывается из-за нестабильной финансово-экономической ситуации в стране.

Создание эффективной транспортной системы, основой которой должна стать железная дорога Кызыл – Курагино может открыть новый транспортный коридор из России через Монголию в Китай [6; 7]. Западная Монголия могла бы подсоединиться к железной дороге России, далее из Монголии возможно продление железнодорожного сообщения до г. Урумчи (КНР) [8, с. 339], что станет существенным прорывом в экономических и культурных отношениях, выведет партнёрство на новый уровень между странами по обе стороны границы.

В ближайшем будущем первостепенной задачей для приграничных регионов монгольского коридора становится совершенствование инфраструктуры внешней торговли, включая системы пунктов пропуска, транспортно-логистическую инфраструктуру, терминально-складские комплексы [5, с. 160] и т. д.

В «Индивидуальной программе социально-экономического развития Тувы до 2024 года» [9] создание современной инфраструктуры и транспортной доступности приграничного региона является одним из ключевых направлений, учитывая геополитическое расположение региона. В настоящее время идёт модернизация двустороннего автомобильного пункта пропуска «Хандагайты» на границе Тувы с

Монголией – в многосторонний, который предполагает переход объекта на круглосуточный режим работы и увеличение пропускной способности, что будет способствовать расширению товарооборота с Монголией и Китаем, позволит выйти на новый уровень развития экономики и туристической сферы регионов Енисейской Сибири и будет способствовать развитию транзитного потенциала республики [10].

Существенные возможности Тувы во внешнеэкономическом пространстве появились с отнесением Республики Тыва к числу регионов, имеющих границы с другими странами, к приграничным геостратегическим территориям РФ в соответствии со «Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [11], что является институциональной новацией пространственного регулирования экономики, регионального развития с определением перспективных экономических специализаций – «точек роста» экономики региона, обладающего таким ресурсом, как приграничное положение.

Список источников

1. Саая С. В. Россия – Тува – Монголия: центральноазиатский треугольник в 1921–1944 годах. Абакан, 2003. 200 с.
2. Федеральная таможенная служба. Сибирское таможенное управление. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/146953/document/146982>.
3. Экспорт и импорт Республики Тыва по странам и группам товаров // Официальный сайт Сибирского таможенного управления. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/270765/>.
4. Дружинин П. В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. 2017. № 2. С. 200–216.
5. Намжилова В. О. Российские приграничные регионы в развитии монгольского коридора // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 4 (32). С. 157–163.
6. Республика Тыва намерена стать экономическим партнёром соседнего Китая // РИА Сибирь. – URL: <http://ria-sibir.ru/viewnews/65484.html>.
7. Тува станет сибирскими воротами в Азию. URL: <https://krasnoyarskmedia.ru/news/587327/>.
8. Балакина Г. Ф., Бегзи А. Д. Экономика Тувы: возможные стратегии развития / отв. ред. Ю. Г. Полулях. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2016. 308 с.
9. Индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 г. № 972-р. URL: https://cloud.mail.ru/attaches/16497304851761754523%3B0%3B1?folder-id=0&x-email=aikys_k%40mail.ru&cvq=f/.

10. Пропускная способность погранпункта «Хандагайты» (Боршо) вырастет в два раза после реконструкции. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/other/46864/ (дата обращения: 02.02.2022).

11. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021). 2018. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/>.

References

1. Saaya S. V. Rossiya – Tuva – Mongolija: central'noaziatskij treugol'nik v 1921–1944 godah. [Russia – Tuva – Mongolia: the Central Asian Triangle in 1921–1944]. Abakan, 2003. 200 p. (In Russ.).

2. Federal Customs Service. Siberian Customs Administration. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/146953/document/146982>. (In Russ.).

3. Export and import of the Republic of Tuva by countries and groups of goods. *Official website of the Siberian Customs Administration*. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/270765>. (In Russ.).

4. Druzhinin P. V. Osobennosti razvitija prigranichnyh regionov [Features of the development of border regions]. *Regionologiya*, 2017, no. 2, pp. 200–216. (In Russ.).

5. Namzhilova V. O. Rossijskie prigranichnye regiony v razvitii mongol'skogo koridora [Russian border regions in the development of the Mongolian corridor]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 2018, no. 4, pp. 157–163. (In Russ.).

6. The Republic of Tuva intends to become an economic partner of neighboring China. *Ria Sibir*. URL: <http://ria-sibir.ru/viewnews/65484.html>. (In Russ.).

7. Tuva will become the Siberian gateway to Asia. URL: <https://krasnoyarskmedia.ru/news/587327/>. (In Russ.).

8. Balakina G. F., Begzi A. D. *Ekonomika Tuvy: vozmozhnye strategii razvitija* [Economy of Tuva: feasible development strategies]. Kyzyl: TuvIENR SB RAS, 2016. 380 p. (In Russ.).

9. Individual program of socio-economic development of the Republic of Tuva for 2020–2024. Approved by order of the Government of the Russian Federation of April 10, 2020 No. 972-r. URL: https://cloud.mail.ru/attaches/16497304851761754523%3B0%3B1?folder-id=0&x-email=aikys_k%40mail.ru&cvg=f/. (In Russ.).

10. Throughput capacity of the Khandagaity (Borsho) border checkpoint will double after reconstruction. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/other/46864/. (In Russ.).

11. On approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of Febru-

ary 13, 2019 No. 207-r (as amended on March 23, 2021). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/>. (In Russ.).

Сведения об авторе

А. Ч. Кылгыдай – научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл, Республика Тыва, Россия.

Information about the author

Aikys Ch. Kylgyday – Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Kyzyl, Tuva Republic, Russia.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 24–34.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 24–34.

Научная статья

УДК 347.763:339.92(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/24-34>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ*

Мария Александровна Дроздова

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, drozdova@pgups.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9691-0575>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные тенденции развития международно-правового регулирования транспортно-логистической сферы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), изменения в международно-правовом регулировании отрасли, произошедшие вследствие изменения геополитической повестки, а также влияние процессов диджитализации и антиглобализационных настроений в мировой экономике на формирование новых трендов в регламентации трансграничной логистики. Анализ влияющих факторов и трендов международно-правового регулирования позволил выявить ключевые векторы его развития, а также сформулировать задачи, актуальные для создания новой парадигмы регламентирования межгосударственного сотрудничества в транспортной сфере в Азиатско-Тихоокеанском регионе с учётом позиций России и Китая в мире в настоящем и ближайшем будущем. Новая парадигма современности – регионализация экономики и, как следствие этого, транспортно-логистического сотрудничества. В современных социально-экономических условиях, когда введённые против России международные санкции изменили карту международного сотрудничества, формирование актуальной транспортно-логистической экосистемы является одним из ведущих трендов развития отрасли. В условиях цифровизации и автоматизации процессов, разрыва российско-европейских логистических маршрутов, укрепления международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе требуется модернизация международно-правового регулирования транспортно-логистического сотрудничества с целью создания и внедрения единой цифровой платформы, позволяющей полно-

* © Дроздова М. А., 2022

ценно обеспечить логистический провайдинг 5-го уровня, создания стандарта международного электронного документооборота и электронной накладной. Задача формирования международно-правового регулирования сопряжения цифровых логистических платформ стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стран Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) и всех стран АТР является одной из центральных для обеспечения резильентности российской экономики и развития интеграционных процессов в восточной части Евразии.

Ключевые слова: международное право, международная логистика, международные санкции, транспорт, логистика, международный электронный документооборот, ЕАЭС, АТР, логистические платформы.

Для цитирования: Дроздова М. А. Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества в сфере транспорта и логистики в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 24–34. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/24-34>

Original article

CURRENT ISSUES OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF COOPERATION IN THE FIELD OF TRANSPORT AND LOGISTICS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Maria Alexandrovna Drozdova

Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I, St. Petersburg,
drozdova@pgups.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9691-0575>

Abstract. The article discusses current trends in the development of international legal regulation of the transport and logistics sector in the Asia-Pacific region, changes in the international legal regulation of the industry that occurred as a result of changes in the geopolitical agenda, as well as the impact of digitalization processes and anti-globalization sentiments in the global economy on the formation of new trends in regulation of cross-border logistics. Analysis of the influencing factors and trends in international legal regulation made it possible to identify the key vectors of its development, as well as to formulate the tasks that are relevant for creating a new paradigm for regulating interstate cooperation in the transport sector in the Asia-Pacific region, taking into account the position of Russia and China in the world at present and in the near future. The new paradigm of modernity is the regionalization of the economy and, as a result, the transport and logistics cooperation. In modern socio-economic conditions, when the international sanctions imposed against Russia have changed the map of international cooperation, the formation of a transport and

logistics ecosystem is one of the leading trends in the development of the industry. In the context of digitalization and automation of processes, the disruption of Russian-European logistics routes, and the strengthening of international cooperation in the Asia-Pacific region, it is necessary to modernize the international legal regulation of transport and logistics cooperation in order to introduce a single digital platform that allows to fully ensure the 5th level logistics provider, creating a standard for international electronic document management and an electronic invoice. The task of forming the international legal regulation of interfacing digital logistics platforms of the EAEU and the Asia-Pacific countries is one of the central ones for ensuring the resilience of the Russian economy and the development of integration processes in the eastern part of Eurasia.

Keywords: international law, international logistics, international sanctions, transport, logistics, international electronic document management, EAEU, Asia-Pacific, SCO, logistics platforms.

For citation: Drozdova. M. A. Current issues of international legal regulation of cooperation in the field of transport and logistics in the Asia-Pacific region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 24–34. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/24-34>

В 2022 г. международные санкции против России, рост цен на энергоносители, разрыв эффективно функционировавших маршрутов поставки товаров из Европы в Азию (и обратно), изменение международного политического дискурса изменили парадигму развития мирового транспортно-логистического комплекса. Глобализационные тенденции, преобладавшие в мировой экономике в 1990–2022 гг., уступили место интенсификации регионального международного сотрудничества.

В марте 2022 г., после введения антироссийских санкций, крупнейшие логистические компании мира – датская Maersk, французская CMA CGM, швейцарская MSCNapag-Lloyd, сингапурский альянс Ocean Network Express (ONE) и тайваньский оператор Yang Ming прекратили свою работу в России, что привело к фактической остановке контейнерных перевозок из Европы в Россию и обратно. С 17 апреля 2022 г. европейские порты также закрыли доступ судам с российским флагом, за исключением судов с сельскохозяйственной и пищевой продукцией, гуманитарной помощью и некоторыми другими категориями грузов. Введён запрет на белорусские и российские автомобильные грузоперевозки в ЕС, включая транзитные [1].

Указанные события стали драйвером развития новых маршрутов мультимодальных перевозок грузов из Китая, сочетающих железнодорожный и морской транспорт через порты Дальнего Востока и по Транссибирской магистрали.

В актуальной социально-экономической ситуации Дальний Восток стал стратегически важным регионом, обеспечивающим интеграцию транспортно-логисти-

ческой экосистемы России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в частности, с крупнейшим производителем товаров – Китаем. Представляется, что существующая геополитическая ситуация должна способствовать развитию стратегического партнёрства с государствами АТР. Так, в результате санкционного давления объём торгового оборота между Китаем и всеми странами ШОС (включая Россию) за первые восемь месяцев 2022 г. вырос на 26% в годовом выражении и составил 246,45 млрд долл. В структуре внешней торговли РФ, по данным на начало 2022 г., на долю стран АТЭС приходится 33,6% российского товарооборота. АТР является вторым после ЕС крупнейшим региональным партнёром в сфере транспортно-логистического взаимодействия [2]. За первые восемь месяцев товарооборот РФ со странами АТЭС вырос на 7% и превысил 7,5 млрд долл [3].

Существующая институциональная и организационная система как в двустороннем формате, так и в рамках создания региональных транспортно-логистических экосистем в краткосрочной и среднесрочной перспективе может составить значимую альтернативу закрытым маршрутам грузопотоков из ЕС.

Однако для реализации этой перспективы требуется принятие нормативно-правовых документов как в двустороннем формате, так и на региональном уровне, создающих правовую базу для полноценного функционирования бесшовной грузовой логистики, включая создание эффективной трансграничной системы электронного документооборота (ЭДО) и гармонизации транспортного законодательства стран-партнёров.

Цифровизация транспортно-логистической сферы является одним из ведущих трендов развития отрасли. Вопросы развития цифровизации и внедрения инноваций в российской логистической экосистеме рассматривались в работах О. Д. Покровской [4; 5; 6; 7; 8] и других авторов [9; 10].

Исследования показывают, что рынок цифровых сервисов для транспорта и логистики в 2020 г. составил 89,4 млрд руб., а к концу десятилетия ожидается его рост в 7 раз – до 27 млрд руб. [11] Предполагаемый эффект от диджитализации к 2030-му году предполагает рост её производительности на 20 % [12].

В Российской Федерации в 2021 г. Министерством транспорта была разработана Стратегия цифровой трансформации транспортной отрасли до 2030 г. [13]. Цифровизация транспортно-логистической экосистемы РФ будет реализована в рамках ключевых проектов (рис. 1).

Создание условий для бесшовной цифровой логистики с самым крупным партнёром России в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Китаем – в значительной степени повысило бы скорость оказания услуг и сократило издержки и сроки оформления проездной документации. Разработка на международном уровне стандарта электронного документооборота и электронной цифровой подписи является одной

из значимых задач в сфере развития международно-правового регулирования. Ведь существующий правовой вакуум существенно снижает возможность применения цифровых технологий и сервисов на межгосударственном уровне.

- Беспилотники для пассажиров и грузов
- Зеленый цифровой коридор пассажира
- Беспроводная грузовая логистика
- Цифровое управление транспортной системой Российской Федерации
- Цифровизация для транспортной безопасности
- Цифровые двойники объектов транспортной инфраструктуры

Рис. 1. Треки цифровизации транспортно-логистической системы РФ

Fig. 1. Tracks of digitalization of Russian transport and logistics system

Первый проект международного российско-китайского ЭДО был реализован в сфере телекоммуникаций между компаниями МегаФон и китайским холдингом Huawei через российскую компанию Контур.Диадок в 2017 г. В соответствии с Приказом Минкомсвязи России от 11.04.2017 № 187 [14] должна быть создана структура, которая обладает полномочиями проверки электронной подписи в международных электронных документах. Это связано с тем, что в настоящее время в национальных законодательствах стран – торговых партнёров не содержится стандарта сертификации электронной подписи, а выданные в другом государстве сертификаты ключей электронной подписи не признаются на территории других стран.

В настоящее время в соответствии с российским законодательством возможно использование компаниями – нерезидентами РФ неквалифицированной электронной подписи на основании ст. 7 ФЗ от 06.04.2011 №63-ФЗ [15]. Однако это разрешение является скорее лакуной в праве, которая даёт возможность участникам правоотношений самостоятельно определять порядок документооборота. Создание в двустороннем или многостороннем формате стандарта международного ЭДО и структуры, верифицирующей электронные подписи нерезидентов, создало бы условия для роста экономического сотрудничества через введение трансграничного безбумажного оформления сделок.

Другим значимым вопросом развития международно-правового регулирования транспортно-логистической сферы является отсутствие законодательства, регламентирующего вопросы использования международных цифровых логистиче-

ских платформ. Создание таких цифровых платформ на внутригосударственном уровне получило широкое распространение. Цифровые технологии позволяют осуществлять процесс координации грузоотправителей с грузоперевозчиками, используя платформенные решения. Технология блокчейна в настоящее время является одним из актуальных трендов цифровизации транспортно-логистических экосистем. Её внедрение обеспечило повышение качества управления логистическими процессами посредством обмена информацией на основе цифровых платформ.

На современном этапе наибольшее распространение получили частные корпоративные логистические платформы [16]. В России в настоящее время цифровая логистическая платформа, созданная в рамках ЕАЭС, находится в стадии разработки. Однако представляется, что, с учётом существующих тенденций в геополитике и перераспределении логистических маршрутов грузоперевозок на Восток, одним из важных направлений формирования технических сервисов платформы ЕАЭС является разработка возможности её сопряжения (с целью обмена данными, функционирования ЭДО) с логистической платформой Китая – LOGINK. К тому же, когезия платформ ЕАЭС и Китая могла бы стать одним из этапов по реализации плана сопряжения ЕАЭС и Экономического Пояса Шёлкового Пути (ЭППП). Механизм возможности обмена информацией NEAL-NET через LOGINK между Китаем, Японией и Южной Кореей позволит расширить возможности цифровой логистики в Евразии и связать страны ЕАЭС со всеми странами АТР. Для реализации этой инициативы необходимо заключение международного соглашения между странами ЕАЭС и государствами – стратегическими партнёрами в АТР о сотрудничестве в сфере цифровизации транспортно-логистических услуг с дополнительными протоколами по следующим вопросам:

- стандартизация данных, которая позволит осуществлять информационное обеспечение деятельности платформы на международном уровне;
- передача информации с целью формирования условий для интеграции в созданной системе межведомственных и межотраслевых участников;
- создание и функционирование межгосударственной структуры, обеспечивающей работу серверов для передачи данных.

В настоящее время основными препятствиями для развития Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в области логистики являются:

- транспортное неравенство стран;
- отсутствие единого стандарта электронного документооборота;
- отсутствие единой разработанной стратегии внедрения цифровых сервисов, обеспечивающих логистический провайдинг 5-го уровня;
- отсутствие развитой базы международно-правового регулирования транспортно-логистического сотрудничества;
- недостаточность государственного участия в создании условий для развития международной логистической инфраструктуры;

- неразвитость применения инструментов цифровизации и автоматизации для оптимизации новых маршрутов грузоперевозок;
- отсутствие согласованности законодательства, регулирующего функционирование различных видов транспорта.

Новые геополитические вызовы и развитие цифровых логистических сервисов требуют формирования новой парадигмы развития транспортно-логистических экосистем России, ЕАЭС, стран – участниц Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), а также государств АТР.

Президент России В. В. Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» отмечал ранее, что ЕАЭС должен стать связующим звеном между Европой и странами АТР [17]. В актуальных социально-экономических условиях интеграция логистических систем ЕАЭС и стран АТР должна стать драйвером развития экономик России и Китая, а также стран-партнёров. При этом, проекты ЕАЭС, ЭПШП, ШОС нуждаются в гармонизации законодательства и создании дорожной карты сотрудничества и развития нормативно-правовой базы как самих организаций, так и соглашений, устанавливающих рамки и условия сотрудничества между ними для получения эффекта синергии от объединения усилий, экономик и транспортных систем.

Для обеспечения резильентности российской экономики и развития интеграционных процессов в восточной части Евразии необходимым условием является формирование массива международно-правового законодательства в рамках ЕАЭС совместно со странами – партнёрами АТР в сфере цифровой логистики.

Основными направлениями правовой регламентации являются:

- развитие мультимодальных маршрутов в АТР;
- диверсификация и формирование «умных» цепочек поставок в страны АТР;
- диджитализация транспортной системы;
- создание условий для интеграции удалённых территорий в общее транспортное пространство;
- гармонизация законодательств стран с целью создания возможности для функционирования бесшовной логистики.

В условиях актуальной геополитической повестки развитие транспортно-логистических возможностей стран – партнёров АТР является одним из способов ответа на новые вызовы. Для реализации проектов по расширению международного сотрудничества в регионе развитие международно-правового регулирования является необходимым условием. Представляется, что в среднесрочной перспективе интенсификация регионального сотрудничества станет основным трендом в формировании новых трансгосударственных связей, уступив место глобализационным тенденциям, господствовавшим в мире в последние десятилетия.

Список источников

1. ЕС принял пятый пакет санкций против России в связи с военной агрессией против Украины. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/55483/eu-adopts-fifth-round-of-sanctions-against-russia-over-its-military-aggression-against-ukraine_ru.pdf.
2. ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь 2022 года. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/329649?ysclid=19wg3etysf228132466>.
3. Товароборот России со странами АТЭС превысил 7,5 млрд долларов с начала года. URL: <https://news.rambler.ru/politics/49245696-tovarooborot-rossii-so-stranami-ates-prevysil-7-5-mlrd-dollarov-s-nachala-goda/?ysclid=19wg1rli8t147505913>.
4. Покровская О. Д. Логистические накопительно-распределительные центры как основа терминальной сети региона: монография. Новосибирск, 2012. 184 с.
5. Покровская О. Д. Состояние транспортно-логистической инфраструктуры для угольных перевозок в России // Инновационный транспорт. 2015. № 1 (15). С. 13–23.
6. Покровская О. Д. О терминологии объектов терминально-складской инфраструктуры // Мир транспорта. 2018. Т. 16, № 1 (74). С. 152–163.
7. Покровская О. Д. Логистическая классность железнодорожных станций // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 2 (38). С. 68–76.
8. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. № 1. С. 80–94.
9. Pokrovskaya O., Fedorenko R. Assessment of transport and storage systems // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1115. P. 570–577. DOI: 10.1007/978-3-030-37916-2_55.
10. Fursova E. Stages and Directions of Innovative Development of the Transport Industry: Digitalization of Russian Railroads / E. Fursova, M. Drozdova, L. Kravchenko // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Vol. 402 LNNS. P. 200–210. DOI 10.1007/978-3-030-96380-4_23.
11. Цифровая логистика. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0?ysclid=18sefpr4y2846598503.
12. Рынок цифровизации транспорта и логистики к 2030 г. вырастет в 7 раз. URL: https://www.cnews.ru/reviews/it_v_transportnoj_otrasli_2021/articles/rynok_tsifrovizatsii_transporta_i?ysclid=19pjx6b3ru543635111.
13. Стратегия цифровой трансформации транспортной отрасли до 2030 г. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9985>.
14. Об обеспечении осуществления Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации функции доверенной третьей стороны: Приказ

Минкомсвязи России от 11.04.2017 № 187. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/5711/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f.

15. Об электронной подписи: Федеральный Закон РФ от 06.04.2011 №63-ФЗ. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=282848&cwi=0&utm_source=yandex&utm_medium=organic&utm_referer=yandex.ru&utm_startpage=kontur.ru%2Farticles%2F5557&utm_orderpage=kontur.ru%2Farticles%2F5557.

16. Крупнейшие международные цифровые логистические платформы: сравнительный анализ / С. Е. Барыкин, Ю. Б. Егерёва, Е. В. Корчагина, О. В. Калинина, Е. С. Федорова // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 97–103.

17. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>.

References

1. The EU adopted the fifth package of sanctions against Russia in connection with the military aggression against Ukraine. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/55483/eu-adopts-fifth-round-of-sanctions-against-russia-over-its-military-aggression-against-ukraine_ru.pdf. (In Russ.).

2. Federal Customs Service of Russia: Russian export-import data for January 2022. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/329649?ysclid=19wg3etysf228132466>. (In Russ.).

3. Russia's trade turnover with the APEC countries has exceeded \$7.5 billion since the beginning of the year. URL: <https://news.rambler.ru/politics/49245696-tovarooborot-rossii-so-stranami-ates-prevysil-7-5-mlrd-dollarov-s-nachala-goda/?ysclid=19wg1rli8t147505913>. (In Russ.).

4. Pokrovskaya O. D. Logisticheskie nakopitel'no-raspredelitel'nye centry kak osnova terminal'noj seti regiona [Logistic storage and distribution centers as the basis of the region's terminal network]: monograph. Novosibirsk, 2012. 184 p. (In Russ.).

5. Pokrovskaya O. D. Sostojanie transportno-logisticheskoy infrastruktury dlja ugol'nyh perevozok v Rossii [The state of transport and logistics infrastructure for coal transportation in Russia]. *Innovacionnyj transport*, 2015, no. 1 (15), pp. 13–23. (In Russ.).

6. Pokrovskaya O. D. O terminologii ob#ektov terminal'no-skladskoj infrastruktury [On the terminology of objects of terminal and warehouse infrastructure]. *Mir transporta*, 2018, vol. 16, no. 1 (74), pp. 152–163. (In Russ.).

7. Pokrovskaya O. D. Logisticheskaja klassnost' zheleznodorozhnyh stancij [Logistic class of railway stations]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshhenija*, 2018, no. 2 (38), pp. 68–76. (In Russ.).

8. Pokrovskaya O. D. Logisticheskie transportnye sistemy Rossii v usloviyah novyh sankcij [Logistic transport systems in Russia under new sanctions]. *Bjulleten' rezul'tatov nauchnyh issledovanij*, 2022, no. 1 pp. 80–94. (In Russ.).

9. Pokrovskaya O., Fedorenko R. Assessment of transport and storage systems. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2020, vol. 1115, pp. 570–577. DOI: 10.1007/978-3-030-37916-2_55.

10. Fursova E., Drozdova M., Kravchenko L. Stages and Directions of Innovative Development of the Transport Industry: Digitalization of Russian Railroads. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, vol. 402 LNNs, pp. 200–210. DOI 10.1007/978-3-030-96380-4_23.

11. Digital logistics. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0?ysclid=l8sefpr4y2846598503. (In Russ.).

12. The transport and logistics digitalization market will grow by 7 times by 2030. URL: https://www.cnews.ru/reviews/it_v_transportnoj_otrasli_2021/articles/rynok_tsifrovizatsii_transporta_i?ysclid=l9pjx6b3ru543635111. (In Russ.).

13. Strategy for digital transformation of the transport industry until 2030. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9985>. (In Russ.).

14. On ensuring the implementation of the function of a trusted third party by the Ministry of Telecom and Mass Communications of the Russian Federation: Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia dated April 11, 2017 No. 187. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/5711/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f. (In Russ.).

15. On the electronic signature: Federal Law of the Russian Federation dated April 6, 2011 No. 63-FZ. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=282848&cwi=0&utm_source=yandex&utm_medium=organic&utm_referer=yandex.ru&utm_startpage=kontur.ru%2Farticles%2F5557&utm_orderpage=kontur.ru%2Farticles%2F5557. (In Russ.).

16. Barykin S. E., Egereva Yu. B., Korchagina E. V., Kalinina O. V., Fedorova E. S. Krupnejšie mezhdunarodnye cifrovye logisticheskie platformy: sravnitel'nyj analiz [The largest international digital logistics platforms: a comparative analysis]. *Omsk Scientific Bulletin. The Society series. History. Modernity*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 97–103. (In Russ.).

17. Putin V. V. Novyj integracionnyj proekt dlja Evrazii – budushhee, kotoroe rozhdaetsja segodnja [A new integration project for Eurasia – the future that is born today]. *Izvestiya*, 2011, 3 Oct. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>. (In Russ.).

Информация об авторе

Дроздова Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «История, философия, политология, социология» факультета «Экономика и менеджмент» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Drozдова Maria Alexandrovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Political Studies, Sociology, Faculty of Economics and Management, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Transport, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 05.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 35–48.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 35–48.

Научная статья

УДК 338.2:004.8:34.03(519.5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/35-48>

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*

**Валентин Игоревич Волощак¹, Леонид Евгеньевич Козлов²,
Дарья Валерьевна Валитова³, Дарья Владимировна Сарбаш⁴**

^{1, 2, 3, 4}Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹voloshchak.vi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7557-7494>

²kozlov.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6372-5098>

³valitova.dv@students.dvfu.ru

⁴sarbash.dv@students.dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется южнокорейский опыт политико-правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Источниками исследования являются соответствующие концепции и стратегии Республики Корея (РК), нормативно-правовые документы в базе Информационного центра государственного законодательства, официальные сайты профильных государственных органов, публикации южнокорейских СМИ. Проанализированы такие аспекты темы, как стратегическое планирование и институциональная организация в сфере ИИ, нормотворчество в сфере ИИ, регулирование отрасли беспилотных автомобилей, использование ИИ в государственном управлении, этика ИИ. Сделан вывод о том, что разработка и использование ИИ является чрезвычайно важной проблемой общественного развития и государственной политики РК.

Ключевые слова: Республика Корея, цифровая экономика, искусственный интеллект, большие данные, правовое регулирование, государственная политика, стратегическое планирование.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке ДВФУ (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Центр цифрового развития) и при содействии Дальневосточного центра искусственного интеллекта ДВФУ (центр создан совместно с ПАО Сбербанк).

* © Волощак В. И., Козлов Л. Е., Валитова Д. В., Сарбаш Д. В., 2022

Для цитирования: Цифровая экономика и искусственный интеллект в Республике Корея: практика политико-правового воздействия / В. И. Волощак, Л. Е. Козлов, Д. В. Валитова, Д. В. Сарбаш // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 35–48. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/35-48>

Original article

**DIGITAL ECONOMY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN THE REPUBLIC OF KOREA:
THE PRACTICE OF POLITICAL AND LEGAL IMPACT**

Valentin I. Voloshchak¹, Leonid E. Kozlov², Daria V. Valitova³, Daria V. Sarbash⁴

^{1, 2, 3, 4}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹voloshchak.vi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7557-7494>

²kozlov.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6372-5098>

³valitova.dv@students.dvfu.ru

⁴sarbash.dv@students.dvfu.ru

Abstract. The article examines South Korean experience of political and legal regulation of artificial intelligence (AI). The primary sources for the present study are Republic of Korea's (ROK) strategies in the relevant field, regulatory acts from the Korean Law Information Center database, official web-pages of South Korean public bodies, and publications in South Korean media. The authors analyzed such aspects of AI regulation policy as strategic planning and institutional organization, rulemaking, regulation of self-driving cars, utilization of AI in public administration, AI ethics. The authors conclude that the development and utilization of AI technologies are among the most important challenges of social development and public policy in South Korea.

Keywords: The Republic of Korea, artificial intelligence, big data, egal regulation, public policy, strategic planning.

Financial Support. The work was supported by FEFU (Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030": Center for Digital Development) and with the assistance of the Far Eastern Center for Artificial Intelligence of FEFU (the center was created jointly with Sberbank).

For citation: Voloshchak V. I., Kozlov L. E., Valitova D. V., Sarbash D. V. Digital economy and artificial intelligence in the Republic of Korea: the practice of political and legal impact // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 35–48. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/35-48>

Введение

Республика Корея (РК) относится к наиболее развитым в технологическом отношении странам. Возможности искусственного интеллекта (ИИ) используются здесь в различных сферах общественной жизни всё шире и шире. Как следствие южнокорейское общество считает проблему ИИ чрезвычайно важной и активно обсуждает возможности, вызовы и угрозы, которые порождает использование ИИ. В политическое регулирование этой сферы вовлечено большое число министерств и других государственных органов. Нормативно-правовое регулирование ИИ уже сейчас выглядит довольно высокоразвитым, но власти РК планируют развивать его и далее. В данной связи южнокорейский опыт политико-правового регулирования ИИ представляется весьма интересным для России, хотя, безусловно, не все его элементы могут быть перенесены на российскую почву, поскольку социально-политические реалии Южной Кореи существенно отличаются от российских.

Стратегическое планирование и институциональная организация в сфере ИИ

17 декабря 2019 г. на заседании Госсовета РК под председательством президента Мун Чжэина было объявлено о принятии «Национальной стратегии искусственного интеллекта до 2030 г.» [1]. Её основным разработчиком и исполнителем стало Министерство науки и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В документе отмечены значение технологии ИИ для корейской индустрии, огромный потенциал дальнейшего роста и развития. Говорится о необходимости разработки этических стандартов, продвижения и повышения доверия среди общественности, создания центра поддержки обучения ИИ для защиты информации, содействия научным и исследовательским разработкам, создания новых рабочих мест в рамках компетенций, требуемых для эффективной разработки и функционирования ИИ. Стратегия состоит из 100 общегосударственных задач, сгруппированных в 9 направлений и 3 области: экосистема ИИ, использование ИИ, ориентированный на людей ИИ. В стратегии сформулированы три основные задачи:

- 1) повышение международной конкурентоспособности РК в сфере цифровых технологий;
- 2) полномасштабное использование ИИ в различных сферах (электронное государство, промышленность, медицина и т. д.);
- 3) повышение уровня жизни населения с помощью использования ИИ.

Стратегия заявляет о дальнейшем развитии отраслевого регулирования, в т. ч. положения об устранении регуляторных барьеров, препятствующих развитию и внедрению соответствующей технологии (пункт 1.3 «Смелые нормативные инновации и законодательная реформа», с. 18–21). Стратегия подчеркивает необходимость ускоренного развития правовых норм, отражающих технологическое разви-

тие и социальные изменения в эпоху ИИ. В документе провозглашается создание «Группы по реорганизации законодательства в области ИИ для будущего общества», в которой участвуют министерства, специализированные учреждения, компании, научные круги и другие акторы.

Специализированный орган в сфере ИИ в Южной Корее отсутствует, однако в 2017 г. указом президента был создан Комитет по 4-й промышленной революции. Это межведомственный орган при президенте РК, который координирует вопросы политики, касающиеся разработки и внедрения новых технологий, включая ИИ. Председателем комитета является премьер-министр, сопредседателем – представитель академической или деловой среды. В этот комитет также входят 13 членов от правительства, в том числе несколько министров, и ещё 19 – от академической и деловой среды. Комитет обсуждает национальные планы и стратегии, связанные с 4-й промышленной революцией, планы различных министерств по их имплементации, меры по поддержке развития науки и техники, новых отраслей и услуг в связи с 4-й промышленной революцией [2].

Комитет осенью 2021 г. опубликовал концептуальный документ «Направления продвижения ИИ в регионах Республики Корея для ускорения региональной экономической перестройки и цифровой трансформации». Он был подготовлен при участии центральных министерств и 17 региональных и муниципальных администраций. Главным объектом регионального продвижения планируется кластер ИИ в г. Кванджу в регионе Хонам, имеющем репутацию отстающего и оппозиционного центра. Подчеркивается необходимость распространения ИИ в работе муниципальных органов. Описывается специализация каждого участвующего региона на тех или иных проектах ИИ [3].

Основную работу по выработке и реализации государственной политики в сфере ИИ проводит Министерство науки и ИКТ. В его структуре под началом второго заместителя министра действует Бюро политики в сфере искусственного интеллекта. Корейское агентство по развитию интеллектуального информационного общества осуществляет экспертную поддержку государственной политики информатизации, управление и эксплуатацию информационных сетей госорганов, стандартизацию ИКТ, поддержку систем межведомственного обмена информацией и др. В его структуре функционирует четыре подразделения специально по ИИ.

Среди прочего, агентство управляет интернет-платформой «AI Hub» (aihub.or.kr). Её целью является распространение общих данных, вычислительных ресурсов, программного обеспечения, материальной информации, необходимой для создания ИИ-технологий и связанных услуг. AI Hub предоставляет четыре вида инфраструктурных услуг (данные для ИИ, программное обеспечение для ИИ, вычисления для ИИ, пользовательские интерфейсы для ИИ). В рамках проекта также предоставляются ваучеры для малых и средних предприятий с целью внедрения ими ИИ-решений

и создания таким образом рыночной инфраструктуры в ИИ-индустрии. Кроме того, под управлением министерства внутренних дел и безопасности действует «Открытый портал государственных данных» (data.go.kr), предоставляющий доступ к общественно значимой информации, которой обладают различные госорганы.

Также существует Корейское агентство интернета и безопасности, в составе которого функционирует Отдел технологии безопасности ИИ. Вместе с министерством науки и ИКТ они проводят ежегодный семинар «AI Security Day». На этом семинаре обсуждаются основные технологии управления государственными цифровыми платформами и методы купирования присущих искусственному интеллекту уязвимостей. В 2022 г. его девиз звучал как «Безопасная цифровая платформа для правительства, созданная с помощью ИИ» [4]. Кроме того, многие другие министерства и ведомства Южной Кореи так или иначе задействованы в реализации политики в сфере ИИ.

Правительство поощряет налаживание связей между государственными органами, частным сектором и академическими учреждениями для развития многосторонней экосистемы искусственного интеллекта. Примерами реализации проектов государственно-частного партнёрства (ГЧП) в сфере ИИ являются проект по созданию автоматизированной системы движения поездов «5G Signaling System», проект по внедрению платформы предотвращения эпидемий GEPP, проект по строительству умного кампуса «Ulsan Smart Campus».

Робототехника, ИИ и другие наукоёмкие технологии являются одним из важных секторов государственного финансирования РК. В бюджете на 2022 г. заложено 2 трлн вон (1,4 млрд долл. США) на программы по 20 новым технологиям, включая ИИ, а также около 400 млрд вон на обучение по данным программам в учебных заведениях и на специальных образовательных курсах [5]. Действуют налоговые льготы по 223 технологиям, включая ИИ и высокоавтоматизированные автомобили. Министерство стратегии и финансов также заявляло об увеличении налоговых льгот в отношении инвестиций в новые технологии, такие как усовершенствованные чипы памяти и ИИ, в целях стимулирования их развития и роста [6].

Нормотворчество в сфере ИИ

В 2008 г. в Республике Корея был принят закон «О содействии разработке и распространению умных роботов» (지능형 로봇 개발 및 보급 촉진법)¹. Закон включает в себя меры по разработке основных планов по развитию и распространению роботов с ИИ, созданию Корейского института содействия развитию индустрии умных роботов и компаний, инвестирующих в умных роботов, устанавливая необходимые меры поддержки для обеспечения устойчивого развития, распространения и по-

¹ Здесь и далее законы взяты из базы law.go.kr.

вышения качества интеллектуальных роботов. Кроме того, он затрагивает экономические и социальные аспекты развития индустрии робототехники в стране.

Другим ключевым НПА является Рамочный закон «О национальной информатизации» (지능정보화 기본법). Закон был принят в 1995 г., но впоследствии подвергся значительной реорганизации и расширению правового поля действия в связи с необходимостью регулирования активно меняющегося под воздействием информатизации общества. Последняя версия закона с поправками вступила в силу в 2021 г.

Основополагающим документом, регулирующим вопросы обработки персональных данных, является Закон «О защите персональной информации» (개인정보 보호법), принятый в 2011 г. В законе прописаны основные принципы сбора, обработки и использования информации. Несколько статей закона посвящены общим принципам псевдонимизации и анонимизации.

«Регуляторная песочница ИКТ», впервые представленная в 2019 г., представляет собой политическую инициативу, которая позволяет проводить тестирование инноваций в реальном времени и их запуск на рынок под контролем правительства без фактического изменения нормативных актов или законов, путём приостановления действий существующих правил на некоторое время при определённых условиях [7]. Ответственным за деятельность регуляторной песочницы стало министерство науки и ИКТ.

В момент введения в действие программы были закреплены следующие области и темы:

- сближение (слияние) информации и коммуникаций;
- межотраслевые исследования;
- инновационное финансирование;
- особые экономические зоны;
- умный город;
- специальные зоны научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

Позднее правительством было принято решение расширить сферу действия регуляторной песочницы, добавив в неё мобильность и сферу здравоохранения.

Одновременно с расширением сферы действий регуляторной песочницы была также расширена её зона действия, теперь она охватывает не только мегаполисы, но и регионы, каждый из которых в соответствии с установленным планом правительства смог разработать уникальную программу продвижения и повсеместного использования ИИ, с учётом потребностей конкретного региона [8].

Несмотря на широкое применение ИИ в работе различных государственных ведомств, разработке планов и стратегий для улучшений, на данный момент в РК ещё отсутствует специальный закон относительно ИИ. В 2020 г. на рассмотрение в

парламент были внесены проекты законов «О технологиях ИИ» (인공지능기술 기본법안) и «О развитии индустрии ИИ» (인공지능산업 육성에 관한 법률안). В 2021 г. по ним прошло два слушания, однако пока они не утверждены.

Регулирование отрасли беспилотных автомобилей

В октябре 2019 г. несколько министерств РК разработали «Стратегию развития индустрии автомобилей будущего до 2030 г.», в которой обозначены долгосрочные цели развития экологичного и беспилотного транспорта. Согласно документу, РК планирует к 2027 г. наладить коммерческое использование беспилотных автомобилей 4-го уровня автономности на основных дорогах страны [9].

Регулирование отрасли в Республике Корея осуществляется посредством закона «О продвижении и поддержке коммерциализации беспилотных автомобилей» (자율주행자동차 상용화 촉진 및 지원에 관한 법률) от 1 мая 2020 г. Закон наделяет министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта основными полномочиями по внедрению и распространению беспилотных автомобилей и созданию безопасных условий их широкого использования. Закон допускает выделение отдельных секций для беспилотных автомобилей на автомагистралях общего пользования, а также создание специальных тестовых зон.

Согласно ст. 16, под юрисдикцией министерства создается Комитет по экспериментальным зонам для беспилотных транспортных средств, в функции которого входят все вопросы, связанные с выделением и эксплуатацией таких зон, и координация сотрудничества с органами исполнительной власти. В июне 2022 г. комитет объявил о создании до конца года семи специальных тестовых зон: в Сеуле (районы Каннам и Чхонгечхон), Сихыне (провинция Кёнги), Канныне и Вонджу (провинция Канвон), Кунсане (провинция Северная Чолла) и Сунчхоне (провинция Южная Чолла). В зонах планируется тестовое передвижение беспилотных такси и маршрутных автобусов [10]. Кроме того, стоит отметить, что в Республике Корея последние несколько лет функционирует т.н. K-City, испытательный комплекс для беспилотных транспортных средств с применением технологий 5G площадью 320 тыс. м² в г. Хвасон (провинция Кёнги), имитирующий городские условия. В K-City воссоздана основная дорожная инфраструктура, включая пешеходные переходы, шлагбаумы, железнодорожные переезды и т. д. Проект был запущен в 2018 г. при поддержке министерства земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта [11].

В 2016 г. данное министерство также выпустило «Регламент о требованиях безопасного использования и тестовой эксплуатации беспилотных автомобилей» (자율주행자동차의 안전운행요건 및 시험운행 등에 관한 규정). Его актуальная редакция относится к декабрю 2021 г. В регламенте обозначены требования к визуальной маркировке беспилотных автомобилей, порядок их страхования и выдачи

лицензий на управление ими, требования к наличию оборудования по контролю режимов передвижения, экстренной остановки, видеофиксации, индикации работы основных систем автомобиля и др.

В 2020 г. министерство выпустило стандарты безопасности беспилотных транспортных средств (자율주행자동차 제작 안전 가이드라인) 3-го и 4-го уровней. Данные стандарты устанавливают требования к системам возможности распознавания и контроля водителя, действиям в аварийных ситуациях, резервным системам. В мае 2022 г. было объявлено о том, что стандарты 3-го уровня будут пересмотрены в сторону смягчения. В частности, планируется поднять максимально допустимую скорость езды выше уровня 60 км/ч [12].

Использование искусственного интеллекта в государственном управлении

Министерство науки и ИКТ в 2020 г. представило «Дорожную карту организационной структуры, нормативного и правового регулирования ИИ» [13]. Согласно этому документу, государственное управление является важной сферой для применения технологии ИИ, т. к. автоматизация процессов в госуправлении с помощью ИИ могла бы повысить эффективность исполнения административных обязанностей и степень удобства пользования административными услугами. Однако отсутствие нормативно-правового регулирования не позволяет полноценно использовать эти возможности. В дорожной карте предлагается разработать общий закон по использованию ИИ в госуправлении и отдельные законы для сфер, где это необходимо. В этом законе рекомендуется предусмотреть порядок обжалования решений, вынесённых с помощью технологий ИИ, возможность предоставления компенсации в случаях ошибок. Кроме того, необходимо разработать меры для обеспечения прозрачности механизма автоматического принятия решений.

В 2021 г. вступил в действие Общий закон «О государственном управлении» (행정기본법), в ст. 20 которого указано, что административные учреждения могут принимать решения используя полностью автоматизированные системы, в том числе и системы на основе ИИ.

Использование информационных технологий в госуправлении регулирует закон «Об электронном правительстве» (전자정부법), первая редакция которого принята в 2001 г. В соответствии с ним, под электронным правительством понимается использование информационных технологий для цифровизации работы административных органов с целью повышения эффективности их работы. Административные учреждения должны предоставить не только доступ к информации (возможность посмотреть информацию по документам, даты медицинских осмотров и т. д.), но и возможность получать услуги онлайн, например – подавать различные заявления. В ст. 18 этого закона отдельно указано, что для электронного правитель-

ства могут использоваться сервисы на основе технологий ИИ. Поставлена цель создать виртуального ассистента для населения с использованием технологии обработки естественного языка вместе с чатом и помощником на основе ИИ, который будет оказывать государственные услуги и информировать граждан.

Частичная автоматизация также предусмотрена в редакциях 2022 г. законов «О контроле над иммиграцией» (출입국관리법) и «О рассмотрении обращений граждан» (민원 처리에 관한 법률). Согласно ст. 3 первого закона, процедура иммиграционного контроля может быть заменена на проверку с помощью информационных технологий. В настоящее время разработан и действует сервис автоматической иммиграционной проверки, который позволяет проходить иммиграционный контроль самостоятельно посредством проверки отпечатков пальцев на автоматической стойке иммиграционного контроля [14]. Согласно ст. 12 второго закона, для подачи гражданских обращений и жалоб может использоваться информационная система. Функция подобного «электронного окна жалоб» реализована на веб-портале «Правительство 24» (gov.kr/portal).

Полиция РК тоже использует в своей работе возможности ИИ. С 2021 г. по всей стране была введена в строй система прогнозирования и анализа оценки опасности Pre-CAS (Predictive Crime Risk Analysis System), которая анализирует большие данные с помощью новейшего алгоритма ИИ для прогнозирования уровня риска преступности по регионам и количества преступлений и определяет наиболее эффективные маршруты патрулирования [15].

Этика искусственного интеллекта

Одни из первых попыток разработать общие принципы этики ИИ в РК были предприняты сотрудником Сеульского женского университета Ким Мёнчжу, опубликовавшего в 2019 г. исследование, в котором он предложил концепцию «Seoul PACT» [16]. В рамках данной идеи сформулированы 4 основных этических принципа для разработчиков, поставщиков и пользователей технологий ИИ: публичность (P – publicness), подотчётность (A – accountability), контролируемость (C – controllability) и прозрачность (T – transparency).

В 2019 г. РК присоединилась к первому международному соглашению об общих принципах ИИ, разработанному Организацией экономического сотрудничества и развития, «Рекомендациям Совета по искусственному интеллекту». В этом документе провозглашаются следующие основные принципы использования ИИ:

- обеспечение инклюзивного роста, устойчивого развития и благополучия населения;
- соответствие общечеловеческим ценностям и справедливости;
- прозрачность и объяснимость;
- надёжность, защита и безопасность;
- подотчётность [17].

В вышеупомянутой «Национальной стратегии ИИ» была отмечена необходимость создания этического кодекса ИИ [1].

В декабре 2020 г. министерство науки и ИКТ вместе с Корейским институтом развития информационного общества подготовили и представили документ «Этические стандарты искусственного интеллекта». Здесь говорится о трёх основных принципах разработки ИИ:

- принцип человеческого достоинства, подчёркивающий, что ценность человеческой жизни выше всего, ИИ должен создаваться и использоваться без вреда для физического и психического здоровья человека;
- принцип общественной полезности, согласно которому ИИ должен использоваться для достижения высокого уровня всеобщего благосостояния и для обеспечения защиты уязвимых групп населения, которые могут быть изолированы от информационного общества из-за своего положения;
- принцип целесообразности технологии, т. е. использование ИИ должно соответствовать целям и намерениям той области деятельности, для которой он был создан, и подчиняться этическим нормам.

Здесь же были выделены десять требований для ИИ: гарантия прав человека, защита конфиденциальности, уважение к разнообразию (для предотвращения дискриминации по любому признаку), запрет на причинение вреда, общественная полезность, солидарность, управление данными (недопущение использования персональных данных в целях, отличных от предусмотренных), ответственность (должны быть определены обязанности разработчиков ИИ, поставщиков услуг и пользователей), безопасность и прозрачность [18].

Предполагается, что «Этические стандарты искусственного интеллекта» должны быть приняты во внимание всеми членами общества, участвующими как в разработке, так и в использовании технологий ИИ, включая государственные организации, частные компании и обычных пользователей.

Заключение

Как свидетельствует представленный материал, разработка и использование ИИ является чрезвычайно важной проблемой общественного развития и государственной политики Республики Корея. В политическое регулирование этой сферы вовлечено большое число министерств и других государственных органов. Нормативно-правовое регулирование ИИ уже сейчас выглядит довольно высокоразвитым, но власти РК планируют развивать его и далее. В данной связи южнокорейский опыт политико-правового регулирования ИИ представляется весьма интересным для России, хотя, безусловно, не все его элементы могут быть перенесены на российскую почву, поскольку социально-политические реалии Южной Кореи существенно отличаются от российских.

Список источников

1. 인공지능 국가전략. Национальная стратегия ИИ. Сеул, 2019. 51 с. URL: <https://www.korea.kr/common/download.do?fileId=190114031&tblKey=GMN>.
2. About PCFIR // Presidential Committee on the Fourth Industrial Revolution. URL: <https://www.4th-ir.go.kr/en/greetings>.
3. 지역경제 재도약과 디지털 대전환 가속화를 위한인공지능 지역확산 추진방향(안). Проект «Направлений продвижения ИИ в регионах Южной Кореи для ускорения региональной экономической перестройки и цифровой трансформации». Сеул, 2021. 36 с.
4. 제5회 // 세미나 개최 안내// 한국인터넷진흥원. Анонс 5-го семинара AI Security Day // Корейское агентство интернета и безопасности. 2022. 6 июля. URL: <https://www.kisa.or.kr/401/form?postSeq=2968>.
5. 2022 Budget Proposal // Ministry of Economy and Finance. 2021. 31 августа. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5200>.
6. S. Korea to increase tax incentives for corporate investment // Yonhap. 2021. 6 января. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210106001800320>.
7. ICT 규제 샌드박스. Регуляторная песочница ИКТ. URL: <https://www.sandbox.or.kr>.
8. «Plan to spread the use of AI across all regions and industries» established // Ministry of Science and ICT. URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&pageIndex=1&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=557&searchOpt=ALL&searchTxt=sandbox>.
9. 미래자동차 산업 발전 전략: 2030년 국가 로드맵. Стратегия развития индустрии автомобилей будущего: дорожная карта до 2030 г. Сеул, 2019. 45 с.
10. 서울 강남부터 강릉·순천·군산까지. 자율주행차 시범운행지구 지정 // 조선비즈. От сеульского Каннама до Каннина, Сунчхона, Кунсана: открытие экспериментальных зон для беспилотных автомобилей // Чосон ильбо бизнес. 2022. 23 июня. URL: https://biz.chosun.com/policy/policy_sub/2022/06/23/2CTHDKF3CN GD3E2RJKLWPPEYTM.
11. S. Korea builds 'K-City' for autonomous vehicle testing // Yonhap. 2018. 10 декабря. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181210008800320>.
12. Korea to revise Level 3 autonomous car safety rules, including eased speed limits // Pulse. 2022. 27 мая. URL: <https://pulsenews.co.kr/view.php?sc=30800028&year=2022&no=469413>.
13. 인공지능 법·제도·규제 정비 로드맵. Дорожная карта организационной структуры, нормативного и правового регулирования ИИ. Сеул, 2020. 38 с. URL: <https://doc.msit.go.kr/SynapDocViewServer/viewer/doc.html?key=147e7b37e16b45a2b2>

d86db511a557ec&convType=img&convLocale=ko_KR&contextPath=/SynapDocViewServer.

14. 자동출입국심사서비스 // 출입국·외국인정책본부. Сервис автоматической иммиграционной проверки // Иммиграционная служба РК. URL: <https://www.immigration.go.kr/immigration/1527/subview.do>.

15. 경찰, 빅데이터·인공지능(AI) 활용한 범죄예방활동 전국 확대 // 경찰청. Полиция расширяет деятельность по предупреждению преступности по всей стране, используя большие данные и искусственный интеллект // Национальное агентство полиции РК. 2021. 29 апреля. URL: https://www.police.go.kr/user/bbs/BD_selectBbs.do?q_bbsCode=1002&q_bbscttSn=20210429172502138.

16. 김명주. 인공지능 윤리 원칙 Seoul PACT를 적용한 지능형 전자정부 서비스 윤리 가이드라인 // 한국IT서비스학회지. Ким Мёнчжу. Рекомендации по этике искусственного интеллекта «Seoul PACT» и пример их применения в сервисе «Электронное правительство» // Журнал Корейского общества ИТ-услуг. 2019. Т. 18 (3). С. 117–129.

17. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // OECD. 2019. 22 мая. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

18. 사람이 중심이 되는 「인공지능(AI) 윤리기준」. Человеко-ориентированные этические стандарты искусственного интеллекта. Сеул, 2020. 40 с.

19. South Korea mulling world's first robot tax // ZDNet. 2017. 9 августа. URL: <https://www.zdnet.com/article/south-korea-mulling-worlds-first-robot-tax>.

References

1. National AI Strategy. Seoul, 2019. 51 p. URL: <https://www.korea.kr/common/download.do?fileId=190114031&tblKey=GMN>.

2. About PCFIR // Presidential Committee on the Fourth Industrial Revolution. URL: <https://www.4th-ir.go.kr/en/greetings>. (In Korean).

3. The project «Directions of AI promotion in the regions of South Korea to accelerate regional economic restructuring and digital transformation». Seoul, 2021. 36 p. (In Korean).

4. Artificial Intelligence Security Day. *Korean Internet and Security Agency*, 2022, July 06. URL: <https://www.kisa.or.kr/401/form?postSeq=2968>. (In Korean).

5. Budget proposal for 2022 // Ministry of Economy and Finance. 31.08.2021. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5200>. (In Korean).

6. South Korea will increase tax incentives for corporate investments. *Yonhap*, 2021, January 06. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210106001800320>.

7. Regulatory sandbox of ICT. URL: <https://www.sandbox.or.kr>.

8. A «Plan for the dissemination of the use of artificial intelligence in all regions and industries» has been created. *Ministry of Science and ICT*. URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&pageIndex=1&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=557&searchOpt=ALL&searchTxt=sandbox>.

9. Strategy for the development of the car industry of the future: roadmap to 2030. Seoul, 2019. 45 p. (In Korean).

10. From Seoul Gangnam to Gangneung, Suncheon, Kunsan: opening of experimental zones for self-driving cars. *Joseon ilbo business*, 2022, June 23. URL: https://biz.chosun.com/policy/policy_sub/2022/06/23/2CTHDKF3CNGD3E2RJKLWPP EYTM. (In Korean).

11. South Korea is building a «K-City» for testing autonomous vehicles. *Yonhap*, 2018, December 10. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181210008800320>.

12. Korea will revise the safety rules of autonomous cars of the 3rd level, including relaxed speed limits. *Pulse*, 2022, May 27. URL: <https://pulsenews.co.kr/view.php?sc=30800028&year=2022&no=469413>.

13. Roadmap of the organizational structure, regulatory and legal regulation of AI. Seoul, 2020. 38 p. URL: https://doc.msit.go.kr/SynapDocViewServer/viewer/doc.html?key=147e7b37e16b45a2b2d86db511a557ec&convType=img&convLocale=ko_KR&contextPath=/SynapDocViewServer.

14. Automatic immigration check service // Immigration Service of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.immigration.go.kr/immigration/1527/subview.do>. (In Korean).

15. The police are expanding crime prevention activities across the country using big data and artificial intelligence. *National Police Agency of the Republic of Kazakhstan*, 2021, April 29. URL: https://www.police.go.kr/user/bbs/BD_selectBbs.do?q_bbsCode=1002&q_bbscttSn=20210429172502138. (In Korean).

16. Kim Myeongju. Pact Recommendations on the ethics of artificial intelligence «Seoul» and an example of their application in the service «Electronic Government». *Journal of the Korean Society of IT Services*, 2019, vol. 18 (3), pp. 117–129. (In Korean).

17. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. *OECD*, 2019, May 22. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

18. Human-oriented ethical standards of artificial intelligence. Seoul, 2020. 40 p. (In Korean).

19. South Korea is considering the world's first robot tax. *ZDNet*, 2017, August 09. URL: <https://www.zdnet.com/article/south-korea-mulling-worlds-first-robot-tax>. (In Korean).

Информация об авторах

В. И. Волощак – старший преподаватель кафедры международных отношений, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Л. Е. Козлов – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Д. В. Валитова – студент бакалавриата по направлению подготовки «Востоковедение и африканистика», Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Д. В. Сарбаш – студент бакалавриата по направлению подготовки «Востоковедение и африканистика», Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

V. I. Voloshchak – Assistant Professor at the Department of International Relations, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

L. E. Kozlov – Candidate of Political Studies, Associate Professor at the Department of International Relations, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

D. V. Valitova – Undergraduate student of Oriental and African Studies program, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

D. V. Sarbash – Undergraduate student of Oriental and African Studies program, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 29.10.2022; принята к публикации 08.11.2022.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 29.10.2022; accepted for publication 08.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 49–68.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 49–68.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 338.2:004(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/49-68>

ПОЛИТИКА В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЛАНОВЫХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ АСЕАН*

Анна Николаевна Васина¹, Юлия Андреевна Демина²

¹Владивостокский филиал Российской таможенной академии, г. Владивосток,
Россия, vasina_vasina@mail.ru

²Дальневосточный федеральный университет, Школа экономики и менеджмента,
г. Владивосток, Россия, demina.ia@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6437-7144>

Аннотация. Отношения в сфере цифровой экономики являются относительно новыми для современной действительности, а потому проводимая в ней политика нуждается в планировании. Пандемия COVID-19, усилившая зависимость от цифровых продуктов и платформ, способствовала более активному проведению странами политики в целях цифрового развития и закреплению её в своих плановых и стратегических документах. На сегодняшний день процесс цифровой трансформации, так или иначе, затронул всю мировую экономику. Однако особый интерес для исследования представляют те страны или регионы, которые, осуществляя активную политическую деятельность, демонстрируют успешные примеры такой трансформации. Юго-Восточная Азия является одним из таких регионов, а интеграционное объединение с участием стран этого региона – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) обладает потенциалом стать одной из пяти ведущих цифровых экономик мира. В настоящей статье проанализирована политика АСЕАН в целях развития цифровой экономики, а также проведена систематизация закрепляющих её планирующих и стратегических документов. Выявлено, что уровень такой политики в странах – членах АСЕАН значительно различается. Некоторые из них проводят усовершенствованную цифровую политику, разрабатывают и реализуют комплексные планы и стратегии в данной области, обеспечивают широкий спектр институциональной поддержки отраслям экономики и предпринимателям.

* © Васина А. Н., Демина Ю. А., 2022

Другие же с осторожностью предпринимают какие-либо политические инициативы, у них чаще всего отсутствует единый плановый документ, но имеются планы или программы развития отдельных направлений цифровой экономики. Авторами сделан вывод о том, что политических усилий на уровне отдельных стран оказывается недостаточно для полноценного цифрового развития АСЕАН. Поэтому в будущем странам – членам АСЕАН стоит сделать упор именно на региональные инициативы комплексного характера.

Ключевые слова: АСЕАН, политика в области цифровой экономики, плановые и стратегические документы.

Для цитирования: Васина А. Н., Демина Ю. А. Политика в целях развития цифровой экономики в плановых и стратегических документах АСЕАН // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 49–68. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/49-68>

POLITICS

Original article

POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL ECONOMY IN THE ASEAN PLANNING AND STRATEGIC DOCUMENTS

Anna Nikolaevna Vasina¹, Yulia Andreevna Demina²

¹Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, Russia, vasina_vasina@mail.ru

²Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, Vladivostok, Russia, demina.ia@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6437-7144>

Abstract. Relations in the field of digital economy are relatively new to the modern reality, and therefore the related policy need planning. The COVID-19 pandemic, which increased the dependence on digital products and platforms, has contributed to more active implementation of digital development policies by countries and its consolidation in their planning and strategic documents. To date, the process of digital transformation, one way or another, has affected the entire world economy. However, of particular interest to the study are those countries or regions that, by conducting active political actions, demonstrate successful examples of such transformation. Southeast Asia is one of these regions, and the integration grouping with the participation of the countries of this region (ASEAN) has the potential to become one of the five leading digital economies in the world. The present article analyzes the ASEAN policy for the development of digital

economy, as well as the systematization of the planning and strategic documents that consolidate it. It is revealed that the level of such policy varies significantly in the ASEAN member countries. Some of them carry out improved digital policy, develop and implement comprehensive plans and strategies in this area, provide a wide range of institutional support to economic sectors and entrepreneurs. Others are cautious about taking any political initiatives; they often lack a single planning document; however they have plans and programs for the development of hotel areas of digital economy. The authors conclude that political efforts at the level of individual countries are insufficient for the full-fledged digital development of ASEAN. Therefore, in the future, ASEAN member countries should focus specifically on regional initiatives of an integrated nature.

Key words: ASEAN, digital economy policy, planning and strategic documents.

For citation: Vasina A. N., Demina Yu. A. Policy for the development of digital economy in the ASEAN planning and strategic documents // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 49–68. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/49-68>

Введение

Политика имеет свойство определять тенденции общественных процессов, заглядывать в будущее. Однако она не застрахована от ошибок и противоречий и может не только стимулировать развитие тех или иных общественных отношений, но и консервировать на некоторое время их состояние или даже определить движение вспять. В этой связи в целях упорядочения отношений и процессов, возникающих в определённой сфере, важно осуществить закрепление проводимой в ней политики в официальных документах. Среди них значительная роль отводится плановым и стратегическим документам.

Отношения в сфере цифровой экономики являются относительно новыми для современной действительности, а потому проводимая в ней политика особо нуждается в планировании. Цифровая революция существенно трансформировала экономику: произошли изменения в характере производства и распределения товаров и услуг, маркетинга, рекламы и др. В настоящее время увеличивается количество подключённых к сети интернет-устройств и пользователей цифровых услуг, растёт число цепочек создания стоимости, обеспечиваемых цифровыми технологиями. Производители, экспортёры, импортёры оказываются всё более зависимыми от необходимости анализа данных, а совершаемые ими операции становятся все более цифровыми. Преобразующая сила цифровых данных для целей обеспечения экономических взаимосвязей побуждает правительства стран, предприятия и обычных людей адаптироваться к меняющимся условиям в сфере экономики с тем, чтобы воспользоваться возникающими в связи с цифровизацией возможностями, а также

справиться с потенциальными рисками. Очевидно, что расширение цифровых инноваций в таких областях деятельности, как робототехника, искусственный интеллект, анализ данных, облачные сервисы, финансовые технологии и электронная торговля в сочетании с внедрением интеллектуального оборудования приведёт к ускорению изменений в сфере экономики в ближайшем будущем. Роль цифровых данных и технологий будет увеличиваться.

Процесс цифровой трансформации, так или иначе, затрагивает всю мировую экономику. Однако в мировом масштабе его темпы дифференцируются по странам и регионам. В частности, эксперты Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечают, что способности различных заинтересованных сторон осваивать цифровые преобразования значительно различаются [1, с. 3]. В этой связи особый интерес для исследования представляют те страны или регионы, которые демонстрируют успешные примеры такой трансформации.

В качестве образца может служить регион Юго-Восточной Азии, страны которого для обеспечения стабильности, процветания и конкурентоспособности создали региональное интеграционное объединение – Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), фундаментальными составляющими которой в настоящее время являются Сообщество в сфере политики и безопасности, Социокультурное сообщество и Экономическое сообщество. Являясь ядром экономических и интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, АСЕАН обладает потенциалом стать одной из пяти ведущих цифровых экономик мира. В настоящее время идёт поступательный процесс перехода государств – членов АСЕАН к цифровой экономике. Пандемия COVID-19, усилившая зависимость от цифровых продуктов и платформ, способствовала тому, что экономика АСЕАН стала ещё более цифровой. Согласно отчёту компаний «Google», «Temasek» и «Vain&Company», которые уже много лет изучают цифровой рынок АСЕАН, в 2021 г. доля цифровой экономики в ВВП АСЕАН составила 7% (около 200 млрд долл. США), что в 3 раза больше, чем в 2018 г. Кроме того, по их прогнозам, в 2025 г. она достигнет 360 млрд долл. США, а к 2030 г. – 1 трлн долл. США [2].

Ввиду особой значимости цифрового сектора для подъёма экономики, все страны – члены АСЕАН как на национальном уровне, так и совместно на уровне всего регионального интеграционного объединения предпринимают активные действия по поддержанию и поощрению его развития. При этом особое внимание уделяется такому средству, как закрепление политики в данной сфере в плановых и стратегических документах.

В связи с вышеизложенным представляется актуальным изучить опыт АСЕАН и её стран-членов в области планирования политики в целях цифрового развития, который может быть полезен для проведения аналогичной политики в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и в России, в частности.

Различные аспекты политики АСЕАН в целях развития цифровой экономики рассматривались, прежде всего, зарубежными учёными. Исследовательские и информационные материалы по данной теме представлены в публикациях и отчётах исполнительных органов АСЕАН, Аналитического центра Азиатского банка развития, Института исследования АСЕАН и Восточной Азии, исполнительных органов ЮНКТАД, мировых информационно-аналитических агентств и СМИ. В отечественной литературе публикации по данной тематике практически отсутствуют.

Цель настоящего исследования состоит в анализе и систематизации политики АСЕАН в целях развития цифровой экономики, а также закрепляющих её планирующих и стратегических документов.

Методологической основой работы послужили общенаучные методы (анализа, синтеза, индукции, дедукции). Кроме того, применены специальные методы исследования политической науки. С помощью метода сравнительного анализа рассмотрены страны – члены АСЕАН с точки зрения совершенства проводимой ими политики в области цифровизации экономики. Структурно-функциональный и системный методы позволили рассмотреть политику во взаимосвязи двух уровней – национального и регионального.

Политика стран – членов АСЕАН на национальном уровне

Бруней. В 2007 г. Бруней определил свои направления долгосрочного развития, которые были закреплены в Программе развития «Brunei Vision 2035» [3]. Среди прочего в указанном документе отмечены приоритеты в области развития цифрового сектора экономики страны до 2035 г. В частности, в нём поставлены следующие задачи: расширение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и цифрового сектора для диверсификации экономики, содействие экспортоориентированным отраслям промышленности и оптимизации административных процедур, совершенствование системы электронного правительства, развитие малых и средних предприятий (далее – МСП), содействие получению образования в сфере ИКТ и привлечения инвестиций в эту сферу.

Правительство Брунея учредило специальную компанию «Darussalam Enterprise» для оказания финансовой и консультационной поддержки МСП, а также приняло на себя обязательство выработать инвестиционные стимулы для привлечения прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в высокотехнологичную отрасль экономики и создать национальное единое окно для упрощения процедур торговли. С целью продвижения использования финансовых технологий в экономике страны было решено создать финансово-технологическое подразделение в структуре Денежно-кредитного управления Брунея.

В Брунее действует Закон об электронных сделках 2004 г. (пересмотренный в 2008 г.) и Закон о неправомерном использовании компьютеров (пересмотренный в

2007 г.). Также разрабатывается законодательство о защите данных. Хотя в Брунее достаточно высокий уровень использования Интернета, потенциал электронной торговли ещё не реализован в полной мере. В стране внедряется ряд ключевых приложений электронного правительства и облачных сервисов.

Вьетнам. Во Вьетнаме отсутствует единый плановый документ, охватывающий в своём содержании все базовые аспекты цифровой экономики. В подготовке актов, касающихся отдельных вопросов данной сферы, задействовано сразу несколько государственных органов, но главным из них является Министерство информации и коммуникаций Вьетнама.

В последних решениях руководства страны в основном затрагивались вопросы развития цифровой инфраструктуры, человеческих ресурсов и привлечения иностранных инвестиций в цифровой сектор экономики. В 2017 г. правительством Вьетнама было издано распоряжение, в котором содержалось требование к руководителям центральных и местных органов власти сосредоточиться на вопросах внедрения электронного правительства, продвижения интеллектуальных технологий во все отрасли промышленности, развития цифровых навыков и знаний, создания инновационной экосистемы за счёт финансирования научно-исследовательских институтов, а также учреждения технологических стартапов [4, с. 230]. С целью поощрения местных и иностранных инвесторов правительство страны обязалось выработать ряд мер в области предоставления для них налоговых льгот. Кроме того, на государственном уровне принято решение выделить и направить финансовые средства в сектор ИКТ. Правительство учредило Национальный фонд технологических инноваций (объём средств – 47 млн долл. США) и Фонд поддержки стартапов в Хошимине (объём средств – 45 млн долл. США).

Индонезия. Министерством промышленности Индонезии в 2018 г. была разработана «Дорожная карта технического развития 4.0» [5]. Данный документ представляет собой комплексный план цифрового развития, включающий такие направления, как расширение национальной цифровой инфраструктуры, ускорение цифровой трансформации местных предприятий, содействие МСП в использовании онлайн-технологий и создание технологических центров для улучшения доступа предпринимателей к технологиям, развитие Интернет-торговли и человеческих ресурсов, разработка мероприятий по обеспечению защиты интеллектуальной собственности для продвижения инноваций, предоставление налоговых стимулов для поощрения инвестиций.

В 2017 г. Указом Президента Индонезии № 74/2017 были приняты меры по совершенствованию электронной торговли [6]. В документе в качестве приоритетных указаны такие направления её развития, как осуществление ряда мер в налоговой сфере, обеспечение защиты прав потребителей и разработка национальной платёжной системы для совершения финансовых операций в сфере электронной торговли.

В свою очередь, Центральный банк Индонезии подготовил дорожную карту, которая представляет собой стратегию создания национальной платежной системы. Управлением по финансовым услугам Индонезии приняты нормативные акты в целях обеспечения надёжности финансово-технологических инноваций и защиты прав потребителей кредитных услуг [7]. Сфера электронной торговли, в которой ранее иностранные инвестиции были ограничены, теперь стала открыта для совершения крупных сделок стоимостью от 6,67 млн долл. США [8].

Камбоджа. В Камбодже политика в области цифровизации экономики отражена в действующем Плане «Цифровая Камбоджа 2023», разработанном Министерством связи и телекоммуникаций страны. Главная цель, определённая Планом, – переход к преимущественно цифровой экономике к 2023 г., а также достижение полного охвата широкополосной связью в городских районах и не менее 80% – в сельских. В Плане также определены задачи, решение которых направлено на диверсификацию экономики страны, создание новых рабочих мест и расширение доступа к финансовым услугам. К их числу отнесены: повышение цифровой грамотности населения, совершенствование цифровых навыков студентов, развитие электронной торговли [9].

После проведения в 2017 г. экспертами ЮНКТАД мониторинга готовности Камбоджи к электронной торговле и выявления ряда проблем в этой сфере, в стране начал разрабатываться Закон об электронной торговле. В 2019 г. он был окончательно разработан и принят [10]. Правительством Камбоджи также подготовлен ряд документов о предоставлении МСП институциональной и финансовой поддержки, налоговых льгот. Руководством страны рассматривается и ряд мер по стимулированию стартапов.

Лаос. Цифровизация в Лаосе отстаёт, по сравнению с остальными странами – членами АСЕАН, из-за высокой стоимости Интернета, разрыва между городом и сельской местностью и отсутствия достаточной нормативной базы. В связи с этим правительство страны предпринимает действия по улучшению ситуации. В Лаосе существует «Национальный план по развитию цифровой экономики 2021–2025». Для развития в области ИКТ было разработано и принято несколько национальных планов: «Национальный план по развитию широкополосной связи 2012–2020», «План по развитию электронного правительства 2013–2020» и «Видение ИКТ 2030». В июле 2021 г. Министерство технологий и телекоммуникаций Лаоса в партнёрстве с ООН запустило проект цифровой трансформации правительства, который продолжил создание электронного правительства в стране.

В области электронной торговли в Лаосе долгое время отсутствовала зафиксированная в едином документе национальная политика. Существовали лишь акты, касающиеся отдельных её составляющих, например, сферы электронных транзакций (Закон об электронных транзакциях от 7 декабря 2012 г.) и кибербезопасности

(Закон о предотвращении и борьбе с киберпреступностью от 15 июля 2015 г.) [11]. И только 12 апреля 2021 г. Правительство Лаоса издало Указ № 296 «Об электронной торговле» (вступил в силу 14 июня 2021 г.), где были учтены основные аспекты, касающиеся электронной торговли [12].

Платежи в Лаосе осуществляются преимущественно наличными денежными средствами. Более 50% населения страны не имеет банковских счетов. Правительство Лаоса разрабатывает и внедряет меры, позволяющие банкам и небанковским кредитным организациям развивать цифровые финансовые услуги в стране.

В 2016 г. в Лаосе был обновлен Закон о поощрении инвестиций. В нём был расширен перечень стимулов для иностранного инвестора в цифровой сектор [13].

Малайзия. В целях поддержки развития цифровой экономики в Малайзии был внедрён целый комплекс мер стимулирующей и инвестиционной политики. Правительством Малайзии в 2017 г. запущена Цифровая зона свободной торговли с целью стимулирования экспорта товаров местных МСП за счёт использования цифровых технологий, а также привлечения иностранных инвестиций в сферу электронной торговли страны. В Малайзии реализуются и иные меры в области поощрения инвестиций в цифровую экономику, в том числе введены налоговые льготы для инвесторов, отдельные поощрения для венчурных фирм. В политических документах руководство страны делает акцент на необходимости развития стартапов, поддержки талантов и предпринимателей. Правительством Малайзии была поддержана и в настоящее время реализуется совместная государственно-частная академическая инициатива по превращению малазийской молодежи в активных субъектов цифровой экономики. С 2014 г. реализуется «Национальная стратегическая дорожная карта по развитию интернета вещей», с 2015 г. реализуется «Национальная инновационная сеть анализа больших данных». В ряду политических инициатив имеется намерение повсеместного создания сельских интернет-центров. Финансовые технологии в Малайзии также достаточно развиты.

В планирующих документах Малайзии закреплены и более широкие политические инициативы в области развития цифровой экономики. Так, в 2021 г. Правительство Малайзии запустило план развития цифровой экономики «MyDigital». Он представляет собой всеобъемлющий 104-страничный документ, в котором изложена дорожная карта для достижения главной цели – стать региональным лидером в цифровой экономике. В целях обеспечения выполнения плана «MyDigital» в 2021 г. были разработаны ещё два руководящих документа: «Программа развития цифровой экономики Малайзии до 2025 г.» и «Национальная политика с использованием технологий Четвёртой промышленной революции до 2030 г.» [14].

Для развития электронной торговли разработана отдельная «Национальная стратегическая дорожная карта электронной торговли на 2021–2025 гг.» Она

направлена на поддержание и повышение конкурентоспособности электронной торговли, организацию взаимодействия между правительством и предпринимателями, а также на повышение заинтересованности МСП в переходе на электронные форматы торговли [15].

Мьянма. Мьянма занимает одно из самых низких мест среди стран – членов АСЕАН по показателям развития цифровой экономики (индекс развития электронного правительства, индекс кибербезопасности, индекс развития ИКТ и др.). В стране отсутствует правовая база для обеспечения кибербезопасности и электронных транзакций. Правительство медленно внедряет такое законодательство, поскольку большинство людей по-прежнему не имеют доступа к банковским счетам и кредитным картам [16]. Тем не менее, Мьянма в настоящее время уже располагает базовой телекоммуникационной инфраструктурой, доступ населения к Интернету улучшился, количество пользователей смартфонов также увеличивается.

В 2016 г. правительством Мьянмы был принят стратегический документ – «Экономическая политика из 12 пунктов». В нём к числу приоритетных направлений развития отнесены сфера цифровой экономики и электронное правительство. В 2018 г. в структуре государственных органов Мьянмы был учрежден Комитет по развитию цифровой экономики, перед которым была поставлена задача обеспечить проведение цифровой трансформации, создание электронного правительства, ведение электронной торговли, внедрение инноваций, расширение цифровой составляющей во всех отраслях экономики для целей устойчивого социально-экономического развития. В следующем году правительство Мьянмы представило «Дорожную карту развития цифровой экономики Мьянмы до 2025 г.», в которой в качестве основных направлений развития данной сферы указаны: продвижение электронных государственных услуг (в том числе технологий по цифровому удостоверению личности и оформлению грузов); внедрение цифровых услуг в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовстве; модернизация инфраструктуры и людских ресурсов; привлечение прямых иностранных инвестиций и поддержка стартапов; создание агентства для оказания помощи МСП в цифровой сфере, обучение компьютерной грамотности государственных служащих [17]. В Мьянме также принят ряд мер, направленных на поощрение инноваций в финансовой сфере. В 2020 г. правительство страны приступило к разработке политики поощрения инвестиций в цифровую экономику.

Сингапур. Благодаря сильному и стабильному правительству, развитой инфраструктуре, институтам мирового уровня и высокообразованной и подготовленной рабочей силе Сингапур претендует на место ведущей цифровой экономики будущего. В стране приняты такие плановые документы, как «Основы деятельности в области цифровой экономики» (2018 г.), «Проект цифрового правительства» (2018 г.) и «План цифровой готовности» (2018 г.) В программе «Основы деятельности в области цифровой экономики» выражена цель повышения конкурентоспособности

Сингапура в цифровую эпоху, обеспечения ускорения цифровизации каждой отрасли экономики. При этом особое внимание уделено вопросу поддержки МСП [18]. «Проект цифрового правительства» предназначен для обеспечения взаимодействия населения и предприятий с правительством онлайн, а также для использования государственными служащими цифровых инструментов в своей повседневной работе [19]. В «Плане цифровой готовности» содержится намерение адаптировать каждого гражданина страны к использованию цифровых технологий. В нём намечены мероприятия по расширению доступа к указанным технологиям, повышению цифровой грамотности населения, оказанию содействия внедрению технологий [20]. В целом у правительства Сингапура имеется комплексное видение развития цифровой экономики, которое эффективно реализуется.

Таиланд. С 2015 г. Советом по инвестициям Таиланда внедряется стимулирующая программа экономического развития «Таиланд 4.0». Её цель – превратить Таиланд в региональный инновационный хаб, в том числе содействовать цифровому развитию. Программа охватывает три основные области: электронная торговля, цифровая инфраструктура и инновационная экосистема [21]. Руководство реализацией программы поручено Министерству цифровой экономики и общества Таиланда. Кроме этого в 2018 г. правительством Таиланда был представлен 20-летний «Национальный генеральный план цифрового развития (2018–2037)», в котором говорилось о необходимости принятия нескольких законов для облегчения, защиты и создания безопасной цифровой экосистемы, как для потребителей, так и для поставщиков цифровых услуг, а также о введении широкого спектра налоговых и неналоговых стимулов для содействия развитию цифровой экономики. К их числу относятся: предоставление налоговых льгот и освобождение от импортных пошлин на оборудование и материалы; упрощение процесса выдачи разрешений на работу для иностранцев и разрешений на владение землей; аннулирование ограничений на акционерный капитал для иностранных инвесторов [22].

В 2017 г. правительство Таиланда открыло специальную экономическую зону «Цифровой парк», который стал главным местом для лидеров цифрового бизнеса и новаторов. В нём предоставлена возможность для инвестиций в восемь цифровых секторов и введены особые налоговые и другие льготы [23].

Правительство страны также уделяет значительное внимание финансовым технологиям, предпринимает меры по совершенствованию национальной платформы электронных платежей «PromptPay» для обеспечения эффективных денежных переводов. При этом Министерство финансов курирует вопрос установки платёжных терминалов для обеспечения безналичных операций.

Однако некоторые проблемы всё ещё препятствуют прогрессу Таиланда в цифровом развитии. Это ограниченные бюджетные ассигнования, сбои в координации между правительственными учреждениями при разработке цифровой политики, нехватка че-

ловеческого капитала, имеющего знания в области передовых ИКТ, а также недостаточная и неравномерно распределенная цифровая инфраструктура.

Филиппины. На Филиппинах отсутствует единый плановый документ, охватывающий все аспекты цифрового развития страны, однако имеется целый ряд отдельных инициатив в данной области. Так, в 2017 г. для внедрения широкополосных технологий был разработан и введен в действие «Национальный план развития широкополосной связи» [24]. В этом же году Министерство торговли и промышленности подготовило «Инновационную промышленную стратегию Филиппин» [25]. Центральным банком страны были осуществлены некоторые мероприятия по продвижению финансовых технологий. Совет по инвестициям формирует перечень приоритетных отраслей для цифровизации с целью поддержки инвестиций в них.

В 2022 г. была разработана «Дорожная карта развития электронной торговли», в которой обозначены меры по развитию цифровой инфраструктуры, инноваций, человеческого капитала, а также по привлечению инвестиций в расширение доступа в интернет, создание и функционирование электронного правительства, электронного банкинга, электронных платежей и логистики. Кроме того, в документе названы меры по обеспечению защиты прав потребителей, конфиденциальности данных и кибербезопасности [26].

Как видим, в последние годы политическое руководство стран – членов АСЕАН уделяло значительное внимание разработке и принятию плановых и стратегических документов, содержащих базовые приоритеты развития цифровой экономики в целом или её отдельных направлений. Вместе с тем, имеются определенные сложности. Хотя большинство стран – членов АСЕАН разработали и приняли свои планы и стратегии цифрового развития, всё же некоторые из указанных плановых документов не в полной мере соответствуют передовой практике. Например, в них часто отсутствуют чёткие и простые целевые показатели, по которым можно было бы оценивать прогресс.

В целом же указанные документы выступают в качестве важнейших средств формализации и успешной реализации стимулирующей и инвестиционной политики в данной сфере. Однако эффективность проводимой политики значительно повышается благодаря сотрудничеству указанных стран в сфере цифровизации на уровне всего регионального интеграционного объединения – АСЕАН.

Политика АСЕАН на уровне регионального интеграционного объединения

В «Проекте Экономического Сообщества АСЕАН 2025» отмечается, что совместные усилия его стран-членов на уровне регионального интеграционного объединения направлены на создание единого регионального рынка со свободным

движением товаров, услуг и инвестиций, с более свободными потоками капитала и квалифицированной рабочей силы [27]. Усиление интеграции в рамках АСЕАН может содействовать ускорению развития цифровой экономики в связи с образованием более крупного единого рынка, порождающего «эффект масштаба» и «сетевые эффекты», а также обеспечивающего увеличение притока инвестиций.

Сотрудничество стран – членов АСЕАН в области ИКТ началось ещё в 1990-е гг. Это привело к заключению ими в 2000 г. «Рамочного соглашения об электронных технологиях АСЕАН», а также последующему принятию поочередно пятилетних планов АСЕАН в области развития ИКТ. «Рамочное соглашение об электронных технологиях АСЕАН» содержало положения о развитии информационной инфраструктуры и содействии росту электронной торговли. Кроме того, значительное место в нём было отведено вопросу стимулирования инвестиций в цифровые продукты и услуги [28]. Первый Генеральный план АСЕАН в области ИКТ (2010–2015 гг.) [29] включал меры по расширению информационной инфраструктуры и преодолению разрыва в цифровом развитии стран – членов АСЕАН. По итогам его реализации определённый прогресс был достигнут. Опираясь на эти достижения и на результаты формирования Экономического Сообщества АСЕАН, был разработан и принят следующий Генеральный план АСЕАН в области ИКТ (2016–2020 гг.). В нём более широко были поставлены задачи развития интегрированной цифровой экономики. Его главные задачи – трансформировать АСЕАН в цифровую экономику, обеспечить надёжную цифровую среду, создать Инновационное интегрированное Сообщество АСЕАН [30]. В январе 2021 г. на встрече АСЕАН по вопросам цифровых технологий был принят «Генеральный план АСЕАН в цифровой сфере 2025». В нём поставлена цель превращения АСЕАН в цифровое сообщество и цифровую экономику передового уровня, драйверами которых должны служить безопасные и трансформативные цифровые услуги, технологии и экосистемы. Приоритетное внимание в плане уделено мерам восстановления после пандемии COVID-19, расширению зоны покрытия стационарной и мобильной широкополосной инфраструктурой и повышению её качества, предоставлению надёжного цифрового сервиса, формированию конкурентоспособного рынка цифровых услуг, повышению качества и расширению использования электронных государственных услуг, предоставлению цифрового сервиса для коммерческих контактов, стимулированию трансграничной торговли, наращиванию потенциала участия в цифровой экономике предприятий и населения, построению инклюзивного цифрового общества [31].

Значимым направлением для АСЕАН в области цифровизации экономики является развитие сферы электронной торговли. Чтобы продвинуться в данном направлении в рамках формирующегося единого рынка была принята «Рабочая программа АСЕАН по электронной торговле 2017–2025» [32]. В ней разработаны конкретные меры, руководящие принципы и координационные механизмы, обеспе-

чивающие расширение широкополосной инфраструктуры, модернизацию правовой базы электронной торговли, защиту прав потребителей, безопасность платежных систем и электронных транзакций, упрощение процедур торговли, конкуренцию и улучшение логистики. Рабочая программа включала положение о необходимости заключения Соглашения АСЕАН об электронной торговле. Оно было подготовлено и подписано странами – членами АСЕАН в 2019 г. Его главная цель – введение единых правил в области электронной торговли для содействия развитию трансграничных сделок и цифровых связей [33].

В 2016 г. была принята «Рамочная программа АСЕАН по защите персональных данных». В этом документе страны – члены регионального интеграционного объединения признают важность защиты персональных данных, предоставляют гарантии безопасности и достоверности персональных данных. Программа направлена на содействие росту региональной торговли и потоков информации [34].

В 2018 г. запущена «Рамочная программа АСЕАН по управлению цифровыми данными», направленная на обеспечение гармонизации правил обработки данных. Однако в документе подчеркивается, что уровень готовности к гармонизации государств – членов АСЕАН различен. Поэтому некоторым из них оказывается помощь в разработке мероприятий по управлению данными для их конкретных цифровых экосистем [35].

Выводы

1. По качеству и охвату содержанием плановые и стратегические документы АСЕАН, закрепляющие политику в области цифровизации экономики, могут быть разделены на две группы. Первая группа – это единые (комплексные) планы и стратегии, охватывающие своим содержанием сразу множество направлений цифровизации (ИКТ, электронное правительство, электронная торговля, развитие цифровых навыков и знаний и др.). Ко второй группе относятся плановые и стратегические документы, охватывающие лишь отдельные из указанных направлений.

2. Политика АСЕАН в целях цифрового развития в зависимости от уровня принятия и реализации может быть разделена на национальную политику стран – членов АСЕАН и на региональную политику, проводимую на уровне всего регионального экономического интеграционного объединения. Кроме того, по характеру проводимой политики могут быть выделены институциональная политика и инвестиционная политика. Институциональная политика напрямую направлена на развитие конкретных институтов цифровой экономики: цифровых технологий, товаров, услуг, институциональных субъектов – граждан, стартапов, венчурных фондов и др. Инвестиционная политика оказывает воздействие на эти институты не напрямую, а через посредство стимулирования инвестиций в их развитие.

3. Уровень институциональной политики в целях цифрового развития экономики в странах – членах АСЕАН различается, что объясняется различным уровнем их цифровизации. Некоторые из них (Бруней, Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Сингапур, Таиланд) проводят более усовершенствованную цифровую политику, разрабатывают и реализуют единые (комплексные) планы и стратегии в данной области, обеспечивают широкий спектр институциональной поддержки отраслям экономики и предпринимателям. Хотя, несмотря на все предпринимаемые действия, Камбоджа и Таиланд всё же отстают по уровню цифровизации от Брунея, Индонезии, Малайзии и Сингапура. Для других же (Вьетнам, Лаос, Мьянма, Филиппины) такого рода меры ещё достаточно новы, и они с осторожностью принимают политические инициативы. Чаще всего в этих странах отсутствует единый плановый документ, но имеются планы или программы развития отдельных направлений цифровой экономики. Из мер институциональной политики страны уделяют особое внимание расширению онлайн-среды, поддержке цифровых стартапов и МСП. Что же касается мер инвестиционной политики, то они активно разрабатываются и реализуются во всех странах – членах АСЕАН, проявляющих значительную заинтересованность в привлечении внутренних и иностранных инвестиций в цифровую экономику. В их планирующих документах содержатся положения, направленные на создание благоприятной инвестиционной среды.

4. Страны – члены АСЕАН по отдельности содействуют развитию цифровой экономики посредством разработки и введения различных мер политики, которые включают разработку различных стратегий и программ, финансирование и наращивание потенциала МСП, стимулы для инвестиций и технологических исследований, освобождение от налогов, импортных пошлин и другие льготы. Однако всё это оказывается недостаточно эффективным без общих региональных усилий.

В АСЕАН существует разрыв между его странами-членами в уровне цифровизации экономики. Поэтому в планирующих документах, принятых на уровне регионального интеграционного объединения, прослеживаются положения, направленные на сокращение данного разрыва. Очевидно, на региональных инициативах подобного рода упор должен быть сделан в будущем. Региональный обмен опытом и передовой практикой в области цифрового развития между странами может быть полезен наименее развитым странам АСЕАН (Камбоджа, Лаос, Мьянма) для развития и привлечения инвестиций в цифровую экономику, что приведёт к сокращению разрыва. В этой связи особое значение должно отводиться планирующим документам комплексного характера. Все сферы цифровой экономики в АСЕАН: ИКТ; платёжные системы и финансовые технологии; потоки данных, товаров, квалифицированной рабочей силы и капитала; цифровое образование и доступ к финансированию, – всё это требует внедрения общих основ и стандартов в регионе. Это ключевые элементы укрепления цифровой связанности АСЕАН.

Список источников

1. Digital Economic Report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf.
2. E-Conomy Southeast Asia 2021: Roaring 20s: The SEA digital decade // Google, Temasek, Bain & Company. URL: https://www.bain.com/globalassets/noindex/2021/e_conomy_sea_2021_report.pdf.
3. Wawasan Brunei 2035 // Government of Brunei Darussalam. URL: <https://www.gov.bn/SitePages/Wawasan%20Brunei%202035.aspx>.
4. ASEAN Investment Report 2018: foreign direct investment and the digital economy in ASEAN // Invest in ASEAN. URL: [https://investasean.asean.org/files/upload/2018%20ASEAN%20Investment%20Report%20\(Website\).pdf](https://investasean.asean.org/files/upload/2018%20ASEAN%20Investment%20Report%20(Website).pdf).
5. Road Map Menuju Industri 4.0 // ITGid. URL: <https://itgid.org/roadmap-industri-4-0/>.
6. Presidential Regulation Number 74 of 2017 on Roadmap for the National Electronic Commerce System for 2017–2019 // AmCham Indonesia. URL: <https://www.amcham.or.id/images/Roadmap.pdf>.
7. OJK Regulation No.77/POJK.01/2016 // OJK. URL: <https://www.ojk.go.id/id/regulasi/otoritas-jasa-keuangan/peraturan-ojk/Pages/POJK-Nomor-77-POJK.01-2016.aspx>.
8. Vasundhara R. Indonesia's E-Commerce sector – market potential and challenges // ASEAN Briefing. 2019. March 14. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/indonesias-e-commerce-sector-market-potential-challenges/>.
9. Sum M. Cambodia to be a digital economy by 2023 // Khmer Times. 2018. March 7. URL: <https://www.khmertimeskh.com/112147/cambodia-to-be-a-digital-economy-by-2023/>.
10. Law on electronic commerce of Kingdom of Cambodia // Commerce Cambodia. URL: <https://commerce-cambodia.com/2021/06/13/law-on-electronic-commerce-of-kingdom-of-cambodia/>.
11. Lao People's Democratic Republic Rapid eTrade Readiness Assessment 2018 // UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/dtlstict2018d3_en.pdf.
12. Aristotle D., Cess P. Laos Adopts New E-Commerce regulation // ZICO Law. 2021. August 18. URL: <https://www.zicolaw.com/resources/alerts/laos-adopts-new-e-commerce-regulation/>.
13. Lao People's Democratic Republic Law on investment promotion // Investment Policy Hub. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-laws/laws/177/lao-people-s-democratic-republic-investment-law#:~:text=This%20Law%20defines%20principles%2C%20regulations,of%20investors%2C%20the%20state%2C%20collective.>

14. Digital Economy in Malaysia // Official Portal of the Ministry of International Trade and Industry. URL: <https://www.miti.gov.my/index.php/pages/view/8527?mid=1213>.
15. E-commerce: The digital Heart of Malaysia's Economy // Malaysian Investment Development Authority. URL: <https://www.mida.gov.my/mida-news/e-commerce-the-digital-heart-of-malaysias-economy/>.
16. Myanmar not quite ready for digital economy // Myanmar Times. 2019. June 18. URL: <https://www.consult-myanmar.com/2019/06/18/myanmar-not-quite-ready-for-digital-economy/>.
17. Myanmar digital economy roadmap // Digital Economy Development Committee. URL: <https://myanmar.gov.mm/documents/20143/9096339/2019-02-07+DEDCC+RoadMap+for+Websites.pdf/>.
18. Digital economy framework for action // Infocomm Media Development Authority. URL: <https://www.imda.gov.sg/Who-We-Are/about-imda>.
19. Digital government blueprint // Government Technology Agency. URL: https://www.tech.gov.sg/files/media/corporate-publications/dgb-publicdocument_30dec20.pdf.
20. Digital readiness blueprint // Ministry of Communications and Information. URL: <https://www.mci.gov.sg/en/portfolios/digital-readiness/digital-readiness-blueprint>.
21. Thailand 4.0 // Thailand Board of Investment. URL: https://www.boi.go.th/upload/content/TIR_Jan_32824.pdf.
22. Is Thailand ready for the digital economy? // Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. 2022. March 17. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/03/17/is-thailand-ready-for-the-digital-economy/>.
23. Digital Park Thailand // Thailand Investment Review. 2020. Vol. 30, March. URL: <https://www.boi.go.th/upload/content/TIRMarch.pdf>.
24. The National Broadband Plan // Department of Information and Communication Technology. URL: <https://dict.gov.ph/national-broadband-plan/>.
25. Philippine inclusive innovation industrial strategy // Department of Trade and Industry Philippines. URL: <https://industry.gov.ph/wp-content/uploads/2017/11/DTI-Policy-Brief-2017-05-Philippine-Inclusive-Innovation-Industrial-Strategy.pdf>.
26. Commerce Philippine 2022 RoadMap // Department of Trade and Industry Philippines. URL: <https://ecommerce.dti.gov.ph/madali/>.
27. ASEAN Community Vision 2025 // ASEAN Main Portal. URL: https://asean.org/?static_post=asean-economic-community-blueprint-2025.
28. E-ASEAN Framework Agreement 2000 // ASEAN Legal Instruments. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140119121135.pdf>.
29. The ASEAN ICT Masterplan 2010-2015 // Centre of International Law National University of Singapore. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/formidable/18/ASEAN-ICT-Masterplan-AIM-2015.pdf>.

30. The ASEAN ICT Masterplan 2016-2020 // Centre of International Law National University of Singapore. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/formidable/18/ASEAN-ICT-Masterplan-AIM-2015.pdf>.

31. ASEAN has approved a master plan in the digital sphere until 2025 // Seldon News. 23 January, 2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244347005>.

32. ASEAN Work Programme on Electronic Commerce // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ASEAN-Work-Programme-on-Electronic-Commerce_published.pdf.

33. ASEAN Agreement on Electronic Commerce // ASEAN. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20190306035048.pdf>.

34. ASEAN Framework on Personal Data Protection // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/10-ASEAN-Framework-on-PDP.pdf>.

35. ASEAN Framework on Digital Data Governance // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/6B-ASEAN-Framework-on-Digital-Data-Governance_Endorsedv1.pdf.

References

1. Digital Economic Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries. *UNCTAD*. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf.

2. E-Conomy Southeast Asia 2021: Roaring 20s: The SEA Digital Decade. *Google, Temasek, Bain & Company*. URL: https://www.bain.com/globalassets/noindex/2021/e_economy_sea_2021_report.pdf

3. Wawasan Brunei 2035. *Government of Brunei Darussalam*. URL: <https://www.gov.bn/SitePages/Wawasan%20Brunei%202035.aspx>.

4. ASEAN Investment Report 2018: Foreign Direct Investment and the Digital Economy in ASEAN. *Invest in ASEAN*. URL: [https://investasean.asean.org/files/upload/2018%20ASEAN%20Investment%20Report%20\(Website\).pdf](https://investasean.asean.org/files/upload/2018%20ASEAN%20Investment%20Report%20(Website).pdf).

5. Road Map Menuju Industri 4.0. *ITGid*. URL: <https://itgid.org/roadmap-industri-4-0/>.

6. Presidential Regulation Number 74 of 2017 on Roadmap for the National Electronic Commerce System for 2017–2019. *AmCham Indonesia*. URL: <https://www.amcham.or.id/images/Roadmap.pdf>

7. OJK Regulation No.77/POJK.01/2016. *OJK*. URL: <https://www.ojk.go.id/id/regulasi/otoritas-jasa-keuangan/peraturan-ojk/Pages/POJK-Nomor-77-POJK.01-2016.aspx>.

8. Vasundhara R. Indonesia's E-Commerce Sector – market potential and challenges. *ASEAN Briefing*. March 14, 2019. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/indonesias-e-commerce-sector-market-potential-challenges/>.

9. Sum M. Cambodia to be a digital economy by 2023. *Khmer Times*. March 7, 2018. URL: <https://www.khmertimeskh.com/112147/cambodia-to-be-a-digital-economy-by-2023/>.
10. Law on Electronic Commerce of Kingdom of Cambodia. *Commerce Cambodia*. URL: <https://commerce-cambodia.com/2021/06/13/law-on-electronic-commerce-of-kingdom-of-cambodia/>.
11. Lao People's Democratic Republic Rapid eTrade Readiness Assessment 2018. *UNCTAD*. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/dtlstict2018d3_en.pdf.
12. Aristotle D., Cess P. Laos Adopts New E-Commerce Regulation. *ZICO Law*. August 18, 2021. URL: <https://www.zicolaw.com/resources/alerts/laos-adopts-new-e-commerce-regulation/>.
13. Lao People's Democratic Republic Law on Investment Promotion. *Investment Policy Hub*. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-laws/laws/177/lao-people-s-democratic-republic-investment-law#:~:text=This%20Law%20defines%20principles%2C%20regulations,of%20investors%2C%20the%20state%2C%20collective.>
14. Digital Economy in Malaysia. *Official Portal of the Ministry of International Trade and Industry*. URL: <https://www.miti.gov.my/index.php/pages/view/8527?mid=1213>.
15. E-commerce: The digital Heart of Malaysia's Economy. *Malaysian Investment Development Authority*. URL: <https://www.mida.gov.my/mida-news/e-commerce-the-digital-heart-of-malaysias-economy/>.
16. Myanmar not quite ready for digital economy. *Myanmar Times*. June 18, 2019. URL: <https://www.consult-myanmar.com/2019/06/18/myanmar-not-quite-ready-for-digital-economy/>.
17. Myanmar Digital Economy Roadmap. *Digital Economy Development Committee*. URL: <https://myanmar.gov.mm/documents/20143/9096339/2019-02-07+DED+RoadMap+for+Websites.pdf/>.
18. Digital Economy Framework for Action. *Infocomm Media Development Authority*. URL: <https://www.imda.gov.sg/Who-We-Are/about-imda>.
19. Digital Government Blueprint. *Government Technology Agency*. URL: https://www.tech.gov.sg/files/media/corporate-publications/dgb-public-document_30dec20.pdf.
20. Digital Readiness Blueprint. *Ministry of Communications and Information*. URL: <https://www.mci.gov.sg/en/portfolios/digital-readiness/digital-readiness-blueprint>.
21. Thailand 4.0. *Thailand Board of Investment*. URL: https://www.boi.go.th/upload/content/TIR_Jan_32824.pdf.
22. Is Thailand ready for the digital economy? *Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. March 17, 2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/03/17/is-thailand-ready-for-the-digital-economy/>.

23. Digital Park Thailand. *Thailand Investment Review*. Vol. 30, March 2020. URL: <https://www.boi.go.th/upload/content/TIRMarch.pdf>.
24. The National Broadband Plan. *Department of Information and Communication Technology*. URL: <https://dict.gov.ph/national-broadband-plan/>.
25. Philippine Inclusive Innovation Industrial Strategy. *Department of Trade and Industry Philippines*. URL: <https://industry.gov.ph/wp-content/uploads/2017/11/DTI-Policy-Brief-2017-05-Philippine-Inclusive-Innovation-Industrial-Strategy.pdf>.
26. Commerce Philippine 2022 RoadMap. *Department of Trade and Industry Philippines*. URL: <https://ecommerce.dti.gov.ph/madali/>.
27. ASEAN Community Vision 2025. *ASEAN Main Portal*. URL: https://asean.org/?static_post=asean-economic-community-blueprint-2025.
28. E-ASEAN Framework Agreement 2000. *ASEAN Legal Instruments*. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140119121135.pdf>.
29. The ASEAN ICT Masterplan 2010–2015. *Centre of International Law National University of Singapore*. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/formidable/18/ASEAN-ICT-Masterplan-AIM-2015.pdf>.
30. The ASEAN ICT Masterplan 2016–2020. *Centre of International Law National University of Singapore*. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/formidable/18/ASEAN-ICT-Masterplan-AIM-2015.pdf>.
31. ASEAN has approved a master plan in the digital sphere until 2025. *Seldon News*. 23 January, 2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244347005>.
32. ASEAN Work Programme on Electronic Commerce. *ASEAN*. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ASEAN-Work-Programme-on-Electronic-Commerce_published.pdf.
33. ASEAN Agreement on Electronic Commerce. *ASEAN*. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20190306035048.pdf>.
34. ASEAN Framework on Personal Data Protection. *ASEAN*. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/10-ASEAN-Framework-on-PDP.pdf>.
35. ASEAN Framework on Digital Data Governance. *ASEAN*. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/6B-ASEAN-Framework-on-Digital-Data-Governance_Endorsedv1.pdf.

Информация об авторах

А. Н. Васина – кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский филиал Российской таможенной академии, г. Владивосток, Россия.

Ю. А. Демина – ассистент департамента социально-экономических исследований и регионального развития, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

A. N. Vasina – Candidate of Political Studies, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, Russia.

Yu. A. Demina – Instructor of the Department of Socio-Economic Research and Regional Development, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 69–80.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 69–80.

Научная статья

УДК 321.64

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/69-80>

ИММАНЕНТНОСТЬ ДЕТЕРМИНАНТ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ТОТАЛИТАРИЗМА*

Вадим Викторович Антонченко¹, Лариса Ивановна Романова²

¹Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток, Россия, antovadim@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>, Researcher ID: AAB-4863-2022

²Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия,
larisa.i.romanova@mail.ru

Аннотация. Целью работы является выявление наиболее общих качеств крайних форм недемократических государственных режимов, обуславливающих особенности политико-правовой действительности и определяющих специфику его генезиса. Основное содержание исследования составляет анализ факторов, обуславливающих нестабильность тоталитарных систем, предопределяющих их крушение. Теоретическая и практическая значимость определяется актуальностью знания сущностных качеств недемократических политических режимов, позволяющего эффективно противодействовать укреплению тоталитарных тенденций в современных государствах. Политико-правовой анализ строительства государственности в разных странах свидетельствует о том, что тоталитарные государства, продолжающие существовать и в XXI в., никогда не достигали экономических, идеологических и иных заявленных целей. Крах тоталитаризма предопределен внутренними субстанциональными противоречиями, неотъемлемыми и вытекающими из его природы.

Ключевые слова: власть, государство, демократия, общество, политический режим, право, тоталитаризм.

Для цитирования: Антонченко В. В., Романова Л. И. Имманентность детерминант нестабильности тоталитаризма // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/69-80>

* © Антонченко В. В., Романова Л. И., 2022

IMMANENCE OF DETERMINANTS OF INSTABILITY OF TOTALITARIANISM

Vadim Viktorovich Antonchenko¹, Larisa Ivanovna Romanova²

¹Far Eastern Fire and Rescue Academy is a branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia, antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>, Researcher ID: AAB-4863-2022

²Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, larisa.i.romanova@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to identify the most common qualities of extreme forms of undemocratic state regimes that determine the features of political and legal reality and determine the specifics of its genesis. The main content of the study involves analyzing the factors that cause instability of totalitarian systems, predetermining their collapse. The theoretical and practical significance is determined by the relevance of knowledge of the essential qualities of undemocratic political regimes, which makes it possible to effectively counteract the strengthening of totalitarian tendencies in modern states. The political and legal analysis of the construction of statehood in different countries indicates that totalitarian states, which continue to exist in the XXI century, have never achieved economic, ideological or other goals. The collapse of totalitarianism is predetermined by internal substantial contradictions inherent and arising from its nature.

Keywords: power, state, democracy, society, political regime, law, totalitarianism.

For citation: Antonchenko V. V. Romanova L. I. Immanence of determinants of instability of totalitarianism // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/69-80>

Введение

Проблематика генезиса государственных режимов остаётся одной из самых актуальных в сфере познания политических процессов, изучения государства и права. Выявление законов направленной структурной трансформации социума способно эффективно разрешать важные вопросы эволюции сложных социальных систем. Особое внимание исследователей проблем функционирования государства, общества и права привлекают, в силу своей вариативности, недемократические политические режимы. По выражению Б. Геддес, авторитарные режимы имеют не меньше отличий друг от друга, чем от демократии [1].

Термин «тоталитаризм», введённый в оборот в начале XX в., означает тотальное подчинение человека политической власти и господствующей идеологии и

полный контроль государством всех сторон общественной жизни [2]. Тоталитаризм представляется большинством авторов отличным от авторитаризма недемократическим политическим режимом, однако не лишено оснований и его видение как крайней формы авторитаризма. Любая разновидность тоталитаризма, независимо от базовой идеологии, которую он обслуживает, предполагает радикальный отказ от демократических принципов управления, гуманистических взглядов на общественное устройство, признания и соблюдения прав человека: на жизнь, свободное развитие, свободу слова, свободу передвижения и т. д. Тоталитаризм может воплощаться в различных видах, наиболее известными из которых являются режимы соответствующих крайне правых и крайне левых идеологий, а также его религиозные разновидности (в частности, исламский фундаментализм).

Анализ генезиса тоталитарных режимов свидетельствует о том, что историческое время их существования не является продолжительным. Причина нестабильности тоталитаризма обусловлена тем, что общество, подчиняясь представлениям о верховенстве права сильного, свойственного низшим формам социальной организации, утрачивает способность и возможность защиты перед лицом новых вызовов в экономике и политической жизни, а ресурсы государства в условиях насилия и государственного террора не позволяют обеспечить его нормальное функционирование в долгосрочном периоде.

Признаки тоталитаризма в истории и современности

Тоталитарное государство – это, прежде всего, политическая форма организации общества крайне закрытого типа. Оно характеризуется единой идеологией и жёсткой идеологической цензурой, активной государственной пропагандой, манипулирующей общественным сознанием, наличием единственной правящей партии во главе с лидером-диктатором, проникновением государства во все сферы жизни обществ, отсутствием независимых средств массовой информации, уничтожением индивидуальных гражданских свобод, отсутствием независимого правосудия, а также стремлением к территориально-политической экспансии.

Несмотря на небезосновательность подхода Ю. Г. Чернышова, согласно которому тоталитаризм – специфическое явление индустриальной цивилизации, породившей в числе других проблем так называемую «проблему догоняющей модернизации» [1], его признаки обнаруживаются на протяжении всей истории человечества задолго до того, как это явление получило своё определение. От древности до наших дней важнейшими специфическими атрибутами тоталитаризма обладали множество тираний, деспотий и олигархий (Вавилон, Китай, Египет, Рим и др.). О многовековой истории тоталитаризма определённо и обоснованно свидетельствуют труды большого числа философов и учёных (легисты, Платон, Ж.-Ж. Руссо, Гегель, Ницше, Маркс и др.) [3; 4; 5; 6; 7]. Исторические формы тоталитарных го-

сударств веками сохраняли свою стабильность. Их гибель обуславливалась, как правило, не внутренними противоречиями, а внешним воздействием со стороны более сильных в экономическом и военном отношениях стран. Производительные силы и технологии древних государств, оставаясь неизменными на протяжении веков, не способствовали очевидности того, что их отставание в развитии от соседей обусловлено способом управления, консервирующим не только общественные отношения, но и препятствующим развитию технологий.

Помимо общеизвестных хрестоматийных моделей тоталитарных государств первой половины и середины XX в. признаки тоталитаризма имели: Италия (1921–1945 гг.), Аргентина (1944–1955 гг.), Испания (1933–1975), Румыния (1927–1941 гг.), Австрия (1933–1934 гг.), Бразилия (1932–1938 гг.), Китай (1945–1976 гг.), Камбоджа (1975–1979 гг.) и др. [8; 9; 10]. Вдохновляясь предыдущим опытом, некоторые государства демонстрируют признаки тоталитарных качеств и в наши дни (Иран, КНДР, некоторые исламистские системы и движения) [11; 12].

Право тоталитарных государств институционально закрепляет приоритет государства над обществом, шовинизм и дискриминацию некоторых групп населения по какому-либо, чаще всего национальному, признаку. В тоталитарном государстве определяющим фактором правовой действительности является государственное насилие, которое меняет все представления об иерархии и юридической силе правовых актов.

Государственная идеология и массовая психология при тоталитаризме неразрывно связана с потребностью в объединяющем общество начале. Таким началом становится образ «врага», существующего как реально, так и создаваемого пропагандой. Например, политика и идеология нацистской Германии 1933–1945 гг. объявила врагами общества и государства, преступниками, подлежащими уничтожению, не только людей еврейской национальности, сторонников коммунизма, либерализма, но и любых инакомыслящих [13].

Главная задача права тоталитарного государства – это борьба с врагами, которыми являются носители любого несогласия. Тоталитаризм, мотивируя насилие заботой о благополучии всех граждан «во имя нации, народа, государства», не ограничивает себя в применении любых средств: как в рамках правового поля, так и находящихся вне его. Государственное насилие, являющееся закономерным и оправданным признаком любого государства, при тоталитаризме превращается в организованный террор как в виде легального «правосудия», позволяющего властям быстро и эффективно подавлять любое сопротивление, так и в форме внесудебных расправ.

Существование тоталитарных политических режимов основано на значительной поддержке населения, которое в своей основной массе полагает провозглашаемые правящей элитой интересы как общенациональные. В этих условиях даже насилие представляется политической пропагандой как осуществляемое в интере-

сах народа и признаётся большинством общества справедливым и выражающим его интересы. Человек в таком обществе наделяется лишь свойствами средства для реализации государственных задач, главной из которых провозглашается борьба с многочисленными противниками. Подавляющее большинство граждан, полностью отрешённых от управления государством, искренне убеждено, что правящая элита выражает его интересы, а последняя, таким образом, получает неограниченную власть и не поддающиеся контролю возможности для своего обогащения [14].

Поскольку поиск противников не локализуется на территории тоталитарного государства, а неизбежно переходит и через его границы, постольку его существование неизбежно сопряжено с агрессивной внешней политикой, неминуемо заканчивающейся войной [15]. В преддверии военного поражения в экономике такого государства вводится, как правило, военное положение, предусматривающее возможность внеэкономического принуждения субъектов экономической деятельности. Время труда работников может принудительно корректироваться в сторону увеличения. Этот режим требует неограниченных полномочий для репрессивных органов, что значительно расширяет основания для привлечения к уголовной ответственности за «измену». Главным методом управления становится государственный террор.

В рамках парадигмы тоталитарного управления государственный террор может только нарастать, однако это нарастание на определённом этапе входит в противоречие с интересами властных элит, гарантии для благополучия и безопасности которых в государстве, где не только отсутствуют представления о естественных правах, но и фактически расформировано позитивное право, не могут быть предоставлены.

Детерминанты несостоятельности тоталитаризма

XX век был не только веком торжества тоталитаризма в некоторых странах, но также и временем его краха. Как свидетельствует опыт функционирования тоталитарных режимов и анализ мировой социальной практики, тоталитаризм не способен обеспечить достижение заявляемых целей и перспективы для своего существования в долгосрочном историческом периоде. Существование тоталитарных режимов в Новейшее время (и самих государств с этими признаками) не является исторически продолжительным. Мировоззренческие, психологические, социально-политические и другие условия существования подобных режимов исчезают, как правило, в течение жизни одного поколения людей. Это заставляет коллапсировать сам режим и нередко разрушает «принадлежащее» ему государство. Так «тысячелетний Рейх» нацистской Германии просуществовал всего двенадцать лет.

Крах тоталитарных режимов предопределяется теми же факторами, которые обеспечивают их кратковременные успехи: единая идеология, мнимое совпадение интересов народных масс и правящей элиты, чрезмерное государственное насилие,

мобилизация населения, концентрация ресурсов и т. д. Помимо их неприемлемости с гуманитарных позиций, модели тоталитарного хозяйствования ещё и крайне неэффективны с точки зрения рационализма. Представляется, что главная причина неустойчивости тоталитарного режима – в нерациональном расходовании огромных человеческих и материальных ресурсов на достижение заведомо утопических целей. Вследствие мистификации заявляемых идеологических целей тоталитарные режимы, несмотря на создаваемый огромный модернизационный и мобилизационный потенциал, не в состоянии к ним приблизиться.

Успехи тоталитарных режимов обходятся обществу ценой больших усилий и существенных издержек. При дальнейшем развитии подобной системы эта цена становится причиной деградации государства. Административное давление на экономику уже в среднесрочной перспективе неизбежно оборачивается падением темпов роста промышленного производства, разбалансированием между отраслями народного хозяйства, ростом коррупции и увеличением бюрократического аппарата.

Другой причиной является технологическое отставание, традиционное для «закрытых» обществ ещё со времен Древнего мира. Сегодня очевидно, что наука, технологии и даже бизнес могут быть успешными лишь при свободном обороте капиталов, сырья, трудовых и научных ресурсов, способном рационализировать производственные процессы. В условиях закрытой системы, где транснационализация невозможна, технологический и социальный прогресс является неосуществимым.

Отрешённое от участия в формировании государственной власти, население проявляет индифферентность и в случаях возникновения угрожающих ей факторов. По мере углубления разрыва между народом и правящей элитой нарастает политическая апатия населения, которое теряет интерес не только к политической, но и к любой общественной жизни. Это приводит к тому, что в критический момент, когда общество могло бы сыграть свою позитивную роль в поддержании стабильности системы, оно проявляет к судьбе государства полное безразличие.

Государственное управление, основанное на насилии, выходящем за рамки обычного, способно обеспечить рост эффективности производства, однако без структурной перестройки хозяйства, использования в производстве достижений научно-технического прогресса, международной кооперации и специализации его действие не может быть продолжительным. Тоталитарное государство в своем развитии неизбежно сталкивается с кризисом в административной, проектно-управленческой деятельности. Государственный террор лишает эти сферы рационализма; текущее законодательство, обслуживающее идеологию, не способно адекватно и своевременно реагировать на реально возникающие угрозы. Процедуры следствия и суда значительно упрощаются, поскольку правоохранительная система не имеет сил, средств и времени на поддержание видимости «законности», обеспечиваемой строгим выполнением процессуальных правил. Дополнительные ресурсы

система находит в отказе от сложных процессов, требующих значительных временных и организационных издержек.

Нестабильность тоталитаризма предопределена также тем, что в результате самовоспроизводства правящей элиты она неизбежно вырождается. После ухода харизматичного лидера члены правящего класса, как правило, не в состоянии проявить качества, способные увлечь массы таким образом, чтобы их действия не подвергались критическому осмыслению. Таким образом, существование тоталитаризма привязано к непродолжительной в историческом масштабе жизни лидеров правящего клана.

Внутренне присущие тоталитаризму свойства, прежде всего, право силы, объективированное в виде репрессий, от которых не застрахован ни один гражданин независимо от его статуса и должности, перестают удовлетворять даже членов правящих элит. Бенефициары тоталитарного режима не уходят вместе с физическим уходом своего вождя, поэтому, даже истощив свои внутренние резервы, тоталитаризм может ещё некоторое время коллапсировать, продолжая разрушать экономику, общественное правосознание, практику правотворчества и правоохранения.

Идеология, основанная на противопоставлении государства иным недружественным странам и необходимости сопротивляться врагам, делает общество заложником собственной пропаганды. Поиск внутреннего и внешнего врага и борьба с ним действительно способны сплотить общество (народ) и государство (власть) [16, 17], однако данный эффект не является исторически продолжительным. Подобная идеология требует увеличения доли военных расходов в структуре национального хозяйства в ущерб иным отраслям экономики. Политика милитаризации государства, обслуживающая идеологию, отнимает существенную часть объёма национального производства, порождая (увеличивая) экономические проблемы в стране.

При продолжающейся милитаризации государства неизбежно наступает момент, когда власть полагает возможным развязать внешнюю экспансию. Война, получающая политическое обоснование и историческую аргументацию, романтизируется, её участники героизируются. Государство, следующее идеолого-пропагандистским постулатам и информационным мифологемам, внедрённым в общественное сознание, вынуждено расширять рамки конфликта в пространстве и времени даже при отсутствии экономической и военной возможности. Гуманизм и милосердие как во внутренней, так и во внешней политике, отрицаются принципиально, уступая место государственному имморализму. В этих условиях соблюдение принципов международного гуманитарного права становится невозможным. Отрицание агрессором общепринятых законов и обычаев войны не оставляет противостоящим ему государствам иного способа для выживания, как полный военный разгром неприятеля. Таким образом, попытка консолидировать общество либо разрешить имеющиеся экономические и политические проблемы военным путём способна лишь ускорить окончательный крах тоталитаризма. Неизбежное поражение

тоталитарного государства в войне обусловлено также отрицанием по идеологическим мотивам экономической, политической и военной реальности, приводящее к неверной оценке собственных сил и всей военно-политической обстановки.

Таким образом, имманентные свойства архетипа тоталитарных режимов, обеспечивающие успехи на ранних этапах становления (единая идеология, пренебрежение правом в самом широком смысле, мобилизация ресурсов посредством огосударствления экономики, уничтожение гражданского общества и всяческой оппозиции, милитаризация), являются, одновременно, и факторами, детерминирующими их неустойчивость за пределами краткосрочного развития.

Заключение

Формирование тоталитарных режимов определяется политико-правовой действительностью и культурными традициями (прежде всего, неразвитостью политической культуры), преломляющимися в общественном сознании определенным образом. Данный процесс контролируется и управляется властными элитами, имеющими в состоянии «нового средневековья» [18] свой имущественный интерес.

Используя методы насилия, концентрацию общественных сил и государственных средств, тоталитаризм на начальном этапе способен стимулировать в стране экономический рост. Однако издержки, требующиеся для такого подъёма в условиях государственного террора, неоправданно велики, с определённого момента они начинают нивелировать положительный эффект от внеэкономического принуждения, административного давления и мобилизационного уклада экономики.

Крайне неэффективное расходование социальной энергии и невозможность безграничного наращивания террора приводит к ослаблению государственного режима и абсолютного характера власти. Неизбежные в современной реальности связи с внешним миром, новые технологии в сфере коммуникаций подрывают государственную монополию на информацию и порождают инакомыслие. Народ, сравнивая своё положение, благополучие и безопасность с таковыми в обществах «открытого типа», существующих в условиях демократии и либеральных ценностей, утрачивает доверие к пропагандируемой государством идеологии, политической системе и её лидерам. Разоблачение пропагандистских идеалов снижает заинтересованность всех социальных групп в поддержании существующего порядка, в том числе и добросовестным выполнением своих служебных и социальных обязанностей. Правовой нигилизм и судебный произвол перестает удовлетворять даже членов властных элит. Эти процессы неизбежно ведут к либерализации политического режима и знаменуют собой начало распада тоталитарной системы.

Рационализм и новые типы социокультурных отношений, достижения науки и новейшие технологии XXI в. не оставляют места тоталитарным режимам, свойства которых можно обнаружить ещё в племенном строе и в Средневековье. Будущее

человечества представляется возможным лишь в условиях открытого общества и демократии, где господствует критическое мышление, справедливость и равные возможности для индивидуального личностного развития каждого человека [19].

Список источников

1. Чернышов Ю. Г. К вопросу о спартанском тоталитаризме // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 3–15.
2. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого / чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 6. С. 121–128.
3. Корнева Л. Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 275 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Болезнь века // Новое время. 1993. № 38. С. 56–58.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. 448 с.
6. Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории. Барнаул, 1996. 40 с. (Дневник Алтайской школы политических исследований; № 1).
7. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999. Vol. 2. P. 115–144.
8. Бреев С. И. Новое средневековье (социально-теологическая утопия Н. А. Бердяева) // Вестник МГУ. 1999. № 3–4. С. 12–15.
9. Нестерова Т. П. Концепция фашизма в выступлениях Джузеппе Боттаи // Уральский вестник международных исследований. 2006. Вып. 6. С. 176–190.
10. Рассел Б. История западной философии. Кн. 1–2. Новосибирск, 1994. 512 с.
11. Желев Ж. Фашизм: тоталитарное государство / пер. с болг. М.: Новости, 1991. 334 с.
12. Pöehlmann R., von. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. 3 Aufl. von F. Oertel. Bd. 1–2. München, 1925. 440 s.
13. Нестерова Т. П. Джованни Джентиле о культуре, обществе и государстве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49, № 13. С. 196–203.
14. Антонченко В. В. Право и общественные интересы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 174–183. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/174-183.
15. Антонченко В. В. Фашизация государства и права // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 9 (190). С. 55–65. DOI 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065.

16. Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма // Образовательная политика. 2015. № 2 (68). С. 111–116.
17. Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–25.
18. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
19. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. 331 с.
20. Лурье С. Я. О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты // Вестник Древней истории. 1939. № 1. С. 98–106.
21. Ударцев С. Ф. История политических и правовых учений (Древний Восток). СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2007. 661 с.
22. Tibi B. *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder*, Berkeley: University of California Press, 2002. 293 p.

References

1. Chernyshov Yu. G. K voprosu o spartanskom totalitarizme [On the issue of Spartan totalitarianism]. *Issledovanija po vseobshhej istorii i mezhdunarodnym otnoshenijam*. Barnaul: Izd-vo ASU, 1997, pp. 3–15. (In Russ.).
2. Morozova E. V. Degumanizacija kak tehnologija formirovanija obraza drugogo / chuzhogo v politike [Dehumanization as a technology for forming the image of another / alien in politics]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 121–128. (In Russ.).
3. Korneva L. N. Germanskaja istoriografija nacional-socializma: problemy issledovanija i tendencii sovremennogo razvitija (1985–2005) [German historiography of national socialism: problems of research and trends in modern development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 275 p. (In Russ.).
4. Ortega y Gasset X. Bolezn' veka [Disease of the century]. *Novoe vremja*, 1993, no. 38, pp. 56–58. (In Russ.).
5. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi [Open society and its enemies]. In 2 volumes. Moscow: Kul'turnaja iniciativa; Feniks Publ., 1992. 448 p. (In Russ.).
6. Totalitarianism and its overcoming: actual lessons of history [Totalitarizm i ego preodolenie: aktual'nye uroki istorii]. Barnaul, 1996. 40 p. (Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij [Diary of the Altai School of Political Studies]; no. 1). (In Russ.).
7. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? *Annual review in political science*. Palo Alto, CA, 1999, vol. 2, pp. 115–144.
8. Breev S. I. Novoe srednevekov'e (social'no-teologicheskaja utopija N. A. Berdjajeva) [New Middle Ages (social and theological utopia of N. A. Berdyaev)]. *Vestnik MGU*, 1999, no. 3–4, pp. 12–15. (In Russ.).

9. Nesterova T. P. Konceptija fashizma v vystuplenijah Dzhuzeppe Bottai [The concept of fascism in the speeches of Giuseppe Bottai]. *Ural'skij vestnik mezhdunarodnyh issledovanij*, 2006, iss. 6, pp. 176–190. (In Russ.).
10. Russell B. Istorija zapadnoj filosofii [History of Western Philosophy]. Book. 1–2. Novosibirsk, 1994. 512 p. (In Russ.).
11. Zhelev Zh. Fashizm: totalitarnoe gosudarstvo [Fascism: a totalitarian state]. Moscow: Novosti, 1991. 334 p. (In Russ.).
12. Poehlmann R., von. History of the Social Question and Socialism in the Ancient World. 3rd ed. by F. Oertel. vol. 1-2. Munich, 1925. 440 p. (In Germ.).
13. Nesterova T. P. Dzhovanni Dzhenstile o kul'ture, obshhestve i gosudarstve [Giovanni Gentile on culture, society and the state]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2007, vol. 49, no. 13, pp. 196–203. (In Russ.).
14. Antonchenko V. V. Pravo i obshhestvennye interesy [Law and public interests]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2022, vol. 24, no. 1, p. 174–183. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/174-183. (In Russ.).
15. Antonchenko V. V. Fashizacija gosudarstva i prava [Fascization of state and law]. *Lex russica (Russkij zakon)*, 2022, vol. 75, no. 9 (190), pp. 55–65. DOI 10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065. (In Russ.).
16. Bettelheim B. O psihologicheskoj privlekatel'nosti totalitarizma [On the psychological attractiveness of totalitarianism]. *Obrazovatel'naja politika*, 2015, no. 2 (68), pp. 111–116. (In Russ.).
17. Gadzhiev K. S. Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the XX century]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 2, pp. 3–25. (In Russ.).
18. Hayek F. A. Doroga k rabstvu [Road to slavery]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 264 p. (In Russ.).
19. Perelomov L. S. Konfucianstvo i legizm v politicheskoj istorii Kitaja [Confucianism and legalism in the political history of China]. Moscow, 1981. 331 p. (In Russ.).
20. Lurie S. Ya. O fashistskoj idealizacii policejskogo rezhima drevnej Sparty [About the fascist idealization of the police regime of ancient Sparta]. *Vestnik Drevnej istorii*, 1939, no. 1, pp. 98–106. (In Russ.).
21. Udartsev S. F. Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij (Drevnij Vostok) [History of political and legal doctrines (Ancient East)]. St. Petersburg: SPbGU Publishing House, 2007. 661 p. (In Russ.).
22. Tibi B. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder, Berkeley: University of California Press, 2002. 293 p.

Информация об авторах

В. В. Антонченко – кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебно-научной работе Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток, Россия.

Л. И. Романова – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, профессор кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.

Information about the authors

V. V. Antonchenko – Candidate of Law, Deputy Head for Educational and Scientific Work of the Far Eastern Fire and Rescue Academy – a branch of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia.

L. I. Romanova – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education, Professor of the Department of Delictology and Criminology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 29.10.2022; принята к публикации 09.11.2022.

The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 29.10.2022; accepted for publication 09.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 81–90.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 81–90.

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/81-90>

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКИМ ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ И КИТАЕМ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Нянь Сюежуй

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия,
2403918910@qq.com

Аннотация. Сотрудничество на Дальнем Востоке между Китаем и Россией является важной частью всеобъемлющего стратегического партнёрства между двумя странами, а сотрудничество в области образования не только способствует укреплению дружбы между двумя народами, но и придает импульс развитию Дальнего Востока. В связи с историческим, географическим и другими факторами сотрудничество между вузами Дальнего Востока и вузами Китая долгое время ограничивалась преимущественно Севером Китая, особенно его Северо-Востоком. Сейчас всё больше и больше средних школ на юге Китая обучают русскому языку, а Китай придаёт большое значение высшему профессиональному образованию, число университетов, предлагающих специальности русского языка, постепенно увеличивается, и сотрудничество между российским Дальним Востоком (РДВ) и Китаем в области образования открывает новые возможности. В данной статье будет проанализирована текущая ситуация сотрудничества между Дальним Востоком России и Китаем в области образования и внесены предложения по будущим направлениям сотрудничества.

Ключевые слова: образовательное сотрудничество, Дальний Восток России, Китай, преподавание русского языка, университет, специальность «Русский язык», ЕГЭ, школа, профессиональное образование.

Для цитирования: Нянь Сюежуй. Состояние и перспективы сотрудничества между российским Дальним Востоком и Китаем в области образования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 81–90.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/81-90>

¹ © Нянь Сюежуй, 2022

**THE STATE AND PROSPECTS OF COOPERATION
BETWEEN THE RUSSIAN FAR EAST AND CHINA
IN THE FIELD OF EDUCATION****Nian Xuerui**Far Eastern Federal University, Oriental College, Vladivostok, Russia,
2403918910@qq.com

Abstract. Cooperation in the Far East between China and Russia is an important part of the comprehensive strategic partnership between the two countries, and cooperation in the field of education not only contributes to strengthening friendship between the two peoples, but also gives impetus to the development of the Far East. Due to historical, geographical and other factors, most of the cooperation between universities of the Far East and China has long been limited to the North of China, especially the Northeast. As more and more secondary schools in the south of China teach in Russian, China is gradually attaching great importance to professional higher education, and the number of universities offering Russian language specialties is gradually increasing, cooperation between the Far East and China in the field of education has opened up new opportunities. This article will analyze the current situation of cooperation between the Far East and China in the field of education and make suggestions.

Keywords: educational cooperation, Russian Far East, China, Russian language teaching, university, Russian language specialty, Unified State Exam, school, vocational education.

For citation: Nian Xuerui. The state and prospects of cooperation between the Russian Far East and China in the field of education // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 81–90. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/81-90>

Обучение русскому языку в Китае имеет более чем 300-летнюю историю. С целью подготовки дипломатов-переводчиков русского языка цинское правительство в 1708 г. открыло при Министерстве образования отделение по изучению русского языка, которое стало первой школой в истории Китая, обучавшей русскоязычных талантов. С момента своего создания отделение взяло на себя задачу подготовки собственных русскоязычных талантов Китая. Оно действовало в течение 154 лет, пока правительство Цин не учредило Пекинскую школу Тунвэньгуань в 1862 г. и не включило в него отделение по изучению русского языка. В 1902 г. она была объединена с Императорским университетом Пекина, предшественником Пекинского университета. Будучи колыбелью преподавания русского языка и подготовки талантов в раннем Китае, отделение подготовило большое количество та-

лантливых переводчиков с русского языка для современного Китая, накопило ценный опыт в управлении школами и сыграло важную роль в истории преподавания русского языка в Китае [1]. После образования Нового Китая преподавание русского языка быстро развивалось. За семь лет, с 1949 г. по 1956 г., в китайских университетах работало 1 960 русских преподавателей, а число российских выпускников за семь лет достигло более 13 000 человек. В 1950-х и 1960-х годах Китай направил в СССР ряд иностранных студентов, численность которых составила более 30 000 человек, включая студентов бакалавров и магистрантов, а также аспирантов и стажёров, образовав многоуровневую группу студентов, обучающуюся в Советском Союзе [2].

Вступая в XXI век, с непрерывным развитием на высоком уровне китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнёрства, гуманитарное сотрудничество между Китаем и Россией продолжает углубляться. В декабре 2000 г. в рамках механизма регулярных встреч премьер-министров Китая и России был создан Китайско-Российский комитет по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Создание комитета придало новую энергию обменам в области образования между Китаем и Россией. Китай и Россия создали совместные аспирантуры для совместной подготовки талантов; обе стороны проводят совместные образовательные выставки и перенимают опыт друг друга в реформировании и развитии высшего образования, а также создание совместных российских и китайских центров для сотрудничества в продвижении русского и китайского языков [3].

К концу 2021 г. в общей сложности 90 тыс. человек в Китае изучали русский язык в 868 школах [4]. В настоящее время в Китае сформирована многоуровневая система преподавания русского языка – от средней школы до профессиональных училищ, от бакалавриата до аспирантуры.

Преподавание русского языка в средней школе

В последние годы масштабы преподавания русского языка в китайских средних школах постоянно расширяются. В 2017 г. выпускники школ из 24 административных субъектов выбрали русский в качестве иностранного языка в процессе сдачи ЕГЭ, а в 2019 г. школьники из 26 субъектов сдали ЕГЭ с выбором русского языка. В 2018 г. число выпускников китайских школ, использовавших русский язык как иностранный для сдачи ЕГЭ, составило 10 599 человек. В первую четвёрку провинций по количеству выпускников вошли: Шаньдун, Хэнань, Внутренняя Монголия и Хэйлуцзянь [5]. В настоящее время преподавание русского языка в средних школах южных провинций, таких как Цзянсу, Фуцзянь, Гуандун и других, всё ещё находится в зачаточном состоянии. Основным способом преподавания русского языка является сотрудничество между школами и образовательными органи-

зациями, т. е. организации направляют русских учителей для преподавания в школах. Следовательно, стандартизацию учителей ещё предстоит усовершенствовать. Положительным изменением является то, что экзамен по русскому языку также был добавлен к экзамену на получение квалификационного сертификата учителя в южном регионе, и требования к учителям русского языка будут продолжать повышаться в будущем. С точки зрения студента, в настоящее время выбор русского языка в основном обусловлен неудовлетворительными оценками по английскому языку. Есть надежда, что результаты ЕГЭ будут улучшены за счёт выбора других иностранных языков, таких как русский, с определённым прагматизмом. Однако эта тенденция также изменилась. После того, как некоторые студенты добились хороших результатов по русскому языку на ЕГЭ, у них также появилась уверенность в своих способностях к изучению русского языка, и они решат продолжить изучение русского языка при поступлении в университет.

Преподавание русского языка в профессионально-технических училищах

В последние годы китайское правительство уделяет всё больше внимания профессиональному образованию. В октябре 2021 г. Канцелярии Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета опубликовали «Мнения о содействии качественному развитию современного профессионального образования». В «Мнениях» указывалось, что профессиональное образование является важной частью национальной системы образования и развития людских ресурсов, оно несёт большую ответственность за подготовку разнообразных талантов, наследование технических навыков и содействие занятости и предпринимательству. С этой целью была поставлена цель развития профессионального образования: к 2025 г. характеристики типов профессионального образования станут более отчётливыми, современная система профессионального образования будет в основном создана, и будет всесторонне продвигаться построение общества, основанного на навыках. Структура управления будет более оптимизирована, а привлекательность и качество обучения в профессиональном образовании будут значительно улучшены; к 2035 г. общий уровень профессионального образования выйдет на передовые позиции в мире, и в основном будет построено общество, основанное на навыках [6].

На сегодняшний день в общей сложности 37 высших профессиональных колледжей Китая открыли специальность русского языка [7].

Несмотря на то, что срок обучения составляет всего 3 года, преподавание русского языка в профессиональных колледжах более целенаправленное и практическое. С точки зрения профессиональных условий, в дополнение к специальности “Русский язык и литература”, существует модель “Русский язык + специальность”, а в

ней такие направления, как "русский язык + туризм", "русский язык + экономика", "русский язык + юриспруденция", "русский язык + искусство" и другие составные специальности. На практическом уровне профессиональные училища уделяют внимание сотрудничеству между промышленностью, университетом и научными исследованиями, активно сотрудничают с предприятиями и создают платформы для практических стажировок для студентов.

Преподавание русского языка для студентов, магистрантов и аспирантов

В настоящее время в 180 китайских университетах открыли специальность «Русский язык» на уровне бакалавриата, а более 60 университетов предлагают специальность «Русский язык и смежные специальности» на уровне магистратуры и аспирантуры. Университеты, предлагающие специальность «Русский язык» на уровне бакалавриата, охватывают 29 из 34 провинциальных административных единиц Китая [8]. В последние годы сотрудничество между китайскими и российскими университетами укреплялось. Между вузами Китая и России было создано 13 ассоциаций вузов, классифицированных по предметам или регионам, с 700 участвующими учреждениями с обеих сторон, таких как Ассоциация технических вузов России и Китая, Ассоциация экономических вузов России и Китая, Ассоциация Китайско-Российских комплексных университетов и др. В настоящее время это крупнейшая в мире сеть обмена высшим образованием и сотрудничества [9].

Китай и Россия являются основными странами назначения друг друга для обучения за рубежом. Отправка иностранных студентов друг к другу является традиционным проектом образовательного сотрудничества между двумя странами, и число различных типов студентов, обучающихся за рубежом, неуклонно растёт. В 2019 г. масштабы двустороннего обучения за рубежом между Китаем и Россией превысили 100 тыс. человек. Несмотря на то, что новая эпидемия коронарной пневмонии и связанные с ней ограничения на въезд оказали определённое влияние на международные обмены, в 2020 г. было в общей сложности 57 000 иностранных студентов с двусторонним обучением в Китае и России, включая дистанционное обучение [4]. Под влиянием эпидемии университеты двух стран активно изучают возможность проведения онлайн-курсов обучения. В 2020 г. в летних и зимних школах, которые были проведены российскими университетами, приняли участие около 4 000 студентов из вузов Китая [10]. В то же время существуют также некоторые недостатки в российском профессиональном образовании в китайских университетах. Хотя университеты, предлагающие специальность русского языка на уровне бакалавриата, в основном охватывают все провинциальные административные единицы страны, существует несбалансированное распределение. Большинство из них сосредоточено в северных регионах. Например, в провинции Хэйлуцун-

зьян насчитывается 23 университета, предлагающих специальности русского языка, и более 10 университетов в Ляонине, Цзилине, Шаньдуне и других провинциях. В южных провинциях их число меньше. Например, в Гуандун, Хунань, Хубэй и других провинциях есть не более 5 университетов, предлагающих специальности русского языка, и только Сямыньский университет в провинции Фуцзянь готовит специалистов русского языка [8]. Это привело к дисбалансу на русскоязычном рынке труда. Предложение русскоязычных талантов на севере находится в избытке, в то время как предложение на юге находится в дефиците.

Перспективы развития образовательного сотрудничества между российским Дальним Востоком и Китаем

Дальний Восток России обладает и научно-техническим потенциалом. В Дальневосточном федеральном округе расположены 76 государственных и частных высших учебных заведений, среди которых 2 федеральных университета: Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) и Северо-Восточный федеральный университет (СВФУ), 30 филиалов таких крупных вузов, как Российская таможенная академия, Санкт-Петербургский университет профсоюзов, РПА Минюста [11]. По сравнению с вузами Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других регионов России стоимость обучения в университетах дальневосточных российских городов относительно низкая. В то же время, благодаря своей близости к основным регионам Китая, вузы ДВР имеют преимущества в привлечении китайских студентов.

1. *Расширение цепочки сотрудничества со средними школами.* В последние годы сложность теста русского языка в процессе сдачи ЕГЭ является относительно стабильной. Согласно неполной статистике, учащиеся средней школы, выбравшие русский язык, улучшили свои результаты при сдаче ЕГЭ более чем на 20 баллов (из 150 баллов), по сравнению с результатами по английскому языку. Во многих южных провинциях, таких как Цзянсу, Фуцзянь, Хунань, Хубэй, Гуандун, преподавание русского языка в средних школах быстро развивается, и число учащихся увеличивается. Эти ребята изучают не только русский язык начиная со средней школы, многие из них имеют хороший фундамент знаний и по другим предметам, таким как математика, физика, химия и т. д. Если некоторые учащиеся в будущем решат учиться в России, у них есть не только определённый уровень знания русского языка, но и исследовательские способности. В связи с этим вузы ДВР могут рассмотреть вопрос о создании механизмов прямого сотрудничества с теми китайскими средними школами, которые придают большое значение преподаванию на русском языке, например, предоставить абитуриентам бюджетные места или места за счёт собственных средств выпускников школ, чтобы потенциальные абитуриенты могли напрямую получить возможность учиться в России через специальные экзамены после окончания учёбы. В то же время сотрудничество может также осу-

ществляться в области подготовки и повышения квалификации тех китайских учителей, которые преподают русский язык.

2. *Укрепление сотрудничества с профессионально-техническими училищами.* Китайское правительство придаёт большое значение международным обменам и сотрудничеству в области профессионального образования. Можно обсудить совместные учебные программы, такие как 3+2 и другие модели, а сотрудничество в присуждении двойных дипломов расширит ряды иностранных студентов. Кроме того, высшие профессиональные колледжи обычно уделяют внимание сочетанию преподавания и практики. Студенты имеют больше контактов с обществом и выше уровень практических способностей. После обучения в России они могут в будущем работать переводчиками или на других должностях в китайско-российских совместных проектах.

3. *Укрепление связей между университетами РДВ и южных регионов Китая.* В связи с историческим, географическим и другими факторами большинство китайских партнёров университетов РДВ происходят из Северо-Востока Китая, особенно из провинции Хэйлуцзян, в то время как контактов с университетами южного Китая относительно мало. С одной стороны, из-за того, что на юге Китая меньше университетов, предлагающих российские специальности, с другой стороны, Дальний Восток России и южный Китай мало знают друг о друге. С быстрым развитием преподавания русского языка в средних школах на юге Китая спрос на русских учителей будет продолжать расти, что приведёт к открытию российских специальностей в университетах. Эта тенденция заслуживает внимания. Укрепление сотрудничества между университетами ДВР и их партнёрами на юге Китая не только привлечёт больше китайских студентов для обучения на Дальнем Востоке России, но и будет способствовать экономическому и торговому сотрудничеству между двумя регионами. Южный регион Китая имеет развитую экономику, что поможет Дальнему Востоку России привлечь больше китайских инвестиций и реализовать больше совместных проектов, тем самым способствуя развитию российского Дальнего Востока.

Список источников

1. Нин Ци. 70-летний обзор и перспективы преподавания русского языка в Китае // Журнал Шанхайского университета Цзятонг: издание по философии и социальным наукам. 2019. Т. 27, октябрь. URL: <https://xuewen.cnki.net/CJFD-SHJX201905009.html>. 宁琦. 中国俄语教育70年回顾与展望 // 上海交通大学学报 (哲学社会科学版) 2019年10月第27卷.

2. Лю Лимин. Преподавание русского языка в Китае: наследование и развитие // Русский язык в Китае. 2017. Т. 36, № 1, январь. URL: <https://max.book118.com/>

html/2017/0529/110183116.shtml. 刘利民, 中国的俄语教育: 传承与发展 // 中国俄教学 2017年1月第36卷第1期.

3. Краткое описание механизма Китайско-Российского гуманитарного обмена // Официальный сайт Китайской Ассоциации международных обменов в области образования. URL: <https://www.ceaie.edu.cn/zhongourenwenjiaoliu/1273.html>.

4. Хуай Цзиньпэн сделал обзор китайско-российского образования и выразил надежду на его дальнейшее развитие на 22-м заседании Китайско-Российского комитета по гуманитарному сотрудничеству // Официальный сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/202111/t20211116_580292.html. 怀进鹏在中俄人文合作委员会第二十二次会议上回顾展望中俄教育合作 // 中华人民共和国教育部官网.

5. Хао Синь, стремящийся придерживаться направления реформ и сохранить особенности русского языка: исследование и размышления о реформе теста русского языка на ЕГЭ // Русский язык в Китае. 2020. Т. 39, № 1, январь. URL: <https://www.doc88.com/p-50087081156720.html>. 郝欣, 寻坚持改革方向 保持俄语特色 — 新高考俄语改革探索及思考 // 中国俄语教学 2020年1月第39卷第1期.

6. Канцелярии ЦК КПК и Госсовета КНР опубликовали «Мнения о содействии качественному развитию современного профессионального образования» // Официальный сайт народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-10/12/content_5642120.htm. 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于推动现代职业教育高质量发展的意见》 // 中华人民共和国中央人民政府官网.

7. Список училищ, предлагающих специальность прикладного русского языка (высшее профессиональное образование) в 2022 году // EYubang 2022. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/7WH-yEPDRwJciv6WFrclaQ>. 年开设应用俄语专业专科 (高职) 院校名单 // 俄语邦公众号.

8. Список университетов, предлагающих специальность русского языка в 2022 году // EYubang 2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/x-s_fX8amY87pBstFDfTZA. 年全国开设俄语专业本科院校名单 // 俄语邦公众号.

9. Состоялся первый форум ректоров Китайско-Российских ассоциаций тождественных университетов // Официальный сайт Университета международного бизнеса и экономики. URL: <http://news.uibe.edu.cn/info/1365/53130.htm>. 首届中俄同类大学联盟校长论坛召开 // 对外经济贸易大学官网.

10. Российские вузы и Госсовет по стипендиям КНР подписали соглашения // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210910/soglasheniya-1749484890.html>.

11. Университеты и институты Дальневосточного федерального округа // Edunews. URL: <https://edunews.ru/universities-base/dfo/>.

References

1. Ning Qi. A 70-year Review and Prospects for Russian Language Teaching in China. *Journal of Shanghai Jiaotong University: Philosophy and Social Sciences Edition*, 2019, vol. 27, October. URL: <https://xuewen.cnki.net/CJFD-SHJX201905009.html>. (In Chin.).
2. Liu Liming. Teaching the Russian language in China: inheritance and development. *Russian language in China*, 2017, vol. 36, no. 1, January. URL: <https://max.book118.com/html/2017/0529/110183116.shtm>. (In Chin.).
3. Brief description of the mechanism of the Chinese-Russian humanitarian exchange. *Official website of the China Association for International Exchanges in Education*. URL: <https://www.ceaie.edu.cn/zhongourenwenjiaoliu/1273.html>. (In Chin.).
4. Huai Jinpeng made an overview of Chinese-Russian education and expressed hope for its further development at the 22nd meeting of the Chinese-Russian Committee for Humanitarian Cooperation. *Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China*. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/202111/t20211116_580292.html. (In Chin.).
5. Hao Xin, striving to follow the direction of reforms and preserve the features of the Russian language: research and reflections on the reform of the Russian language test for the Unified State Examination. *Russian language in China*, 2020, vol. 39, no. 1, January. URL: <https://www.doc88.com/p-50087081156720.html>. (In Chin.).
6. The Offices of the CPC Central Committee and the State Council of the People's Republic of China published «Opinions on Promoting the Quality Development of Modern Vocational Education». *Official Website of the People's Government of the People's Republic of China*. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-10/12/content_5642120.htm. (In Chin.).
7. List of schools offering the specialty of applied Russian language (higher professional education) in 2022. *Eyubang 2022*. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/7WH-yEPDRwJciv6WFrclaQ>. (In Chin.).
8. List of Universities Offering a Russian Language Degree in 2022. *Eyubang 2022*. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/x-s_fX8amY87pBstFDfTZA. (In Chin.).
9. The first forum of rectors of the Chinese-Russian associations of identical universities took place. *Official website of the University of International Business and Economics*. URL: <http://news.uibe.edu.cn/info/1365/53130.htm>. (In Chin.).
10. Russian universities and the State Council for Scholarships of the People's Republic of China signed agreements. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20210910/sogla-sheniya-1749484890.html>. (In Russ.).
11. Universities and institutes of the Far Eastern Federal District. *Edunews*. URL: <https://edunews.ru/universities-base/dfo/>. (In Russ.).

Информация об авторе

Нянь Сюежуй – выпускник аспирантуры кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, соискатель учёной степени, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

Nian Xuezhui – graduate of the postgraduate school of the Department of International Relations of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, a post-graduate degree candidate, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 04.11.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 04.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 91–104.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 91–104.

ПРАВО

Научная статья

УДК 34.03:004.8(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/91-104>

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕАЛИСТИЧНЫХ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПОДДЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ (DEEPFAKE): ОПЫТ КИТАЯ

**Роман Игоревич Дремлюга¹, Владислав Викторович Моисейцев²,
Дмитрий Витальевич Парин³, Лариса Ивановна Романова⁴**

^{1, 2, 3}Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹dreamluck@yandex.ru

²moiseitsev.vv@dvfu.ru

³parindv.students.dvfu@yandex.ru

⁴Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия,

larisa.i.romanova@mail.ru

Аннотация. Использование искусственного интеллекта в большинстве сфер общественной жизни стало повседневной реальностью. Современные технологии, имея ряд неоспоримых преимуществ, выражающихся в повышении экономической производительности, снижении издержек, эффективности государственного управления, оптимизации административно-распорядительных функций, тем не менее представляют собой опасность. Высокая распространённость технологий искусственного интеллекта среди широкой публики, простота их применения открывают возможности для использования достижений технологического прогресса не только во благо, но и в неправомерных и преступных целях. Свидетельством такого дуализма технологического прогресса в полной мере выступает методика генерации реалистичных аудиовизуальных поддельных образов и материалов посредством применения искусственного интеллекта (технология «смены лица», или дипфейк). Технологии, с помощью которых можно генерировать фальшивые аудиовизуальные материалы, на сегодняшний день достаточно «популярны» для использования в преступной среде. Применение технологий искусственного ин-

теллекта для генерации фальшивого контента неизбежно ставит вопрос о необходимости правового регулирования этой данной сферы. Одним из направлений в области регулирования создания и использования поддельных реалистичных аудиовизуальных образов и материалов является введение полного запрета и установление уголовной и административной ответственности за незаконные манипуляции с фальшивым цифровым контентом. В связи с этим особый интерес представляет опыт Китайской Народной Республики в сфере регулирования дипфейков. Законодателем Китая был избран иной путь для формирования национальной правовой базы использования технологий «смены лица». В статье рассматриваются принятые и предложенные для принятия правовые акты Китая, регламентирующие создание и распространение поддельных аудиовизуальных материалов. Анализ показывает, что китайский законодатель отказался от полного запрета дипфейков, однако определил ряд специальных правил для их использования. Одними из них выступают обязательная маркировка сгенерированных искусственным интеллектом материалов, а также наложение ряда дополнительных обязанностей на операторов и поставщиков информационных услуг. Принятые положения имеют одну цель – не допустить использование дипфейков в неправомерных целях, а именно для подрыва общественного порядка и государственного строя, а также в целях нарушения прав граждан (право на изображение, право на честь и достоинство, право на неприкосновенность частной жизни). Осознавая опасность использования технологии «смены лица», законодатель Китайской Народной Республики также установил ответственность за неправомерное создание и распространение поддельных аудиовизуальных образов и материалов: гражданско-правовую, уголовную. Авторы полагают, что подход законодателя Китая к регулированию дипфейков является наиболее оптимальным и отвечающим требованиям современности, а потому может стать примером построения национального правового регулирования этой сферы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, поддельные реалистичные аудиовизуальные материалы, киберправо, право Китайской Народной Республики, право информационных технологий, развитие правового регулирования, неправомерное вмешательство в сферу прав и свобод человека и гражданина, компьютерные преступления.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке ДВФУ (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Центр цифрового развития) и при содействии Дальневосточного центра искусственного интеллекта ДВФУ (центр создан совместно с ПАО Сбербанк).

Для цитирования: Дремлюга Р. И., Моисейцев В. В., Парин Д. В., Романова Л. И. Национальное правовое регулирование использования и распространения реалистичных аудиовизуальных поддельных материалов (deepfake): опыт Китая //

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 91–104. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/91-104>

LAW

Original article

NATIONAL LEGAL REGULATION OF THE USE AND DISSEMINATION OF REALISTIC AUDIOVISUAL FAKE MATERIALS (DEEPFAKES): CHINA'S EXPERIENCE

**Roman Igorevich Dremlyuga¹, Vladislav Viktorovich Moiseitsev²,
Dmitry Vitalievich Parin³, Larisa Ivanovna Romanova⁴**

^{1, 2, 3}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹dreamluck@yandex.ru

²moiseitsev.vv@dvfu.ru

³parindv.students.dvfu@yandex.ru

⁴Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, larisa.i.romanova@mail.ru

Abstract. The use of artificial intelligence in most areas of public life has become an everyday reality. Modern technologies, having a number of indisputable advantages, expressed in increasing economic productivity, reducing costs, efficiency of public administration, optimization of administrative and administrative functions, nevertheless pose certain risks. The mass dissemination of artificial intelligence technologies among the general public and the simplification of their application open up the possibility of using the achievements of technological progress for illegal and criminal purposes. Such dualism of technological progress is fully proven by the method of generating realistic audiovisual fake images and materials by artificial intelligence (the technology of ‘face change’ or deepfakes), which has already gained great ‘popularity’ for its use in the criminal environment. The use of artificial intelligence technologies, no matter for what purposes, inevitably raises the question of the need for regulatory legal regulation of this new sphere. Deepfake technologies are no exception. One of the proposed directions, and the most widespread for regulating the creation and use of fake realistic audiovisual images and materials involves a complete ban and the establishment of criminal and administrative responsibility. In this regard, the experience of the People's Republic of China in the field of regulation of deepfakes is of particular interest. The legislator of China has chosen a different way to form a national legal framework for the use of ‘face change’ technologies. The article discusses the adopted and proposed for adoption legal acts of China

regulating the creation and distribution of fake audiovisual materials. The analysis shows that the Chinese legislator refused to completely ban deepfakes, but defined a number of special rules for their use. One of them is the mandatory labeling of materials generated by artificial intelligence, as well as the imposition of a number of additional responsibilities on operators and information service providers. The adopted provisions have one goal – to prevent the use of deepfakes for illegal purposes, namely to undermine public order and the state system, as well as to violate the rights of citizens (the right to image, the right to honor and dignity, the right to privacy). Realizing the danger of using the technology of ‘face change’, the legislator of the People's Republic of China also established responsibility for the illegal creation and distribution of fake audiovisual images and materials: civil and criminal. The authors believe that the approach of the Chinese legislator to the regulation of deepfakes is the most optimal one and meets the requirements of modernity, and therefore can become an example of building a national legal regulation of this sphere.

Keywords: artificial intelligence, deepfake, cyber law, China law, information technology law, development of legal regulation, unlawful interference in the sphere of human and civil rights and freedoms, computer crime.

Financial Support. The work was supported by FEFU (Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030": Center for Digital Development) and with the assistance of the Far Eastern Center for Artificial Intelligence of FEFU (the center was created jointly with Sberbank).

For citation: Dremlyuga R. I., Moiseitsev V. V., Parin D. V. National legal regulation of the use and dissemination of realistic audiovisual fake materials (deepfake): China's experience // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 91–104. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/91-104>

Одним из популярнейших явлений в традиционной Сычуаньской опере в Китае является танец «бяньлянь» («смена лица») с мгновенной сменой танцором нескольких масок традиционных персонажей. Развитие цифровых технологий возродило этот вид традиционного искусства на новом уровне, позволяя обычным людям примерить на себя самые разнообразные внешние проявления личности. Класс технологий, которые предоставляют возможность делать это, получил свою известность под именем «deepfake». В литературе под дипфейками обычно понимают методику компьютерной генерации изображения, основанной на искусственном интеллекте и использующейся для соединения и наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видеоролики [1, с. 381], а также сам продукт, итоговый результат, полученный в ходе процесса генерации искусственным интеллектом и представленный в виде аудио- или видеоизображения [2, с. 1].

Исследование области использования аудиовизуальных образов, имитирующих изображение, речь реальных людей или вымышленных персонажей, за последние несколько лет приобретает всё большую популярность¹. Распространение deepfake технологий порождает большое количество сложных проблем, решение которых может повлиять на развитие правового регулирования искусственного интеллекта в целом [3, с. 89]. Одним из пионеров всестороннего правового регулирования использования технологии имитации аудиовизуальных образов, без всякого сомнения, можно назвать Китайскую Народную Республику.

Развитие deepfake технологий и их распространённость привели к непропорциональному использованию данного метода генерации изображений. В связи с этим новые смыслы обрела и традиционная китайская идиома «потеря лица». Помимо переносного значения, в цифровую эпоху у неё появился и прямой смысл: как говорят в Китае, «достаточно одной лишь фотографии, чтобы сыграть хорошую роль», а твоё лицо может достаться кому угодно. Такая «смена лица» с использованием искусственного интеллекта приводит к нарушению прав граждан, в числе которых право на изображение, право на честь и достоинство, право на неприкосновенность частной жизни [4, с. 57].

Актуальность проблемы правового регулирования отношений по поводу использования дипфейков значительно возрастает благодаря всё большему распространению технологии «распознавания лиц» (для идентификации пользователей при совершении покупок, посадке на транспорт, проходе на мероприятия и т. д.). По мере того, как лицо человека становится его «билетом» или «пропуском» к материальным благам, растёт и цена подделки изображения. Так, 20 ноября 2020 г. народный суд района Фуян г. Ханчжоу вынес решение по первому в КНР «делу о распознавании лица». В апреле 2019 г. доцент Чжэцзянского политехнического университета Го Бинь уплатил 1 360 юаней за два годовых абонементов в местный зоопарк, выбрав идентификацию по отпечаткам пальцев в качестве способа подтверждения личности при входе. При этом, помимо отпечатков пальцев, в базах данных зоопарка хранились и фотографии Го Биня, предоставленные им при оформлении абонементов. В июле того же года зоопарк в одностороннем порядке уведомил клиента о смене способа идентификации со сканирования отпечатков пальцев на распознавание лица. В противном случае зоопарк не гарантировал клиенту возможность посещения. Го Бинь посчитал, что его изображение относится к чувствительной категории персональных данных, отказался осуществлять вход в зоопарк при помощи идентификации лица и потребовал вернуть неиспользованный остаток стоимости абонементов. Суд первой инстанции поддержал истца, обязав зоопарк возратить ему деньги, а в

¹ Согласно данным, приведённым в докладе, опубликованном компанией RealAI [5], количество статей по тематике технологии deepfake в период с 2017 г. по 2021 г. возросло в 4 раза – их число увеличилось с 1 012 до 4 559.

апелляции 9 апреля 2021 г. суд средней инстанции г. Ханчжоу также постановил удалить из базы данных зоопарка изображение лица и отпечатки пальцев Го Биня. Вместе с тем, это решение оставило и ряд вопросов, среди которых правовая защита граждан от взлома систем идентификации лица с помощью технологий deepfake [6].

Широкое применение deepfake технологий представляет угрозу не только в сфере прав и основных свобод человека и гражданина, но и в сфере государственного управления, общественной безопасности и общественного порядка. Отмечается, что широкое распространение и использование технологий «смены лиц» в ситуации отсутствия правового регулирования может привести к подрыву основ демократии, манипулированию выборами, подрыву доверия к органам государственной власти и правовым институтам, подрыву общественной безопасности и обострению социальных разногласий [7].

Аудиовизуальная поддельная информация, имитирующая объекты реальной действительности, опасна и ввиду своей масштабности и скорости распространения. Согласно результатам исследований Массачусетского технологического института, ложная информация распространяется в 6 раз быстрее, чем соответствующая действительности; охваты аудитории ложной информацией также в несколько раз превышают охваты информации правдивой [8].

Противоправное использование сгенерированных искусственным интеллектом аудиовизуальных образов, потенциальные масштабные угрозы общественной безопасности и порядка, скорость их распространения диктуют необходимость правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. Цифровая эпоха задаёт вопросы, на которые национальным законодателям необходимо оперативно искать ответы.

Злонамеренное вторжение в сферу нематериальных благ, принадлежащих каждому гражданину от рождения, привело к тому, что при подготовке проекта Гражданского кодекса КНР в отчёте конституционного и юридического комитета ВСНП «О ситуации с внесением поправок в проект раздела «Личные неимущественные права» Гражданского кодекса», датированном 20 апреля 2019 г., было указано, что использование средств информационных технологий для подделки изображения и голоса других лиц не только нарушает личные неимущественные права физических лиц, но более того, может иметь сугубо отрицательные социальные последствия. Такие деяния представляют угрозу государственной безопасности и публичным интересам. Законодателю рекомендовали сформировать «нормативный ответ» на вызванную технологией deepfake проблему «смены лица».

Столь необходимый ответ на современные реалии цифровой эпохи, выражающиеся в широком использовании deepfake технологий, был дан в ряде положений Гражданского кодекса КНР, принятого 28 мая 2020 г. на Третьей сессии 13-го Всекитайского собрания народных представителей и вступившего в силу с 1 января

2021 г. Особое внимание в четвертой части Гражданского кодекса КНР уделяется вопросам защиты изображения и голоса физических лиц, в том числе от посягательств с использованием информационных технологий. Так, статьёй 1019 Гражданского кодекса КНР устанавливается, что никакие организации и физические лица не должны посягать на право других лиц на изображение посредством его подделывания с помощью использования средств информационных технологий; статьёй 1023 положения о защите авторских прав были распространены и на голос физических лиц [9, с. 351].

По мнению профессора Ван Лимина, одного из авторов проекта Гражданского кодекса КНР, кодекс расширил сферу охраны права на изображение. Во-первых, от определения изображения как совокупности особенностей лица законодатель перешёл к его определению через узнаваемость, тем самым включив в сферу правовой охраны также силуэты (например, заснятые при скрытой съёмке) либо совокупность движений, которые позволяют идентифицировать конкретного человека. Во-вторых, в сравнении с ранее действовавшими «Основными гражданскими законодательствами КНР», из Гражданского кодекса КНР исключено положение о корыстной цели использования как условие нарушения права на изображение [10, с. 48]. В пункте 139 указаний Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения «Основ гражданского законодательства КНР» говорилось, что действиями, нарушающими право гражданина на изображение, должно признаваться использование его изображения при изготовлении рекламы, товарных знаков, элементов оформления витрин и т. д., совершённое с корыстной целью и без согласия гражданина. Теперь нарушение права на изображение констатируется и в случае использования чужого изображения в целях «очернения, выставления в дурном свете или подделки с помощью средств информационных технологий» [11, с. 3].

Однако сегодня невозможно признать, что действующие положения Гражданского кодекса КНР предоставляют полную правовую защиту изображения и голоса гражданина от посягательств с использованием искусственного интеллекта. Так, например, положения статьи 1027 Гражданского кодекса КНР, регламентирующие вопрос гражданско-правовой ответственности за описание, носящие оскорбительный или клеветнический характер или нарушающие право на репутацию, не распространяются на ситуации, связанные с использованием deepfake технологий [12, с. 98].

Помимо вышеприведённых положений Гражданского кодекса КНР, отношения, связанные с распространением поддельных аудиовизуальных образов, регламентированы Правилами администрирования сервисов аудио- и видеoinформации [13], совместно изданными Управлением киберпространства Китая, Министерством культуры и туризма и Государственным управлением радио и телевидения. Данные Правила являются одним из первых нормативных правовых актов в Китае, регулирующих вопросы, возникающие при создании и использовании

поддельных аудиовизуальных материалов. Правилами не запрещается ни создание, ни использование (за исключением использования в целях распространения ложной информации и новостей) аудиовизуальных материалов, сгенерированных с помощью *deepfake* технологий. При этом на акторов сферы аудио- и видеoinформационных услуг возлагаются дополнительные обязанности по маркировке такой компьютерной информации. Нарушение правил маркировки является основанием для применения, в основном, мер административно-правового характера, при этом предусмотрена и уголовная ответственность [14, с. 376]. Необходимость такой маркировки объясняется публичным интересом в этом. Указанное ограничение было введено с целью предотвращения угроз национальной безопасности, нарушений социальной стабильности и общественного порядка, нарушений прав и интересов других лиц.

Важно отметить, что реалистичная подделка, на взгляд китайского законодателя, является опасной сама по себе [15, с. 207]. Этим объясняется распространение действия на сферу «цифровых фальшивок» ряда статей Уголовного кодекса КНР, прямо не регламентирующих данные вопросы. Так, например, статья 253-1 Уголовного кодекса КНР в полной мере должна распространяться на действия, направленные на незаконное получение биометрической информации лиц с целью дальнейшего её использования для создания поддельных аудио- или видеоматериалов [16, с. 42]. В случаях намеренного создания и распространения материала клеветнического характера, сгенерированного искусственным интеллектом, предполагается, что уголовная ответственность должна наступать в соответствии с положениями статьи 246 Уголовного кодекса КНР либо статьи 221 Уголовного кодекса КНР в случае порочения деловой репутации. Однако, если возможность квалификации действий по статье 221 Уголовного кодекса не вызывает больших споров, то возможность применения положений статьи 246 единодушия не встречает. Традиционными способами распространения порочащих фактов являются письменный или устный, что ставит вопрос о том, можно ли рассматривать использование поддельного цифрового контента «надлежащим» способом совершения преступления [12]. При этом стоит обратить внимание на то, что перечень способов совершения преступления, предусмотренного статьёй 246 Уголовного кодекса КНР, является открытым. Единственным необходимым условием выступает достаточная серьёзность избранного способа совершения преступления. Представляется, что использование искусственного интеллекта является достаточно «серьёзным способом» для квалификации действий в качестве уголовно наказуемого деяния. Применение *deepfake* технологий предполагает посягательство одновременно на несколько объектов охраняемых законов: права и свободы лица в качестве основного объекта и компьютерная информация в качестве дополнительного объекта. Повышенную общественную опасность использования технологий «смены лица» обуславливает

высокая степень распространения материала в сети Интернет, а как следствие – и сложность опровержения клеветнического и фальсифицированного материала.

Принятые на сегодняшний день иные нормативные правовые акты КНР не устанавливают иных специальных правил регулирования использования deepfake технологий, отличных от приведённых в Правилах администрирования сервисов аудио- и видеoinформации. Общий запрет, отражённый в Правилах на использование информационных технологий в деятельности, запрещённой законом и иными нормативными правовыми актами, получил свою конкретизацию применительно к дипфейкам в Положении «Об управлении сетевым информационным контентом» [17], вступившем в силу 1 марта 2020 г. Статья 23 Положения устанавливает императивное требование, что пользователи услуг сетевого информационного контента, производители сетевого информационного контента и платформы сетевого информационного контента не должны использовать технологии искусственного интеллекта, в том числе deepfake технологии, для участия в деятельности, запрещённой законами и иными правилами. Запрет на распространение ложной информации и новостей, в том числе сгенерированных и созданных с помощью искусственного интеллекта, также отражён в статье 13 Положения «О регулировании алгоритмов рекомендаций информационных сервисов в интернете» [18]. Подобные запреты можно обнаружить также в муниципальных правовых актах. Так, например, статья 67 Положения муниципалитета Шанхая «О содействии развитию индустрии искусственного интеллекта» профильным организациям, осуществляющим разработку, применение и исследование искусственного интеллекта, запрещено применять технологию deepfake в деятельности, запрещённой законом.

Правотворческий процесс в сфере регулирования технологии «смены лица» не остановился на общих запретах и обязанности маркировать продукцию, сгенерированную искусственным интеллектом. Государственное информационное управление Интернета Китайской Народной Республики обнародовало Положение «Об управлении DeepSynthesis технологиями на информационных сервисах в интернете» [19]. Декларированная цель указанного положения заключается в содействии рациональному и эффективному использованию искусственного интеллекта в рассматриваемом аспекте. Предложенное положение можно назвать прорывным в сфере правового регулирования технологии «смены лица», поскольку это один из первых нормативных правовых актов, комплексно регулирующих использование технологии deepfake. Отдельные положения, затрагивающие сферу использования искусственного интеллекта с целью создания поддельных аудиовизуальных образов, объединяются в одно Положение, которое фактически выступает в данном случае консолидирующим актом.

Положение регулирует гораздо более широкую сферу, которая выходит за пределы регулирования технологии «смены лица». Оно направлено на установление административных правил предоставления информационных услуг в Интере-

те, в том числе и при помощи технологии «глубокого синтеза». Положение в статье 2 раскрывает содержание технологии «глубокого синтеза» и включает в данный термин как методы генерации искусственным интеллектом голосового контента, видео, изображения (дипфейки), так и методы генерации текстов и их стилей, преобразования речи в текст, улучшения и восстановления изображения, создания и редактирования виртуальных сцен.

Вопрос использования искусственного интеллекта в целях создания и распространения поддельных аудиовизуальных образов разрешается, как и во всех вышеприведённых нормативных правовых актах. Запрещается лишь использование искусственного интеллекта в деятельности, противоречащей законам и нормативным актам (угроза национальной безопасности, нарушение социальной стабильности, нарушение общественного порядка и посягательство на законные права и интересы других). При этом вводится полный запрет на распространение некоторых видов информации. В частности, не допускается распространение информации, которая направлена на подстрекательство к подрыву государственной власти, которая угрожает национальной безопасности и социальной стабильности, которая носит непристойный характер или содержит порнографию. Отдельно устанавливается запрет на распространение поддельных аудиовизуальных материалов, посягающих на права и репутацию других лиц (право на изображение, право на неприкосновенность частной жизни и др.).

Маркировка конечного продукта, сгенерированного искусственным интеллектом, выступает необходимым элементом механизма правомерного использования технологий «глубокого синтеза». Отсутствие идентификации полученной информации в качестве поддельной влечёт за собой прекращение её передачи, осуществить которое обязаны поставщики информационных услуг. Помимо маркировки на поставщиков информационных услуг налагается ряд дополнительных обязанностей по проверке подлинности идентификационной информации пользователей услуг DeepinSynthesis, усиления управления технологиями искусственного интеллекта, совершенствования механизма распространения слухов для борьбы с незаконной и нежелательной информацией. Неисполнение обязанностей влечёт за собой наложение штрафа от 10 000 до 100 000 юаней, а в отдельных случаях и наступление уголовной ответственности.

Подход в сфере правового регулирования Китайской Народной Республики в сфере использования технологий «дипфейка» нельзя назвать бесспорным. Вместе с тем, он достаточно логичен, прагматичен и целесообразен. Любая техническая инновация в условиях современного мира вызывает жаркие споры о необходимости разработки абсолютного новой нормативной базы, направленной на регулирование отдельных аспектов использования инноваций. В правовом дискурсе существует также тезис о полном запрете применения плодов технологического прогресса с

целью воспрепятствования возможным нарушениям прав и свобод граждан или подрыва основ государственного строя. Технология «смены лица» и споры, связанные с ней, являются ярким тому подтверждением.

Законодатель Китайской Народной Республики попытался соблюсти баланс между вышеупомянутыми крайностями, избрав путь «золотой середины». Ограничивая использование рядом административных регламентов технологии «смены лица» в неправомерных целях, законодатель Китая не ввёл абсолютного запрета на создание, использование и распространение дипфейков, которые помимо угроз несут в себе и полезный арсенал¹. Является ли такая позиция эффективной, покажет только время.

Список источников

1. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 4. С. 379–386.
2. Sloot B., van der, Wagenveld Y. Deepfakes: regulatory challenges for the synthetic society // Computer law and Security review. 2022. Vol. 46. P. 1–15.
3. Калятин В. О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103.
4. Li Jing. On the legal nature of artificial intelligence virtual idol // Zhejiang Social Science. 2020. No. 9. P. 57–63.
5. Shen Changxiang. Depth synthesis of the Top ten trend report. URL: <https://book.yunzhan365.com/owjnh/zfjo/mobile/index.html>.
6. The first face recognition case has been completed: it remains unclear how to avoid «face loss» and «face theft». URL: <http://www.jjckb.cn>.
7. Chesney B., Citron D. Deep Fakes: a looming challenge for privacy, democracy, and national security // California Law Review. 2019. Vol. 107, iss. 1753. P. 1753–1820.
8. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. 2018. Vol. 359, iss. 6380. P. 1146–1151.
9. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П. В. Трощинский. М.: Синосфера, 2020. 448 с.
10. Qi Xiaodan. Ten issues that should be paid attention to in the understanding and application of personality rights in the Civil Code // Law Applicable. 2020. Vol. 17. P. 48–59.

¹ Польза дипфейков подтверждается на сегодняшний день в сфере кинематографа, образования, средств массовой информации, искусства. Так, именно при помощи технологий «глубокого синтеза» была восстановлена повреждённая ещё в начале XVIII в. картина Рембрандта «Ночной дозор» или стало возможным осуществление сурдоперевода новостей без участия человека.

11. Wang Liming. The Legislative highlights, characteristics and application of the Personality Rights Compilation of the Civil Code // *Law Applicable*. 2020. Vol. 17. P. 3–21.
12. Mao Ning, Yang Hui. The regulatory dilemma of deep forgery technology and its legal response // *Changbai Journal*. 2021. Vol. 5 (221). P. 94–101.
13. The notice on the issuance of the «Regulations on the management of online audio and video information services». URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbfh/wqfbh/42311/44109/xgzc44115/Document/1691062/1691062.htm>.
14. Дремлюга Р. И., Коробеев А. И. Борьба с распространением реалистичных аудиовизуальных поддельных материалов за рубежом (deepfake): уголовно-правовые и криминологические аспекты // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15, №. 3. С. 372–379.
15. Дремлюга Р. И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: монография. М., 2022. 328 с.
16. Zhou Zhi-yi. The Criminal regulation path of deepfake cybercrime // *Journal of Hubei Industrial Polytechnic*. 2022. Vol. 35, no 3. P. 41–48.
17. The regulations on the ecological governance of network information content shall come into force. URL: http://www.cac.gov.cn/2019-12/20/c_1578375159509309.htm.
18. The internet information service algorithm recommendation management regulations. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-01/04/content_5666429.htm.
19. The regulations on the management of in-depth synthesis of internet information services (draft for solicitation of comments). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/28/content_5671053.htm.

References

1. Ivanov V. G., Ignatovsky Ya. R. Deepfakes: perspektivy primeneniya v politike i ugrozy dlya lichnosti i natsional'noi bezopasnosti [Deepfakes: prospects for application in politics and threats to the individual and national security]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 379–386. (In Russ.).
2. Sloot B., van der, Wagenveld Y. Deepfakes: regulatory challenges for the synthetic society. *Computer law and Security review*, 2022, vol. 46, pp. 1–15.
3. Kalyatin V. O. Dipfeik kak pravovaya problema: novye ugrozy ili novye vozmozhnosti? [Deepfake as a legal problem: new threats or new opportunities?]. *Zakon*, 2022, no. 7, pp. 87–103. (In Russ.).
4. Li Jing. On the legal nature of artificial intelligence virtual idol. *Zhejiang Social Science*, 2020, no. 9, pp. 57–63.
5. Shen Changxiang. Depth synthesis of the Top ten trend report. URL: <https://book.yunzhan365.com/owjnh/zfjo/mobile/index.html>.

6. The first face recognition case has been completed: it remains unclear how to avoid «face loss» and «face theft». URL: <http://www.jjckb.cn>.
7. Chesney B., Citron D. Deep Fakes: a looming challenge for privacy, democracy, and national security. *California Law Review*, 2019, vol. 107, iss. 1753, pp. 1753–1820.
8. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online. *Science*, 2018, vol. 359, iss. 6380, p. 1146–1151.
9. Troshchinsky P. V. (ed.). Civil Code of the People's Republic of China. Moscow: Sinosphera Publ., 2020. 448 p. (In Russ.).
10. Qi Xiaodan. Ten issues that should be paid attention to in the understanding and application of personality rights in the Civil Code. *Law Applicable*, 2020, vol. 17, pp. 48–59. (In Russ.).
11. Wang Liming. The Legislative highlights, characteristics and application of the Personality Rights Compilation of the Civil Code. *Law Applicable*, 2020, vol. 17, pp. 3–21.
12. Mao Ning, Yang Hui. The regulatory dilemma of deep forgery technology and its legal response. *Changbai Journal*, 2021, vol. 5 (221), pp. 94–101.
13. The notice on the issuance of the «Regulations on the management of online audio and video information services». URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbh/wqfbh/42311/44109/xgzc44115/Document/1691062/1691062.htm>.
14. Dremlyuga R. I., Korobeev A. I. Bor'ba s rasprostraneniem realisticznykh audiovizual'nykh poddel'nykh materialov za rubezhom (deepfake): ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Combating the spread of realistic audiovisual fake materials abroad (deepfake): criminal law and criminological aspects]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 372–379. (In Russ.).
15. Dremlyuga R. I. Ugolovno-pravovaya okhrana tsifrovoy ekonomiki i informatsionnogo obshchestva ot kiberprestupnykh posyagatel'stv [Criminal law protection of the digital economy and information society from cybercriminal attacks: monograph]. Moscow, 2022. 328 p.
16. Zhou Zhi-yi. The Criminal regulation path of deepfake cybercrime. *Journal of Hubei Industrial Polytechnic*, 2022, vol. 35, no 3, pp. 41–48. (In Russ.).
17. The regulations on the ecological governance of network information content shall come into force. URL: http://www.cac.gov.cn/2019-12/20/c_1578375159509309.htm.
18. The internet information service algorithm recommendation management regulations. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-01/04/content_5666429.htm.
19. The regulations on the management of in-depth synthesis of internet information services (draft for solicitation of comments). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/28/content_5671053.htm.

Информация об авторах

Р. И. Дремлюга – кандидат юридических наук, профессор Института математики и компьютерных технологий, директор Дальневосточного центра изучения правовых и этических аспектов искусственного интеллекта и цифровых технологий, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

В. В. Моисейцев – специалист Службы проректора по международным отношениям ДВФУ, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Д. В. Парин – магистрант Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Л. И. Романова – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, профессор кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.

Information about authors

R. I. Dremluga – Candidate of Law, Professor of the Institute of Mathematics and Computer Technologies, Director of Far Eastern Center for the Study of Legal and Ethical Aspects of AI and digital technologies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

V. V. Moiseytshev – Specialist of the Service of the Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

D. V. Parin – master's student of School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

L. I. Romanova – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education, Professor of the Department of Delictology and Criminology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 105–120.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 105–120.

Научная статья

УДК 343.34:502.51(26)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/105-120>

ОКЕАН УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ: НЕКОТОРЫЕ ПУТИ СПАСЕНИЯ МИРОВОГО ОКЕАНА*

Наталья Ивановна Кузнецова

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия,
natasha40480@mail.ru

Аннотация. Воды Мирового океана стремительно загрязняются. Отсутствие действенных, согласованных, а главное – результативных мер защиты океана неизбежно приведёт человечество к катастрофическим последствиям. В статье автор обращается к проблеме международного сотрудничества в области охраны окружающей человека среды. Подробно раскрыта общественная опасность рассматриваемого деяния, которая представляет угрозу для всего человечества, предложено установление уголовной ответственности за загрязнение вод Мирового океана, представлены теоретические разработки предлагаемой уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: экологическое преступление, вред окружающей среде, уголовная ответственность, Мировой океан, загрязнение вод, экоцид.

Для цитирования: Кузнецова Н. И. Океан уголовно-экологических проблем: некоторые пути спасения Мирового океана // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 105–120. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/105-120>

* © Кузнецова Н. И., 2022

Original article

OCEAN OF CRIMINAL AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS: SOME WAYS TO SAVE THE WORLD OCEAN

Natalya I. Kuznetsova

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg,
Russia, natasha40480@mail.ru

Abstract. The waters of the World Ocean are rapidly becoming polluted. The absence of effective, coordinated, and most importantly, effective measures to protect the ocean will inevitably lead humanity to catastrophic consequences. In this regard, the author addresses the problem of international cooperation in the field of environment protection. The article provides for a detailed analysis of the public danger of the issue under review, which poses a threat to all mankind; it suggests establishing criminal liability for pollution of the waters of the World Ocean and presents theoretical developments of new criminal law regulations.

Keywords: environmental crime, environmental damage, criminal liability, oceans, water pollution, ecocide.

For citation: Kuznetsova N. I. Ocean of criminal and environmental problems: some ways to save the World Ocean // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 105–120. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/105-120>

Мы забыли о том, что круговорот воды
и жизненный цикл – это одно и то же.

Жак-Ив Кусто

Интенсивное загрязнение вод Мирового океана представляет собой одну из глобальных проблем современности [1]. Даже её осознание и наличие большого числа международных договоров не приносят позитивного эффекта. Мировой океан стремительно загрязняется. С пугающей регулярностью происходят крупные экологические катастрофы. Можно вспомнить, например, аварию в Мексиканском заливе 2010 г., когда за 152 дня из повреждённой скважины в море попало более 5 млн барр. нефти, а также аварию на АЭС «Фукусима-1», где произошёл масштабный разлив радиоактивной воды. Отсутствие действенных, согласованных, а главное – результативных мер защиты Мирового океана неизбежно приведёт человечество к катастрофическим последствиям.

Люди заблуждаются, думая, что проблемы Мирового океана не имеют отношения к ним, что они живут далеко от моря и даже никогда его не видели. Мировой

океан – единая среда всей Земли, покрывающая 2/3 её поверхности, это главная часть гидросферы, он объединяет в себе воды всех океанов Земли. Океанским фитопланктоном вырабатывается около 70 % всего кислорода. Океан незаменим для коммуникации, доставки грузов. Он влияет на погоду и климат всей Земли [2], служит местом обитания огромного числа представителей флоры и фауны, является источником питания, сырья. Территория Российской Федерации омывается водами 12 морей, принадлежащих бассейнам трёх океанов (Северного Ледовитого, Тихого и Атлантического) и Каспийского моря, относящегося к внутреннему бессточному бассейну.

Озабоченность проблемами загрязнения океанов возникла в середине прошлого века во многом благодаря усилиям французского исследователя, изобретателя, режиссёра, писателя, океанолога Жака-Ива Кусто [3]. Он помог миллионам людей узнать о жизни подводного мира, доказал негативное влияние нефти на морскую среду. Им изобретены первый в мире акваланг, водонепроницаемая видеокамера, глубоководные осветительные приборы. Эти изобретения во многом позволили понять, что Мировой океан не только управляет климатом и погодой, но и делает планету обитаемой. Его ученица и последовательница, профессор Сильвия Ерл отмечает: «Жизнь на Земле возможна только потому, что это голубая планета. Океан – это ключ к нашему выживанию. Мы живем благодаря Мировому океану» [4].

Человек оказывает существенное антропогенное воздействие, в результате которого повышается температура океана, тают льды северного и южного полюсов. Учёные утверждают, что температура океанов в 2019 г. признана самой высокой за всю историю наблюдений. Самое тревожное, что она продолжает повышаться [5]. Опасность повышения температурного режима заключается в том, что морские организмы не успевают адаптироваться к ней и массово вымирают. Кроме того, из-за роста температуры увеличивается кислотность вод, что приводит к разрушению коралловых рифов, гибели морских растений [6]. Следствием потепления является таяние ледников и подъём уровня моря, что неизбежно приводит к экологической миграции населения [7]. Специалисты всё чаще поднимают вопрос об исчерпаемости морских ресурсов, указывая, что если темпы их добычи не сократить, то уже к 2048 г. они будут полностью исчерпаны. Уже сейчас морской флот на планете в 2-3 раза больше, чем могут выдержать океаны [8].

Огромный вред Мировому океану наносит его загрязнение. Таковым считается внесение в него новых, не свойственных ему физических, химических, биологических составляющих или превышение естественного среднего уровня за многолетний период этих составляющих в среде [9, с. 3]. Источниками загрязнения Мирового океана являются: замусоривание вод; попадание в них нефти и нефтепродуктов; сброс в воду тяжёлых металлов и сточных вод [10, с. 494]. Специалисты выделяют следующие виды загрязнений: физическое загрязнение, тепловое, электромагнитное, химическое, биологическое и радиоактивное [9, с. 5–22].

Наиболее очевидным и самым значительным загрязнением океана является замусоривание вод пластиком. Это происходит из-за роста его производства. Только пластиковых бутылок в мире ежеминутно покупается не менее миллиона [11]. Материал, из которого они изготовлены, разлагается от 100 до 600 лет, выделяя токсичные вещества, вызывающие гибель растений и животных, принося вред здоровью человека. Здесь встаёт вопрос об ответственности корпораций, производящих экологически вредную упаковку товаров [12].

Самым известным примером скопления отходов в Мировом океане является Большое тихоокеанское мусорное пятно, по размеру вдвое превышающее территорию Франции. На площади около 1,5 млн кв. км скопилось более 100 млн тонн отходов [13]. Тысячи животных погибают ежедневно, запутавшись в пакетах, выброшенных людьми, поедая пластик и попадая в сети. Птицы часто по ошибке употребляют в пищу пластмассовые крышки, зажигалки, зубные щетки и прочие предметы и не только глотают их сами, но и приносят в качестве корма своим птенцам. Морские обитатели питаются микропластиковой крошкой, принимая её за планктон, тем самым пластик включается в пищевую цепочку рыб, которыми, в свою очередь, питается человек. Сегодня пластик стал полноценным звеном в пищевой цепочке живых существ.

Очевидно, что производство и использование пластика следует максимально сократить. Изделия из пластика могут быть заменены на изделия из компостируемых альтернатив. Требуется внедрять экологически чистые материалы и упаковку товаров. Стоит разрабатывать новые технологии по переработке отходов, стимулировать экологические инициативы населения. Необходимо повышать экологическую культуру населения. Начать следует с принятия закона об обязательном экологическом образовании должностных лиц муниципального и федерального уровня. Особое внимание следует уделить депутатам Государственной думы, членам Правительства РФ, так как именно они играют важную роль в выработке экологической политики Российской Федерации. Подобное положение должно быть закреплено в Основном законе нашего государства.

Уже не потенциальную экологическую угрозу несут в себе огромные по численности и мощи военные флоты, в том числе атомные. Так, в акватории Чёрного моря ведутся активные вооруженные действия между ВМФ Российской Федерации и Украины с поддержкой последних флотами стран НАТО [14]. Убедительным свидетельством угрозы являются многочисленные, известные и скрытые от общественности, аварии и катастрофы судов, подводных лодок и самолетов ВМФ и ВМС ведущих стран мира (американские «Скорпион», «Трешер», советские и российские «К-19», «Курск», «Комсомолец» и др.). Специфика национальной обороны ведёт к попыткам сокрытия информации о происшествиях, что препятствует своевременному оповещению и принятию адекватных мер.

Военные действия скрывают в себе и другие, порой замедленные опасности для природы. Так, 14 апреля 2022 г. в Чёрном море затонул ракетный крейсер «Москва» [15]. Его основное вооружение составляли 16 пусковых установок (ПУ) сверхзвуковых противокорабельных ракет (ПКР) П-1000 «Вулкан», 64 ПУ зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-300Ф «Форт», 4 ПУ ЗРК «Оса-МА», множество боеприпасов, а также топлива. Остается только предполагать, какой экологический вред наступит при длительном пребывании их на дне моря.

Мировой океан служит местом захоронения радиоактивных и химических отходов. Например, Карское море нередко называют «Чернобыль под водой». В советские годы там были затоплены тысячи контейнеров с радиоактивными отходами, на его дне лежат суда советского атомного флота [16]. На Новой Земле с 1954 г. действовал Центральный ядерный полигон, где проводилось большинство атомных испытаний. В 1955 г. там был произведен первый подводный атомный взрыв [17]. Подобные захоронения продолжают представлять повышенную опасность для всего живого [18].

Непоправимый урон водоёмам мира наносит нефтедобыча. По некоторым оценкам, в Мировой океан сбрасывается около 6 млн тонн нефти. Снимки со спутников показали, что на более чем 1/3 голубой поверхности Земли имеется нефтяная плёнка. Опасность этого трудно переоценить. Дело в том, что водные животные дышат кислородом, растворённым в воде. Экологи утверждают, что если разольётся тонна нефти, то проникновение кислорода будет затруднено или невозможно на поверхности океана площадью около 12 км². Нефтяная плёнка смертоносна для икринок, так как они развиваются в основном в верхнем слое водяной поверхности. Если концентрация нефти в морской воде более 0,01 мл/л, то икринки погибают в течение 2-3 суток. Некоторые виды икринок погибают, если концентрация нефти более, чем 0,1 мл/л. При попадании в море 1 литра нефти образуется нефтяная плёнка на 1 га водной поверхности. В свою очередь, на 1 га водной поверхности находится более 100 млн икринок. Таким образом 1 литр нефти может убить более 100 млн личинок рыб [19]. Нефть буквально отравляет воду и организмы, живущие в ней. Таким образом гибнут представители флоры и фауны, ухудшается теплообмен воды, из-за чего происходят температурные перепады, крайне негативно сказывающиеся на климате [20]. Например, осетровые виды рыб, большинство из которых занесено в Красную книгу Российской Федерации, страдают от расслоения мышц, ослабления оболочки икры, в результате чего теряется репродуктивная способность рыбы. Под действием углеводородов, растворённых в воде, у рыб происходит разрушение жабр. При этом наблюдается нарушение водно-солевого обмена и процессов дыхания. Осуществляется негативное воздействие на нервно-мышечную систему, снижается чувствительность организмов к химически опасным веществам [21].

Основная трудность в решении проблемы очистки океана от мусора и нефтяной плёнки заключается в том, что ни одна из стран не берёт на себя ответствен-

ность за их образование. Кроме того, в международных договорах и соглашениях в области охраны морской среды отсутствуют чёткие формулировки понятия «вещества, загрязняющие Мировой океан». Не существует общепринятого перечня опасных поллюантов, загрязняющих его [22, с. 17]. Подобное положение нуждается в доктринальном обсуждении и выработке действенных, в том числе уголовно-правовых мер охраны Мирового океана.

Отметим, что именно международное уголовное право, основанное на договорных нормах, учитывающих интересы мирового сообщества, является правовой основой деятельности государств в борьбе с транснациональными (международными) преступлениями.

Следует обратиться к источникам. Международное уголовное право начало формироваться в период после второй мировой войны. В VI Принципе международного права, признанном Уставом Нюрнбергского Трибунала, к международным преступлениям относились:

- a) преступления против мира;
- b) военные преступления;
- c) преступления против человечности [23].

В дальнейшем понятие «международного преступления» серьёзно трансформировалось. К международным преступлениям стали относиться незаконный оборот наркотиков, коррупция и др. С 1977 года экоцид стал рассматриваться как преступление против безопасности человечества [24, с. 109].

В статье 1 Римского Статута о Международном суде (Рим, 17 июля 1998 г.) указано, что юрисдикция Суда ограничивается самыми серьёзными преступлениями, вызывающими озабоченность всего мирового сообщества. Несмотря на то, что Российская Федерация продекларировала свой выход из проекта международного уголовного суда, согласно ст. 15 Конституции РФ указанный правовой акт, как носитель общепризнанных принципов международного права, продолжает оставаться источником отечественного права.

В решении IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 1995 г.) указывается на то, что экологические преступления, приобретающие транснациональный характер, по своей опасности относятся к самым опасным видам преступлений. защите природы посвящены такие акты международного права, как Конвенция по предотвращению загрязнения моря отбросами отходов и других материалов 1972 года, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [25], Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. [26] и др.

Формирование главы «Преступления против мира и безопасности человечества» далеко не завершено. Так, в науке уголовного права предлагается включить в главу 34 УК РФ новые статьи, предусматривающие ответственность за работоргов-

лю [27, с. 5], за надругательство над государственным гербом, флагом и иной символикой иностранного государства [28, с. 11] и др. Учёные всё чаще обращаются к проблеме международно-правовой ответственности за загрязнение моря в результате хозяйственной деятельности [29], исследуют трансграничный ущерб природной среде, причинённый правомерной и неправомерной экономической деятельностью, его согласованности с нормами международного права [30].

Нам представляется, что такое общественно опасное деяние, как загрязнение вод Мирового океана, обязательно должно быть криминализовано. Ввиду специфического, транснационального характера этого деяния оно должно быть отнесено к преступлению против мира и безопасности человечества без распространения сроков давности. По особенностям юридической конструкции данный состав преступления должен относиться к формальному составу без упоминания возможности наступления экологической катастрофы, как в случае с экоцидом. С субъективной стороны загрязнение вод может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Что касается субъекта, то он общий. Кроме того, на наш взгляд, субъектом ответственности за совершение рассматриваемого преступления необходимо признать юридическое лицо. Это позволит более последовательно и эффективно решать задачи уголовного преследования в рамках международного уголовного права.

Как известно, отличительной особенностью преступлений против мира и безопасности человечества является то, что объектом посягательства являются не отдельные общественные отношения в той или иной сфере жизни и деятельности человека, общества, государства, а сама жизнь на Земле, существование человечества или значительной его части. Учитывая значимость Мирового океана для жизни всех людей, цивилизации в целом, нет сомнений, что преступные посягательства на его экосистему должны расцениваться именно как преступления против безопасности всего человечества, поскольку они способны причинить невосполнимый ущерб самим основам существования жизни на Земле. Безусловно, эти положения нуждаются в дальнейшей разработке, согласовании с действующими нормами международного уголовного права, должны коррелировать с другими отраслями международного права.

В ст. 194 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., где указано, что «государства в соответствии со своими возможностями индивидуально или в зависимости от обстоятельств, совместно принимают все совместимые с настоящей Конвенцией меры, которые необходимы для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из любого источника, используя для этой цели наилучшие практически применимые средства, имеющиеся в их распоряжении, и стремятся согласовывать свою политику в этом отношении» [31].

В этой связи предлагаем в гл. 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» включить отдельную статью 358¹ «Загрязнение вод Мирового океана».

При этом необходимо теоретически определиться в вопросе соотношения загрязнения вод Мирового океана и иных преступлений экологической направленности.

Прежде всего укажем, что термин «Мировой океан» является устоявшимся и используется в различных правовых актах, в частности, в указе Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» [32].

Ближе всего по своему юридическому содержанию к предлагаемой норме стоит экоцид. Данные нормы соотносятся как общая и специальная. Загрязнение вод Мирового океана является специальным по отношению к экоциду. Следует согласиться с учёными, которые полагают, что уголовная ответственность за экоцид устанавливается в случае его совершения не только в ходе вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, но и в невоенное время [33]. Так и умышленное загрязнение вод Мирового океана подрывает основу жизнедеятельности не только в военное время, но и в мирное время и вызывает озабоченность всего международного сообщества.

В действующем Уголовном кодексе РФ выделена самостоятельная глава 26 «Экологические преступления». В научной литературе не раз высказывались мнения о необходимости преобразования рассматриваемой главы в самостоятельный раздел УК РФ [34]. Придерживаясь данной точки зрения, мы полагаем, что родовым объектом экологических преступлений должна быть признана экологическая безопасность, в то время как родовым объектом предлагаемой нами нормы является безопасность человечества. Кроме того, загрязнение вод Мирового океана и экологические преступления ограничиваются по объективной стороне преступления, включая факультативные признаки объективной стороны. Речь идёт о загрязнении вод открытого моря. То есть местом совершения преступления являются воды Мирового океана или открытого моря. В статье 1 Конвенции об открытом море, заключённой в Женеве 29 апреля 1958 г. и ратифицированной СССР указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1960 г., говорится, что «открытое море» означают все части моря, которые не входят ни в территориальное море, ни во внутренние воды какого-либо государства.

В некоторых случаях ограничение рассматриваемых общественно опасных деяний следует проводить по субъективной стороне. Загрязнение вод Мирового океана совершается умышлено.

Полагаем, что в теории уголовного права следует обозначить юридические критерии выделения в международном уголовном праве категории международных экологических преступлений: 1) осознаются и осуждаются всем международным

сообществом; 2) имеют международный характер; 3) нарушают регламентированный международными нормами экологический порядок воздействия на окружающую среду; 4) приносят вред экологическим интересам всех стран; 5) являются юридическим фактом.

Таким образом, в перспективе к международным экологическим преступлениям могут быть отнесены иные общественно опасные деяния, представляющую угрозу безопасности человечества [35].

Сегодняшние экологические проблемы характеризуются планетарным масштабом [36, с. 42–49]. По справедливому утверждению профессора В. Ф. Цепелева, «...в контексте уголовной политики международное сотрудничество представляет собой сложную систему отношений, включающую международную преступность как объект целенаправленного воздействия государств в борьбе с ней, согласованную политику, договорно-правовую основу и внутреннее законодательство, правоприменительную и организационную деятельность субъектов сотрудничества по предупреждению преступности, уголовно-правовой борьбе с ней и исполнению уголовных наказаний при соблюдении установленных правил обращения с правонарушителями» [37, с. 11].

Многие учёные обращают внимание на системный кризис международного уголовного права [38, с. 3], являющийся следствием глобальных политических и экономических процессов. Наиболее очевидным примером служат последствия специальной военной операции на Украине, приведшие к фактическому отстранению Российской Федерации от участия в международном сотрудничестве, в том числе и по экологической повестке. Всё это, безусловно, осложняет международные отношения.

Вместе с тем, как представляется, лишь путём активного международного сотрудничества в области охраны окружающей среды можно добиться ощутимых результатов. Усилиями одной страны или даже нескольких регионов проблемы не разрешить. Нужны консолидированные действия всех стран [39, с. 5]. Необходима политическая воля для организации международного сотрудничества. В частности, Россия как великая морская держава, имеющая выход к трём из четырёх океанов, могла бы выступить с целым рядом экологических и уголовно-экологических инициатив.

При этом следует сознавать, что спасение Мирового океана – это, несомненно, вопрос сохранения жизни на Земле.

Список источников

1. Кузнецова Н. И. Глобальные проблемы современности как угроза экологической безопасности России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-106-115>.

2. Фашук Д. Я. Мировой океан. М.: Академкнига, 2002. 282 с.
3. Кусто Ж.-И., Дюма Ф. Живое море; Кусто Ж.-И., Даген Д. В мире безмолвия / пер. с англ. Л. Жданова. М.: Армада, 1997. 475 с.
4. Почему так важно защищать Мировой океан? // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2014/09/1024731>.
5. Азарова М. Температура Мирового океана достигла исторического максимума. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/temperatura-mirovogo-okeana-dostigla-istoricheskogo-maksimuma>.
6. Анисимов А. П. Проблемы возмещения вреда, причинённого мировому океану // Традиции и перспективы развития науки экологического, природоресурсного и аграрного права: сборник статей по материалам круглого стола, приуроченного к юбилею кафедры экологического и аграрного права БГУ. Минск, 2021. С. 35–38.
7. Кузнецова Н. И., Урда М. Н. Экологическая миграция: криминологический аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 30–38. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).30-38.
8. Dounq T. The true cost of «cheap» seafood: An analysis of environmental and human exploitation in the seafood industry // Hastings Environmental Law Journal. San Francisco, 2018. Vol. 24, no. 2. P. 283.
9. Иванов В. А., Показеев К. В., Совга Е. Е. Загрязнение Мирового океана: учебное пособие. М.: Макс Пресс, 2006. 164 с.
10. Попович В. А., Гаврикова Н. В. Проблемы мирового океана (флот, спасение, судоподъём, судоремонт, экология). М.: Транс-Лит, 2020. 592 с.
11. Лягина И. В. Мусор, как глобальная проблема современности // Энигма. 2019. № 12-1. С. 109–120.
12. Алферов О. Л. Дэвис Дж., Лорд Н. [Рецензия]. Рец. на кн.: Справочник по пищевой преступности: аморальные и незаконные практики в пищевой промышленности и что с ними делать / под ред. Э. Грей, Р. Хинча // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. 2022. № 3. С. 225–230.
13. Пластик в мировом океане, попадание и скапливание. URL: <https://fmusor.ru/novosti/2021/01/25/plastik-v-mirovom-okeane/>.
14. Милюков С. Ф. Военно-полевая криминология и её влияние на уголовное законодательство // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы: межд. науч.-практ. конф., 9–10 июня 2022 г., Тула – Хьюэ. Тула: Изд-во ТулГУ, 2022. С. 122–129.
15. Раскрыта тайна гибели крейсера «Москва»: что произошло на самом деле [видеозапись]. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/raskryta-tayna-gibeli-kreysera-moskva-chto-proizoshlo-na-samom-dele-video/>.

16. Приёмская Е. Атом на дне: как Карское море обрело славу «ядерного могильника». URL: <https://iz.ru/799348/evgeniia-priemskaja/atom-na-dne-kak-karskoe-more-obrelo-slavu-iadernogo-mogilnika>.
17. Котляр М. Чернобыль под водой. Как Карское море стало ядерным могильником. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/09/02_a_13943828.shtml?updated.
18. Радиационно опасные объекты в российской Арктике (85-й рейс научно-исследовательского судна «Академик Мстислав Келдыш» в Карское море) / Н. А. Римский-Корсаков, Н. Я. Книвель, А. Ю. Казеннов, О. Е. Кикнадзе, А. Б. Басин, А. А. Пронин // *Океанология*. 2022. Т. 62, № 3. С. 495–498.
19. Суворова А. С., Лопаева Н. С. Нефтяное загрязнение мирового океана // *Молодежь и наука*. 2021. № 12. Ст. 7.
20. Кравченко Р. Загрязнение мирового океана нефть. URL: <https://ecoportal.info/zagryaznenie-mirovogo-okeana-neftyu/>.
21. Картамышева Е. С. Загрязнение мирового океана нефтью и нефтепродуктами // *Молодой ученый*. 2018. № 25 (211). С. 20–23. URL: <https://moluch.ru/archive/211/51597/>.
22. Валиулина К. Б. Международно-правовая охрана и защита Мирового океана от загрязнения: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 251 с.
23. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>.
24. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А. В. Наумова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 385 с.
25. Сайт ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml.
26. Российская Арктическая экспедиция. URL: <http://www.raexp.ru/law-international-p2-p2/>.
27. Каболов В. В. Преступления против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 56 с.
28. Лобач Д. В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 261 с.
29. Голицин В. В., Абрамов Н. С. Международно-правовая ответственность государств за трансграничный ущерб в результате освоения нефтегазовых запасов континентального шельфа // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 1 (25). С. 21–25.
30. Боклан Д. С. Международное экологическое право и международные экономические отношения: монография. М.: Инфра-М, 2020. 272 с.
31. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Морская доктрина Российской Федерации. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603179416>
33. Греченкова О. Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
34. Кузнецова Н. И., Милуков С. Ф. Уголовно-правовая политика в сфере экологии: современные тенденции // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42, № 2. С. 140–152. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-140-152.
35. Кузнецова Н. И. Биологическая безопасность: теоретические и правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 65–73. DOI: 10.25724/VAMVD.VNOP.
36. Кузнецова Н. И., Шкеле М. В. Экологические преступления: теория и практика правоприменения: монография. СПб., 2020. 172 с.
37. Цепелев В. Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2001. 418 с.
38. Энциклопедия уголовного права. Т. 31: Преступления против мира и безопасности человечества. СПб.: Изд. профессора Малинина; ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. 425 с.
39. Дикусар В. М. Международно-правовые аспекты охраны окружающей среды: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 468 с.

References

1. Kuznetsova N. I. Global'nye problemy sovremennosti kak ugroza ekologicheskoi bezopasnosti Rossii [Global problems of our time as a threat to the environmental security of Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-106-115>. (In Russ.).
2. Fashchuk D. Ya. Mirovoi okean [World Ocean]. Moscow: Akademkniga Publ., 2002. 282 p. (In Russ.).
3. Cousteau J.-I., Dumas F. Zhivoe more [Living Sea]; Cousteau J.-I., Dagen D. V mire bezmolviya [In the world of silence]. Moscow: Armada, 1997. 475 p. (In Russ.).
4. Why is it so important to protect the oceans? *UN News*. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2014/09/1024731>. (In Russ.).
5. Azarova M. Temperatura Mirovogo okeana dostigla istoricheskogo maksimuma [The temperature of the World Ocean has reached a historical maximum]. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/temperatura-mirovogo-okeana-dostigla-istoricheskogo-maksimuma>. (In Russ.).

6. Anisimov A. P. Problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo mirovomu okeanu [Problems of compensation for harm caused to the World Ocean]. In: *Traditsii i perspektivy razvitiya nauki ekologicheskogo, prirodoresursnogo i agrarnogo prava: sbornik statei po materialam kruglogo stola, priurochennogo k yubileyu kafedry ekologicheskogo i agrarnogo prava BGU* [Traditions and prospects for the development of the science of environmental, natural resource and agrarian law: a collection of articles based on materials from a round table dedicated to the anniversary of the Department of Environmental and Agrarian Law of BSU]. Minsk, 2021, pp. 35–38. (In Russ.).
7. Kuznetsova N. I., Urda M. N. Ekologicheskaya migratsiya: kriminologicheskii aspekt [Ecological migration: criminological aspect]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 30–38. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).30-38. (In Russ.).
8. Dounq T. The true cost of «cheap» seafood: An analysis of environmental and human exploitation in the seafood industry. *Hastings Environmental Law Journal*, San Francisco, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 283.
9. Ivanov V. A., Pokazeev K. V., Sovga E. E. Zagryaznenie Mirovogo okeana: uchebnoe posobie [Pollution of the World Ocean: textbook]. Moscow: Maks Press Publ., 2006. 164 p. (In Russ.).
10. Popovich V. A., Gavrikova N. V. Problemy mirovogo okeana (flot, spasenie, sudopod'em, sudoremont, ekologiya) [Problems of the World Ocean (fleet, rescue, ship recovery, ship repair, ecology)]. Moscow: Trans-Lit Publ., 2020. 592 p. (In Russ.).
11. Lyagina I. V. Musor, kak global'naya problema sovremennosti [Garbage as a global problem of our time]. *Enigma*, 2019, no. 12-1, pp. 109–120. (In Russ.).
12. Alferov O. L. Davis J., Lord N. Book review: Gray E., Hinch R. (eds.) Handbook of food crime: immoral and illegal practices in the food industry and what to do with them. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo Social and Humanitarian Sciences [Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and law]*, 2022, no. 3, pp. 225–230. (In Russ.).
13. Plastic in the World's Oceans, entry and accumulation. URL: <https://f-musor.ru/novosti/2021/01/25/plastik-v-mirovom-okeane/>. (In Russ.).
14. Milyukov S. F. Voенно-polevaya kriminologiya i ee vliyanie na ugovolnoe zakonodatel'stvo [Military field criminology and its impact on criminal law]. In: *Sovershenstvovanie zakonodatel'noi i pravoprimeritel'noi praktiki v sfere ugovolno-pravovyykh nauk v sovremennykh usloviyakh: diskussionnye voprosy: mezhd. nauch.-prakt. konf., 9–10 iyunya 2022 g. Tula-Khyue* [Improvement of legislative and law enforcement practice in the field of criminal law sciences in modern conditions: debatable issues: int. scientific-practical. Conf., June 9–10, 2022, Tula-Hue]. Tula: TulGU Publishing House, 2022, pp. 122–129. (In Russ.).

15. The mystery of the death of the cruiser «Moskva» is revealed: what really happened. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/raskryta-tayna-gibeli-kreysera-moskva-cto-proizoshlo-na-samom-dele-video/>. (In Russ.).

16. Priemskaya E. Atom na dne: kak Karskoe more obrelo slavu «yadernogo mogil'nika» [Atom at the Bottom: How the Kara Sea Gained the Glory of a «Nuclear Repository»]. URL: <https://iz.ru/799348/evgeniia-priemskaya/atom-na-dne-kak-karskoe-more-obrelo-slavu-iadernogo-mogilnika>. (In Russ.).

17. Kotlyar M. Chernobyl' pod vodoi. Kak Karskoe more stalo yadernym mogil'nikom [Chernobyl under water. How the Kara Sea became a nuclear repository]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/09/02_a_13943828.shtml?updated. (In Russ.).

18. Rimsky-Korsakov N. A. Knivel N. Ya. Kazennov A. Yu., Kiknadze O. E., Basin A. B., Pronin A. A. Radiatsionno opasnye ob"ekty v rossiiskoi Arktike (85-i reis nauchno-issledovatel'skogo sudna «Akademik Mstislav Keldysh» v Karskoe more) [Research vessel «Akademik Mstislav Keldysh» in the Kara Sea]. *Okeanologiya*, 2022, vol. 62, no. 3, pp. 495–498. (In Russ.).

19. Suvorova A. S., Lopaeva N. S. Neftyanoie zagryaznenie mirovogo okeana [Oil pollution of the world ocean]. *Molodezh' i nauka*, 2021, no. 12, art. 7. (In Russ.).

20. Kravchenko R. Zagryaznenie mirovogo okeana neft' [Oil pollution of the world ocean]. URL: <https://ecoportal.info/zagryaznenie-mirovogo-okeana-neftyu/>. (In Russ.).

21. Kartamyshva E. S. Zagryaznenie mirovogo okeana neft'yu i nefteproduktami [Pollution of the world ocean with oil and oil products]. *Molodoi uchenyi*, 2018, no. 25 (211), pp. 20–23. URL: <https://moluch.ru/archive/211/51597/>. (In Russ.).

22. Valiulina K. B. Mezhdunarodno-pravovaya okhrana i zashchita Mirovogo okeana ot zagryazneniya [International legal protection and protection of the World Ocean from pollution]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Kazan, 2018. 251 p. (In Russ.).

23. Charter of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main war criminals of the European Axis countries. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>. (In Russ.).

24. Kibalnik A. G., Solomonenko I. G. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Crimes against peace and security of mankind]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 385 p. (In Russ.).

25. UN website. conventions and agreements. URL: https://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml. (In Russ.).

26. Russian Arctic expedition. URL: <http://www.raexp.ru/law-international-p2/>. (In Russ.).

27. Kabolov V. V. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Crimes against the peace and security of mankind]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Rostov-on-Don, 2002. 56 p. (In Russ.).

28. Lobach D. V. Prestupleniya protiv mira: ugovolno-pravovoe issledovanie [Crimes against peace: criminal law research]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Saratov, 2013. 261 p. (In Russ.).

29. Golitsin V. V., Abramov N. S. Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' gosudarstv za transgranichnyi ushcherb v rezul'tate osvoeniya neftegazovykh zapasov kontinental'nogo shel'fa [International legal responsibility of states for transboundary damage as a result of the development of oil and gas reserves of the continental shelf]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2021, no. 1 (25), pp. 21–25. (In Russ.).

30. Boklan D. S. Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: monografiya [International environmental law and international economic relations: monograph]. Moscow: Infra-M Publ., 2020. 272 p. (In Russ.).

31. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) (concluded in Montego Bay on 10.12.1982). Access from Legal References System ConsultantPlus.

32. Maritime Doctrine of the Russian Federation <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603179416>. (In Russ.).

33. Grechenkova O. Yu. Ekotsid kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Ecocide as a crime against the peace and security of mankind]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Krasnodar, 2007. 26 p. (In Russ.).

34. Kuznetsova N. I., Milyukov S. F. Ugolovno-pravovaya politika v sfere ekologii: sovremennye tendentsii [Criminal law policy in the field of ecology: current trends]. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 140–152. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-140-152. (In Russ.).

35. Kuznetsova N. I. Biologicheskaya bezopasnost': teoreticheskie i pravovye aspekty [Biological safety: theoretical and legal aspects]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 2021, no. 3 (58), pp. 65–73. DOI: 10.25724/VAMVD.VNOP. (In Russ.).

36. Kuznetsova N. I., Shkele M. V. Ekologicheskie prestupleniya: teoriya i praktika pravoprimeneniya: monografiya [Ecological crimes: theory and practice of law enforcement: monograph]. St. Petersburg, 2020. 172 p. (In Russ.).

37. Tsepelev V. F. Ugolovno-pravovye, kriminologicheskie i organizatsionnye aspekty mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu [Criminal law, criminological and organizational aspects of international cooperation in the fight against crime]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2001. 418 p. (In Russ.).

38. Entsiklopediya ugovolnogo prava. T. 31: Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Encyclopedia of criminal law. Vol. 31: Crimes against the peace and security of mankind]. St. Petersburg: Ed. Professor Malinin Publ.; LGU them. A. S. Pushkina, 2019. 425 p. (In Russ.).

39. Dikusar V. M. Mezhdunarodno-pravovye aspekty okhrany okruzhayushchei sredy [International legal aspects of environmental protection]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2007. 468 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. И. Кузнецова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

N. I. Kuznetsova – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 14.11.2022.

The article was submitted 08.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 14.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 121–135.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 121–135.

Научная статья

УДК 343.261-052-058.57:316.614

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/121-135>

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ РЕЦИДИВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ¹

Татьяна Викторовна Филоненко

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Владивосток, Россия, tanya.f-vlad@mail.ru

Аннотация: Постпенитенциарный рецидив исследуется автором в двух качествах: как показатель эффективности уголовно-исполнительной системы и как показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы. Автор анализирует постпенитенциарную адаптацию как фактор, определяющий эффективность и уголовного наказания, и исправительных учреждений. Предложена авторская методика изучения постпенитенциарного рецидива, которая позволит оценить эффективность деятельности различных мест лишения свободы с точки зрения реализации уголовного наказания.

Ключевые слова: постпенитенциарный рецидив, постпенитенциарная преступность, постпенитенциарная адаптация, лишение свободы, уголовно-исполнительная система, пробация.

Для цитирования: Филоненко Т. В. Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности деятельности исправительных учреждений и наказания в виде лишения свободы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 121–135. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/121-135>

¹ © Филоненко Т. В., 2022

Original article

POST-PENITENTIARY RECIDIVISM AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Tatiana V. Filonenko

Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, tanya.f-vlad@mail.ru

Abstract. Post-penitentiary recidivism is investigated by the author in two qualities: as an indicator of the effectiveness of the penal system and as an indicator of the effectiveness of criminal punishment in the form of imprisonment. The author analyzes post-penitentiary adaptation as a factor determining the effectiveness of both criminal punishment and correctional institutions. The author's method of studying post-penitentiary recidivism has been proposed, which will allow assessing the effectiveness of the activities of various places of imprisonment in terms of the implementation of criminal punishment.

Keywords: post-penitentiary recidivism, post-penitential criminality, post-penitential adaptation, deprivation of liberty, penal system, probation.

For citation: Filonenko T. V. Post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of correctional institutions and punishment in the form of deprivation of liberty // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 27, no. 4. P. 121–135. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/121-135>

Постановка проблемы

Целями уголовного наказания является исправление осуждённых и предотвращение совершения новых преступлений (ст. 43 Уголовного кодекса РФ – далее УК РФ). Эти цели являются общими для всех видов уголовных наказаний, в том числе и для лишения свободы.

Лишение свободы является самым строгим из видов уголовных наказаний, следовательно, ожидается, что оно должно быть и самым эффективным. В теории права эффективность рассматривается через соотношение заявленной цели и достигнутого результата. Поэтому эффективность лишения свободы как вида наказания будет проявляться, среди прочего, в минимизации количества преступлений, совершённых лицами после освобождения из мест лишения свободы.

Этот тезис подводит нас к проблеме постпенитенциарного рецидива, который следует рассматривать как ключевой показатель эффективности и уголовного наказания, и системы исправительных учреждений, призванных это наказание реализо-

вать. Ведь целями уголовно-исполнительного законодательства, как известно, являются исправление осуждённых и предупреждение совершения новых преступлений как осуждёнными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ – далее УИК РФ).

При этом оценивать эффективность уголовного наказания вне связи с факторами, определяющими успешную ресоциализацию осуждённых и возвращение их к «нормальной» жизни после отбытия наказания в местах лишения свободы, малопродуктивно. В качестве иллюстрации нашего тезиса можно гипотетически предположить следующую ситуацию: предположим, что все мероприятия по исправлению осуждённых, проводимые в исправительном учреждении, дали положительный эффект в отношении конкретного лица; человек ориентирован на законопослушное поведение, желает вернуться к обычной жизни и никогда больше не совершать преступлений. Однако, выйдя из мест лишения свободы, гражданин сталкивается с огромным количеством трудностей и отсутствием ресурсов для успешной социализации: это отсутствие жилья, средств к существованию, необходимых документов, востребованных профессиональных навыков у лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Отсутствие социальных связей, потерянных за время нахождения в исправительном учреждении, негативное и (или) равнодушное отношение окружающих усугубляет ситуацию и делает преодоление трудностей социально-приемлемыми способами практически невозможным.

В таких условиях ранее судимый гражданин закономерно и достаточно быстро возвращается к привычным способам противоправного поведения, но не потому, что имеет соответствующую мотивацию, а лишь из-за сложностей постпенитенциарной социализации. Получается, что отсутствие работающей системы постпенитенциарной адаптации обнуляет эффект от исправительной и профилактической работы в рамках уголовно-исполнительной системы.

С другой стороны, справедливо и обратное: какой бы эффективной и человекориентированной ни была система ресоциализации осуждённых, созданная в конкретном государстве, она не сможет переселить сформированное под влиянием криминальной субкультуры правосознание и осознанную мотивацию к преступной деятельности как результат непродуктивной организации исправительной системы. Эти две системы – пенитенциарной и постпенитенциарной социализации осуждённых – способны «умножать на ноль» эффективность друг друга.

По данным исследователей, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, испытывают наибольшие сложности в следующих направлениях:

- во-первых, сбор необходимых документов;
- во-вторых, помощь в трудоустройстве;
- в-третьих, обретение места жительства;
- в-четвёртых, восстановление социальных связей [1, с. 105].

Эти сложности можно назвать основными причинами совершения постпенитенциарного рецидива. Ещё одной причиной является низкая эффективность лишения свободы как вида уголовного наказания с точки зрения достижения цели предупреждения повторного совершения преступлений.

Поэтому постпенитенциарный рецидив нельзя рассматривать как абсолютный показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы, ведь его практически невозможно учесть «в чистом виде», без учёта влияния сложностей постпенитенциарной адаптации. Постпенитенциарный рецидив может свидетельствовать как об эффективности лишения свободы как вида уголовного наказания, так и об эффективности постпенитенциарной адаптации.

Отсюда следуют два вывода: во-первых, и изучать, и развивать уголовно-исполнительную систему (УИС) и постпенитенциарную ресоциализацию отбывших наказание лиц нужно совместно и в комплексе; во-вторых, любые показатели эффективности УИС и ресоциализации осуждённых всегда будут относительны. Однако последнее не означает, что их не следует изучать и совершенствовать.

Понятие постпенитенциарного рецидива

Постпенитенциарный рецидив преступлений – это разновидность криминологического рецидива, состоящая в совершении лицом, освобождённым из исправительного учреждения, в течение срока судимости всякого нового преступления, независимо от формы его вины [2, с. 105]. При этом под пенитенциарным рецидивом следует понимать совершение нового преступления осуждённым, отбывающим наказание в местах лишения свободы [3].

От постпенитенциарного рецидива следует отличать постпенитенциарную рецидивную преступность. Последняя представляет собой множество преступных деяний, совершённых в течение определённого времени и на определённой территории лицами, освобождёнными из мест лишения свободы в течение сроков, когда их судимость не погашена. Постпенитенциарный рецидив же включает в себя преступления, совершённые одним и тем же освобождённым в разные периоды в течение срока судимости.

При этом криминологи полагают, что в строгом смысле постпенитенциарный рецидив надо ограничивать повторным совершением преступления в течение трёхлетнего срока с момента освобождения из мест лишения свободы – этот отрезок является наиболее референтным в плане влияния отбытого наказания на поведение освобождённого [4, с. 33]. Считается, что если преступление совершено за пределами трёхлетнего срока с момента освобождения, то оно в большей степени обусловлено личными характеристиками человека, а не недостатками и особенностями пенитенциарной системы.

Однако другие исследователи настаивают на том, что понятие постпенитенциарного рецидива стоит ограничить двухлетним сроком с момента освобождения из

мест лишения свободы, так как по статистике подавляющее большинство постпенитенциарных преступлений совершается именно в этот срок. В. В. Городнянская предложила выделить в криминологической науке такую категорию, как особо значимый постпенитенциарный рецидив: это совершение нового преступления (преступлений) лицом, освобождённым из исправительного учреждения в течение двух лет после освобождения [4, с. 34].

Постпенитенциарный рецидив в зеркале статистики

Согласно официальной статистике МВД за 2021 г., больше половины расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, что составляет 60,0% от общего числа расследованных преступлений [5] (п. 19 отчёта). В целом эта цифра составила 618 158 преступлений, из них 346 328 преступлений совершено ранее судимыми лицами (что составляет 33,6 %).

При этом к регионам с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершённых лицами, ранее совершавшими преступления, относятся Республика Хакасия, Амурская область, Тамбовская область, Кемеровская область, Кировская область, Алтайский край, Удмуртская республика, Омская область, Республика Карелия и Забайкальский край (с. 57 отчёта).

Тенденция сохраняется и в 2022 г.: по данным Генеральной прокуратуры РФ за семь месяцев 2022 г., большинство преступников в 2022 г. – это рецидивисты [6].

Цифры говорят сами за себя: рецидивная преступность остаётся самой распространенной и наиболее опасной группой преступлений.

С другой стороны, из анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ следует, что рецидивистов становится меньше: неснятая и непогашенная судимость есть у 37,6% осуждённых, а по данным за прошлые периоды количество рецидивистов составляло 44 % [7].

При этом очевидны некоторые тенденции. Во-первых, большая часть преступлений, приходящихся на долю лиц, ранее совершавших преступления, не относится к группе тяжких и особо тяжких. По данным МВД РФ, лицами, ранее совершавшими преступления, в 2021 г. совершено 124 775 тяжких и особо тяжких преступлений, что составляет 20,2 % от общего количества преступлений в этой группе [5]. По данным Судебного департамента за 2021 г., большая часть преступлений – 50,9% – приходится на преступления небольшой тяжести, и только 5,4% от общего количества составили приговоры за особо тяжкие преступления [7].

Во-вторых, среди совершённых преступлений лидируют: такой состав преступления, как кража (ст. 158 УК РФ, ч. 2 и ч. 3), и в целом преступления против собственности [8].

Всё это свидетельствует в пользу довода о том, что рецидивная преступность в значительной (и, очевидно, в большей) степени обусловлена имущественным положе-

нием лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также всем комплексом трудностей, с которыми они сталкиваются в период постпенитенциарной адаптации.

Что касается постпенитенциарного рецидива, то отдельной статистики по такому виду преступлений нет. Такое положение дел существенно снижает информативный потенциал, заложенный в явлении постпенитенциарного рецидива. Существующие системы статистических показателей не позволяют в полной степени оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности деятельности УИС и (или) критерий эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы.

Методика изучения постпенитенциарного рецидива

Выше мы пришли к выводу, что постпенитенциарный рецидив не может рассматриваться как абсолютный показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы, так как на распространённость постпенитенциарного рецидива существенно влияет система постпенитенциарной адаптации (или её отсутствие).

Тем не менее на данном этапе представляется целесообразным осуществить сравнительное исследование эффективности наказания в виде лишения свободы применительно к виду исправительных учреждений, в которых осуществлялось отбывание наказания в виде лишения свободы.

Такое исследование необходимо проводить в форме сбора и последующего анализа статистических данных. Оптимальный набор статистических данных, достаточный, по нашему мнению, для обоснованных выводов, представлен ниже (табл. 1).

На сегодняшний день подобная статистика отсутствует (во всяком случае, её нет в свободном доступе, а имеющиеся данные основаны на выборках, недостаточных для объективного криминологического исследования). Кроме указанных, статистические данные по постпенитенциарному рецидиву целесообразно дополнить такими критериями, как пол преступников, возраст, а также вид совершённого преступления. Такие выборки позволят осуществить качественное криминологическое исследование и собрать данные, необходимые как для криминологической характеристики личности постпенитенциарного рецидивиста, так и для криминологической характеристики постпенитенциарной рецидивной преступности.

Есть и ещё одно замечание методологического характера, касающееся исследований постпенитенциарного рецидива и анализа организации постпенитенциарной адаптации.

В настоящее время публикуется достаточно много работ, посвящённых исследованию зарубежного опыта организации службы пробации, ресоциализации осуждённых и постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Такие исследования, несомненно, полезны в целях изучения и заимствования опыта ресоциализации осуждённых, показавшего свою эффективность [1; 9; 10; 11; 12].

Таблица 1

Форма статистической отчётности для исследования постпенитенциарного рецидива

Table 1

Form of statistical reporting for studying post-penitentiary recidivism

№ п/п	Вид исправительного учреждения	Количество лиц, освобождённых из мест лишения свободы, за отчётный период (по годам)* <i>*Например, за 2020 г., за 2021 г. и т. д.</i>	Количество лиц, совершивших преступления после освобождения из исправительного учреждения							
			В течение 1-го года после освобождения	В % к графе 2 (за первый год)	В течение 2-го года после освобождения	В % к графе 2 (за второй год)	В течение 3-го года после освобождения	В % к графе 2 (за третий год)	Всего за 3 года после освобождения	В % к графе 2 (за 3 года)
1	Колонии-поселения									
2	Исправительные колонии общего режима									
3	Исправительные колонии строгого режима									
4	Исправительные колонии особого режима									
5	Воспитательные колонии									
6	Женские исправительные колонии									
7	Тюрьмы									

Однако стоит отметить, что многие авторы оценивают эффективность уголовно-исполнительной системы без учёта того, насколько сформирована и развита в отдельном государстве система социальной реабилитации и реинтеграции осуждённых. Сопоставление опыта стран с различной организацией постпенитенциарной адаптации представляется неперспективным, ведь, как мы уже отметили выше, показатель постпенитенциарной рецидивной преступности может объясняться как особенностями организации системы исполнения наказаний, так и особенностями системы постпенитенциарной социализации бывших осуждённых. Например, совершенно неинформативно будет сравнивать опыт государства с развитой службой пробации с опытом государства, в котором такая служба отсутствует или находится в стадии становления.

Представляется целесообразным сопоставлять опыт государств с похожим образом организованными системами исправления осуждённых. Иначе невозможно будет оценить в абсолютном значении эффективность именно такого наказания, как лишение свободы, либо же эффективность системы постпенитенциарной социализации осуждённых.

Факторы, снижающие постпенитенциарную рецидивную преступность

Исследователи выделяют две группы факторов, влияющих на рецидивную преступность: 1) факторы, связанные с различными недостатками в деятельности правоохранительных органов и судов, снижающие или сводящие на нет результаты воздействия правоохранительной системы на лиц, совершивших преступления, и 2) факторы, влияющие на неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации [13].

В разделе II Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [14] сформулированы вызовы, стоящие перед современной уголовно-исполнительной системой России. По сути, эти вызовы представляют собой неразрешённые проблемы организации и деятельности уголовно-исполнительной системы, на преодоление которых и направлена названная Концепция. В качестве одного из вызовов документ называет тот факт, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. В Концепции подчёркивается, что на рост рецидивной преступности влияют такие факторы, как потеря социальных связей, отсутствие востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию у лиц, освободившихся из исправительных учреждений.

Основными целями уголовно-исполнительного законодательства являются ресоциализация и социальная адаптация осуждённых (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Однако нынешнее законодательство не предлагает эффективной системы постпенитенциарной адаптации для лиц, освободившихся из исправительных учреждений (далее – ИУ), что позволяет говорить о недостижении или неполном достижении целей уголовно-исполнительного законодательства. Указанную проблему, по мнению экспертов, должно решить введение в России полноценной системы пробации.

Создание и развитие системы пробации отнесено Концепцией к основным направлениям развития современной уголовно-исполнительной системы до 2030 года (раздел IV Концепции). По мнению разработчиков Концепции, создание системы пробации должно к 2030 г. существенно уменьшить количество лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе за счёт сокращения рецидивов преступлений (раздел XVI Концепции).

Профилактика постпенитенциарного рецидива должна являться одной из основных целей системы пробации. Идея о необходимости введения в России системы пробации и принятия соответствующего федерального закона обсуждается в профессиональном сообществе несколько десятилетий. На официальном уровне предложение о создании службы пробации прозвучало в Докладе Уполномоченного по правам человека ещё в 2005 г. В настоящий момент на обсуждение представлено 2 проекта федерального закона о пробации: от имени Министерства юстиции РФ [15] и от имени Правительства РФ [16].

Идея пробации не абсолютна. Содержание и специфика института пробации за рубежом, как подчёркивают исследователи, во многом определяются спецификой менталитета и устройства системы исполнения наказания каждой из стран, использующих этот институт [17, с. 134]. Единственное, что остается неизменным во всех странах, где используются технологии пробации, это её цель – профилактика рецидивной преступности.

Значительный потенциал в плане совершенствования российской исправительной системы имеет опыт зарубежных стран. Однако заимствование такого опыта должно быть обдуманым. С одной стороны, как уже говорилось, целесообразно заимствование лишь опыта стран со схожей структурой организации исправительных систем. В противном случае на практике может оказаться, что эффективность пенитенциарной ресоциализации осуждённых была следствием развитой службы пробации или иных мероприятий по постпенитенциарной адаптации в данном государстве, а вовсе не результатом организации исправления осуждённых в местах лишения свободы.

С другой стороны, нужно изучать как опыт организации отбывания наказания в виде лишения свободы, так и опыт постпенитенциарной социализации лиц, отбывших наказание, ибо указанные группы мероприятий неразрывно связаны между собой. Конечно, для оценки эффективности того или иного опыта необходимо учитывать и различные статистические показатели.

Например, США лидируют по такому показателю, как количество заключённых на 100 тыс. граждан (655 чел.) [10, с. 29]. Эксперты, да и само население, рассматривают исправительную систему США как находящуюся в стадии реформирования. С учётом названных факторов представляется более рациональным обратиться к опыту других стран мира.

Законодательство некоторых стран содержит мероприятия в сфере ресоциализации осуждённых, совершенно незнакомые или малоиспользуемые в российской пра-

вовой системе. В Германии и Нидерландах основным проявлением принципа ресоциализации является поддержание и развитие отношений осуждённых с людьми как в стенах исправительных учреждений, так и за их пределами. Конкретными примерами проявлений названного принципа выступает, например, практика предоставления осуждённым краткосрочных или длительных отпусков на родину для посещения семьи, поиска работы или жилья. Ещё одним примером можно назвать физиологические требования к пенитенциарным учреждениям, закреплённые в законодательстве: умеренная температура, большое количество окон и света, широкие коридоры (что должно облегчить переход в «нормальные» условия при последующей социализации осуждённых) [10, с. 34]. В Шведском Законе о лишении свободы (Act on Imprisonment) 2010 г. также предусмотрено, что в целях снижения риска рецидива, а также в целях содействия реинтеграции осуждённых в общество перед освобождением им может предоставляться возможность находиться вне пределов исправительного учреждения (например, возможность находиться в дневное время вне исправительного учреждения для осуществления трудовой деятельности, прохождения лечения, получения образования, либо же отбытие части срока у себя дома с электронным браслетом под наблюдением Службы тюрем и пробации) [11, с. 33–36].

В сравнении с этим российская пенитенциарная система имеет не реабилитационную, а карательную направленность. Если же статистически оценивать эффективность пенитенциарных систем, то цифры будут в пользу Европы и Скандинавии. Как уже упоминалось, в России более 60 % преступлений совершается лицами, ранее совершавшими преступления. При этом по статистике в Швеции число лиц, совершивших повторные преступления в течение года после освобождения, составляет 25%; число лиц, совершивших повторные преступления в течение двух лет после освобождения, – 34%; число лиц, совершивших повторные преступления в течение трёх лет после освобождения, – 40%. В Норвегии число лиц, совершивших повторные преступления в течение двух лет после освобождения, составляет около 20% бывших заключённых [11].

Многие российские учёные-пенитенциаристы считают, что именно трудовая незанятость большинства осуждённых в местах лишения свободы снижает эффективность социальной и психологической работы с ними, не позволяет им адаптироваться в обществе после отбытия срока наказания [12].

Похожие данные приводят и исследователи рецидивной преступности Кыргызстана. Во-первых, отмечается, что большинство изучаемых рецидивистов (67%) до осуждения нигде не работали и не учились. Во-вторых, указывается, что часто причина нетрудоустройства не зависит от желания лиц, «поскольку даже с одной судимостью человеку, имеющему специальность, весьма трудно устроиться на работу, а о тех, у кого две и более судимости, говорить вообще не приходится» [18].

Поэтому вопросы профобучения и трудоустройства осуждённых и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, являются основными мероприятиями в сфе-

ре подготовки заключённых к освобождению и в сфере ресоциализации осуждённых. Интересно, что одним из основным факторов, объясняющих низкую эффективность пенитенциарной системы США, эксперты называют трудовую незанятость заключённых и невозможность реального трудоустройства после отбытия наказания [12, с. 55].

Выводы

В заключение проведённого исследования представляется возможным сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, реализация целей уголовного наказания, в том числе наказания в виде лишения свободы, возможна только через комплексную организацию системы исправительных учреждений и системы постпенитенциарной социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

Во-вторых, одним из наиболее информативных показателей эффективности как УИС, так и уголовного наказания в виде лишения свободы, является постпенитенциарный рецидив. При этом в настоящий период в деятельности правоохранительной системы РФ не используются статистические показатели, позволяющие в полной мере исследовать криминологические характеристики постпенитенциарного рецидива, что, в свою очередь, не позволяет использовать эти данные для совершенствования УИС РФ.

В-третьих, качественная социальная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, возможна только как продолжение подготовительной работы с осуждёнными в исправительных учреждениях. Наиболее перспективными мерами по повышению эффективности лишения свободы как вида наказания на сегодняшний день представляются следующие:

- повышение правовой грамотности лиц, осуждённых к отбыванию наказания в виде лишения свободы;
- углублённое изучение в рамках ИУ мер по социальной поддержке граждан, разработанных Правительством РФ (с той целью, чтобы освободившиеся из мест лишения свободы граждане могли ими целенаправленно воспользоваться);
- дальнейшее развитие системы профессионального обучения осуждённых;
- расширение перечня программ обучения лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (с включением в них наиболее востребованных на рынке труда направлений, в том числе основанных на цифровой грамотности населения);
- расширение перечня гражданских предприятий, на которых могут работать заключённые, отбывающие срок в колониях-поселениях или приговорённые к принудительным работам (для определённых категорий осуждённых, например, осуждённых за преступления в сфере экономической деятельности; за преступления средней и небольшой тяжести);

– принятие на федеральном уровне закона о квотировании рабочих мест для бывших осуждённых (документ должен устанавливать налоговые льготы для работодателей, а также обязательность участия в системе квотирования предприятий, находящихся в государственной собственности).

Именно названные мероприятия, на наш взгляд, в большей степени будут способствовать социализации осуждённых и восстановлению социальных связей в постпенитенциарный период.

Список источников

1. Шамсунов С. Х., Егоров В. А., Корнев А. С., Новиков А. В. Постпенитенциарный период как эффективный механизм в социальной адаптации осуждённых // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 6А. С. 102–110. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012.

2. Городнянская В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 105–108.

3. Филиппова О. В., Садовникова М. Н. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная преступность: понятие и криминологическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 76–80.

4. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 247 с.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. Раздел «Состояние преступности». URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>.

6. Черкесова А. Большую часть преступников в РФ в 2022 году составили рецидивисты // Профиль: еженедельный журнал. 2022. 30 августа. URL: <https://profile.ru/news/society/osnovnymi-prestupnikami-v-rf-priznany-recidivisty-i-ljudi-bez-postoyannogo-dohoda-1152049/>.

7. В РФ становится меньше рецидивистов // Информационный портал Право.ру. 2022. 19 апреля. URL: <https://pravo.ru/news/240437/>.

8. За что чаще всего отправляли в колонию в первом полугодии 2021-го. Инфографика // Информационный портал Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/235910/>.

9. Чигринец Е. А. Опыт зарубежных стран по ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 108–110.

10. Чигринец Е. А. Положительные и отрицательные примеры действий, оказывающих влияние на ресоциализацию и социальную реабилитацию осуждённых: США, Германия, Нидерланды // Право и современные государства. 2019. № 2. С. 28–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2019.2.4>.

11. Алексеева Е. С. Институт подготовки к освобождению из мест лишения свободы в пенитенциарных системах стран Скандинавии: особенности формирования и современное состояние // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 4. С. 33–36. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-33-36.

12. Режапова И. М., Заборовская Ю. М. Сравнительно-правовой анализ государственных и муниципальных программ по социальной адаптации лиц, освобождённых из учреждений уголовно-исполнительной системы, в России и США // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 55–58. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-55-58.

13. Хикматзода Дж. У. Криминологическая характеристика рецидива преступления // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2016. № 3 (31). С. 138–144.

14. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru; Собрание законодательства Российской Федерации. 17 мая 2021 г. № 20 ст. 3397.

15. О пробации в Российской Федерации: текст законопроекта (представлен Минюстом РФ на общественное обсуждение). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#pra=126333>.

16. О пробации в Российской Федерации (в части введения в правовую систему института пробации): законопроект № 232770-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8>.

17. Старинов Г. П., Цевелева И. В. Правовая характеристика института пробации в общей структуре социальной защиты прав осуждённого // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5 (1). С. 131–136.

18. Тугельбаева Б. Г., Тыныбеков Н. Т. Криминологический рецидив: особенности личности преступника // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 15–24. DOI: 10.31085/2310-8681-2018-2-15-24.

References

1. Shamsunov S. Kh., Egorov V. A., Kornev A. S., Novikov A. V. Postpenitentsiarnyi period kak effektivnyi mekhanizm v sotsial'noi adaptatsii osuzhdennykh [Post-penitentiary period as an effective mechanism in the social adaptation of convicts]. *Vo-prosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2021, vol. 11, no. 6A, pp. 102–110. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012. (In Russ.).

2. Gorodnyanskaya V. V. Struktura retsidivnoi prestupnosti (postpenitentsiarnyi retsidiv) [The structure of recidivism (post-penitentiary recidivism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 335, pp. 105–108. (In Russ.).

3. Filippova O. V., Sadovnikova M. N. Penitentsiarnyi retsivid i penitentsiarnaya prestupnost': ponyatie i kriminologicheskaya kharakteristika [Penitentiary recidivism and penitentiary crime: concept and criminological characteristics]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2017, no. 2 (77), pp. 76–80. (In Russ.).
4. Gorodnyanskaya V. V. Postpenitentsiarnyi retsivid [Post-penitentiary recidivism]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Tomsk, 2011. 247 p. (In Russ.).
5. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2021. *Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section «State of Crime»*. URL: <https://mvd.rf/reports/item/28021552/>. (In Russ.).
6. Cherkesova A. Bol'shuyu chast' prestupnikov v RF v 2022 godu sostavili retsividisty [Most of the criminals in the Russian Federation in 2022 were recidivists]. *Profil': ezhenedel'nyi zhurnal*, 2022, August 30. URL: <https://profile.ru/news/society/osnovnymi-prestupnikami-v-rf-priznany-recidivisty-i-ljudi-bez-postoyannogo-dohoda-1152049/>. (In Russ.).
7. There are fewer repeat offenders in the Russian Federation. *Information portal Pravo.ru*, 2022, April 19. URL: <https://pravo.ru/news/240437/>. (In Russ.).
8. For what they were most often sent to a colony in the first half of 2021. Infographics. *Information portal Pravo.ru*. URL: <https://pravo.ru/news/235910/>. (In Russ.).
9. Chigrinets E. A. Opyt zarubezhnykh stran po resotsializatsii i sotsial'noi adaptatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Experience of foreign countries on resocialization and social adaptation of convicts to deprivation of liberty]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, no. 7 (175), pp. 108–110. (In Russ.).
10. Chigrinets E. A. Polozhitel'nye i otritsatel'nye primery deistvii, okazyvayushchikh vliyanie na resotsializatsiyu i sotsial'nuyu reabilitatsiyu osuzhdennykh: SShA, Germaniya, Niderlandy [Positive and negative examples of actions influencing the resocialization and social rehabilitation of convicts: the USA, Germany, the Netherlands]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2019, no. 2, pp. 28–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2019.2.4>. (In Russ.).
11. Alekseeva E. S. Institut podgotovki k osvobozhdeniyu iz mest lisheniya svobody v penitentsiarnykh sistemakh stran Skandinavii: osobennosti formirovaniya i sovremennoe sostoyanie [Institute for preparation for release from places of deprivation of liberty in the penitentiary systems of the Scandinavian countries: features of formation and the current state]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2020, no. 4, pp. 33–36. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-33-36. (In Russ.).
12. Rezhapova I. M., Zaborovskaya Yu. M. Sravnitel'no-pravovoi analiz gosudarstvennykh i munitsipal'nykh programm po sotsial'noi adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, v Rossii i SShA [Comparative legal analysis of state and municipal programs for the social adaptation of persons released from institutions of the penitentiary system in Russia and the USA]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 9, pp. 55–58. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-55-58. (In Russ.).

13. Hikmatzoda J. U. Kriminologicheskaya kharakteristika retsidiva prestupleniya [Criminological characteristics of the recidivism of the crime]. Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhiqistan, 2016, no. 3 (31), pp. 138–144. (In Russ.).

14. Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030. *Official Internet portal of legal information*. URL: www.pravo.gov.ru; *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2021, May 17, no. 20, art. 3397. (In Russ.).

15. On probation in the Russian Federation: the text of the bill (submitted by the Ministry of Justice of the Russian Federation for public discussion). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=126333>. (In Russ.).

16. Draft Law No. 232770-8 «On Probation in the Russian Federation». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8>. (In Russ.).

17. Starinov G. P., Tseveleva I. V. Pravovaya kharakteristika instituta probatsii v obshchei strukture sotsial'noi zashchity prav osuzhdenного [Legal characteristics of the institution of probation in the general structure of social protection of the rights of the convict]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, no. 5 (1), pp. 131–136. (In Russ.).

18. Tugelbaeva B. G., Tynybekov N. T. Kriminologicheskii retsidiv: osobennosti lichnosti prestupnika [Criminological relapse: personality traits of the offender]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2018, no. 2, pp. 15–24. DOI: 10.31085/2310-8681-2018-2-15-24. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. В. Филоненко – кандидат юридических наук, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного Юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

T. V. Filonenko – Candidate of Law, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Counselor of Justice, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 22.10.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 22.10.2022.

Научная статья

УДК 341.48:504

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/136-148>

ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКОЦИДА В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Дмитрий Владимирович Лобач¹, Евгения Анатольевна Углова²

^{1, 2} Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Владивосток, Россия

¹dimaved85@mail.ru

²vladivostok200@mail.ru

Аннотация. По мере роста темпов экономического развития и трансформации хозяйственных отношений наблюдаются негативные процессы, приводящие к деградации экологических систем и выражающиеся в изменении климатических условий, истощении озонового слоя, нехватке пресной воды, сокращении биологического разнообразия, загрязнении атмосферного воздуха, пандемиях и стихийных бедствиях. В свою очередь, деградация экологических систем актуализирует признание благоприятной окружающей среды в качестве права третьего поколения. Признание природной среды в качестве самостоятельного объекта международно-правовой охраны закономерно образом обозначило постановку вопроса о выработке механизма реализации правовой ответственности за совершение деяний, посягающих на окружающую среду или её элементы. В статье исследуется правовая природа экоцида в контексте анализа Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 г. В рамках ретроспективного анализа изучаются предложения о криминализации экоцида в практике международных отношений, а также экоцид рассматривается в контексте других международных преступлений и как возможное преступление, подпадающее под юрисдикцию Международного уголовного суда (МУС). В заключение делается вывод о том, что в международном праве деструктивное воздействие на природную среду подвержено политико-правовому осуждению и запрещению в рамках конвенционных обязательств, однако в то же время в практике международных отношений возникли условия для перспективной криминализации экоцида в качестве международного преступления, подпадающего под универсальную юрисдикцию.

¹ © Лобач Д. В., Углова Е. А., 2022

Ключевые слова: экоцид, международные преступления, геноцид, военные преступления, экологическая безопасность, Международный уголовный суд, акт агрессии, международная ответственность.

Для цитирования: Лобач Д. В., Углова Е. А. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 136–148. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/136-148>

Original article

PROSPECTS FOR CRIMINALIZATION OF ECOCIDE IN THE PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Dmitry V. Lobach¹, Evgeniya A. Uglova²

^{1,2} Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

¹dimaved85@mail.ru

²vladivostok200@mail.ru

Abstract. Increased pace of economic development and transformation of economic relations result in negative processes lead to the degradation of ecological systems, expressed in changing climatic conditions, depletion of the ozone layer, lack of fresh water, reduction of biological diversity, air pollution, pandemics and natural disasters. In turn, the degradation of ecological systems actualizes the recognition of a favorable environment as a right of the third generation. Recognition of the natural environment as an independent object of international legal protection naturally resulted in the formulation of the issue of developing a mechanism for implementation of legal responsibility for committing acts that encroach on the environment or its elements. The article examines the legal nature of ecocide in the context of analysis of the Convention on the Prohibition of Military or Any Other Hostile Use of Means of Influencing the Environment of December 10, 1976. As part of retrospective analysis, proposals for the criminalization of ecocide in the practice of international relations are studied, as well as ecocide is considered in the context of other international crimes and as a possible crime under the jurisdiction of the International Criminal Court. It is concluded that in international law the destructive impact on the natural environment is subject to political and legal condemnation and prohibition within the framework of convention obligations; however, at the same time, in the practice of international relations, conditions have arisen for the prospective criminalization of ecocide as an international crime falling under universal jurisdiction.

Keywords: ecocide, international crimes, genocide, war crimes, environmental security, International Criminal Court, act of aggression, international responsibility.

For citation: Lobach D. V., Uglova E. A. Prospects for criminalization of ecocide in the practice of international relations // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 136–148. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/136-148>

Введение. По мере роста темпов экономического развития, трансформации хозяйственных отношений, сопровождаемой активным внедрением в экономику результатов научно-технического прогресса, наблюдаются негативные процессы, приводящие к деградации экологических систем, что актуализирует признание благоприятной окружающей среды в качестве права третьего поколения. В свою очередь, указанное право, воспринимаемое на международном уровне в качестве общечеловеческого (универсального) политико-правового блага, обуславливает интенсивную правотворческую работу в практике международных отношений по созданию и последующему развитию специального нормативно-правового механизма, включающего в себя всю совокупность конвенционных норм, регулирующих отношения в сфере обеспечения допустимого и безопасного взаимодействия с окружающей средой, а также направленных на создание условий для поддержания оптимального состояния такой среды. Так, по данным Организации Объединенных Наций в период с 1958 г. по 2015 г. на международном уровне было принято более 50 международных конвенционных документов и ещё больше актов так называемого «мягкого права» [1]. Из анализа содержания международных документов следует, что длительное и негативное воздействие на окружающую среду приводит к изменению климатических условий, истощению озонового слоя, нехватке пресной воды, сокращению биологического разнообразия, загрязнению атмосферного воздуха, пандемиям и стихийным бедствиям. Признание окружающей среды в качестве самостоятельного объекта международно-правовой охраны закономерным образом обозначило постановку вопроса о выработке механизма реализации правовой ответственности за совершение деяний, посягающих на окружающую среду или её элементы. В силу регулятивного действия международного принципа *pacta sunt servanda* (с латинского «договоры должны соблюдаться») обязательства, вытекающие из международных договоров, должны выполняться в полном объёме, в противном случае государства как субъекты международного права могут нести международно-правовую ответственность. В то же время международно-правовая ответственность государств за нарушение норм международного экологического права не исключает вопроса о возможном привлечении физического лица к международной уголовной ответственности за наиболее тяжкие деяния против окружающей среды, вызывающие глубокие,

стойкие и зачастую необратимые последствия для неё, которые получили более широкую известность как экоцид [2, р. 29].

1. *Правовая природа экоцида.* Основным международно-правовым документом в области защиты окружающей среды является Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. (принята 10.12.1976 Резолюцией 31/72 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [3] была подписана и ратифицирована всеми государствами (далее – Конвенция).

В документе содержится норма, обязывающая государства не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьёзные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству. Кроме того, в рамках данной Конвенции государства обязуются не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, связанной с враждебным использованием средств воздействия на природную среду.

Экоцид в рамках рассматриваемой Конвенции не определяется как международное преступление, подпадающее под универсальную юрисдикцию, наравне с геноцидом или преступлениями против человечности, так как в документе отсутствуют нормы, криминализирующие это деяние. По этой причине экоцид, криминализованный в национальном законодательстве отдельных стран в качестве преступлений против мира и безопасности человечества, с позиции природы международных норм, имплементированных в уголовное законодательство отдельных стран, является только международным неокриминальным деянием, под которым понимаются такие деяния, которые подвержены только политико-правовому осуждению и запрещению, но при этом они не были криминализованы в международном уголовном праве.

В отличие от Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., в указанной Конвенции объективная сторона экоцида охватывает не только военные цели использования средств воздействия на природную среду, но и любые иные враждебные использования средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьёзные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. Кроме того, если в Дополнительном протоколе в качестве потерпевшего выступает только население, то в Конвенции акцент сделан на причинение вреда другому государству-участнику. Таким образом, конвенционный механизм противодействия экоциду ограничивается исключительно интересами тех государств, которые отвечают по обязательствам, взятым на себя в рамках данной конвенции.

2. *Исторический обзор предложений о криминализации экоцида в качестве международного преступления.* В юридической доктрине экоцид определяется как международное военное преступление, посягающее на окружающую среду. Такое понимание правовой природы деяния во многом обусловлено событиями на мировой арене, связанными с применением армией США химического оружия против флоры и фауны во время войны во Вьетнаме, когда США использовали беспрецедентное по масштабу и интенсивности химическое оружие (гербициды и дефолианты) против природной среды Вьетнама в условиях вооруженного конфликта.

Термин «экоцид» как недопустимое с позиции международного права деяние впервые был использован в 1970-х годах. Действия США во Вьетнаме, связанные с умышленным разрушением окружающей среды, вызвали научные дискуссии в академической среде и политический резонанс в практике международных отношений. В 1970 г. профессор А. В. Галстон выступил на конференции по войне и национальной ответственности, где предложил проект соглашения о запрете экоцида [4]. В своём выступлении учёный отметил, что Нюрнбергский процесс осудил главных военных преступников за совершение бесчеловечных деяний, выраженных в уничтожении целых народов и их культуры, что составило преступление против человечности. В этой связи преднамеренное и постоянное разрушение окружающей среды, являющейся необходимым условием для жизни человека, а также существования и развития демографических групп, тоже должно быть признано в качестве преступления против человечности. Профессор также отметил, что именно Организация Объединенных Наций должна выступить с предложением о запрещении экоцида. Не без интереса будет отметить тот факт, что признание гербицидной войны в качестве противоправного явления, определяемого как экоцид, не исключает правомерность добычи природных ресурсов, даже если такая добыча приведет к нарушению экологической системы. В 1971 г. профессор Х. В. Петтигрю в своей статье «Конституционное право на свободу от экоцида» доказывает, что право на благоприятную окружающую среду не совместимо с экоцидом, который посягает на коллективное право на благоприятную окружающую среду [5, р. 5–24].

В июне 1972 г. представители 113 стран собрались на первой в истории крупной конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме (более известной как Стокгольмская конференция). На конференции было отмечено, что благоприятная окружающая среда как условие жизни, развития и благополучия человека является всеобщим благом, поэтому огромные разрушения, вызванные неизбирательными бомбардировками, широкомасштабным использованием бульдозеров и применением гербицидов, должны квалифицироваться как экоцид, который требует внимания со стороны международного сообщества. Во время конференции было проведено множество неофициальных параллельных мероприятий, в том числе «Народный

саммит». На этом саммите участники обсудили проект Конвенции об экоциде [2, р. 10–11].

В 1973 г. профессор Р. А. Фальк опубликовал проект международной Конвенции о преступлении экоцида [6]. В проекте конвенции было определено, что экоцид независимо от того, совершен ли он в мирное или военное время, является преступлением по международному праву, которое государства обязуются предотвращать и наказывать. Этот проект не содержал дефиниции преступления экоцида, но в нём были перечислены деяния, составляющие объективную сторону преступления. В проекте Конвенции закреплено, что любые из следующих действий являются противоправными, если они совершаются с намерением нарушить или уничтожить, полностью или частично, экосистему: а) применение оружия массового поражения (ядерное, бактериологическое, химическое или другое); б) использование химических гербицидов для дефолиации и обезлесения естественных лесов в военных целях; в) применение бомб и артиллерии в таком количестве, плотности или размере, что приводит к ухудшению качества почвы или повышает вероятность заболеваний, опасных для людей, животных или сельскохозяйственных культур; г) использование бульдозерного оборудования для уничтожения больших массивов лесов или пахотных земель для военных нужд; д) использование методов в качестве инструмента войны, предназначенных для изменения климатических условий (принудительное регулирование выпадения осадков); е) принудительное перемещение людей или животных из их привычных мест обитания в целях развития военно-промышленной инфраструктуры [6, р. 21–24]. В ст. 3 указанного документа также предлагалось наказывать сговор с целью экоцида, прямое и публичное подстрекательство к экоциду, покушение на экоцид и соучастие в нем. В качестве субъектов преступления экоцида документ определял высших государственных должностных лиц, государственных служащих, военачальников, а также частных лиц, ответственных за совершение действий, составляющих преступление экоцида. В ст. 6 данного проекта было закреплено, что договаривающиеся стороны должны разработать необходимое законодательство и предусмотреть эффективные меры наказания для лиц, виновных в экоциде или любом из связанных с ним преступлений. Кроме того, было закреплено положение, устанавливающее требование об экстрадиции лиц, ответственных за совершение экоцида. При этом для целей реализации правил об экстрадиции было определено, что экоцид не должен рассматриваться как политическое преступление, а как следствие – государства обязуются в таких случаях осуществлять выдачу в соответствии со своими законами и действующими договорами.

В период с 1984 г. по 1986 г. Комиссия международного права ООН рассматривала вопрос о возможном юридическом признании ущерба окружающей среде в качестве международного преступления. В ходе обсуждений возникли дискуссии

относительно формы вины. Представители отдельных стран настаивали на том, что умышленная форма вины не должна рассматриваться как главный признак преступления экоцида. Такая позиция на тот момент объяснялась стремлением государств и корпораций к получению максимальной прибыли при эксплуатации природных ресурсов. В сущности, была актуализирована проблема отграничения правомерной эксплуатации природной среды, включая добычу природных ресурсов, от умышленных действий, направленных на причинение значительного и невосполнимого ущерба окружающей среде.

В 1991 г. Комиссия международного права разработала проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В проекте Кодекса была предусмотрена ответственность за 12 преступлений, посягающих на мир и безопасность человечества. В ст. 26 проекта Кодекса предусмотрена ответственность за преднамеренный и серьёзный ущерб окружающей среде. Объективная сторона данного преступления заключается в преднамеренном непосредственном или через отдачу приказа причинении обширного, долговременного и серьёзного ущерба природной окружающей среде.

3. *Экоцид в контексте других международных преступлений.* В юридической доктрине экоцид определяется как международное военное преступление, посягающее на окружающую среду. Такое понимание правовой природы деяния во многом обусловлено событиями на мировой арене, связанными с применением армией США химического оружия против флоры и фауны во время войны во Вьетнаме.

Рассматривая экоцид как разновидность военного преступления, в научной литературе отмечается, что такое деяние может выражаться в трёх формах: геофизическая война, метеорологическая война, широкое применение оружия массового уничтожения. Геофизическая война представляет собой принудительное стимулирование вулканической активности, разрушение озонового слоя, стимулирование землетрясений и другие действия, направленные на изменение динамики, структуры и состава нашей планеты. Метеорологическая война связана с принудительным воздействием на атмосферные процессы для того, чтобы вызвать обильные осадки, бури, ураганы, цунами и другие аномальные явления. Широкое применение оружия массового уничтожения заключается в использовании современных и потенциально возможных вооружений неизбирательного действия, наносящих серьёзный ущерб окружающей среде, способный вызвать необратимые негативные последствия [7, с. 62].

Экоцид как разновидность военного преступления также подтверждается в международном гуманитарном праве. Так, в ч. 3 ст. 35 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьёз-

ёзный ущерб природной среде. В ст. 55 этого же документа определено, что при ведении военных действий противоборствующие стороны должны проявлять заботу о защите природной среды от обширного, долговременного и серьёзного ущерба, в связи с чем запрещается использовать методы и средства ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде. При этом в указанной норме отмечается связь между причинением ущерба окружающей среде и нанесением вреда населению.

Экоцид также можно рассматривать как проявление геноцида. В соответствии с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. геноцид представляет собой действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую путем убийства членов такой группы; причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; применение мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Способ осуществления геноцида, выраженный в создании жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное её физическое уничтожение, может также выражаться в оказании негативного воздействия на природную среду, в которой проживает расовая, религиозная, этническая или национальная группа. Природная (окружающая) среда является естественным условием для жизнедеятельности соответствующей группы, поэтому воздействие на такую среду при определённых условиях (интенсивность, характер, масштабы) может неминуемо приводить к угасанию демографической группы вплоть до её распада или физического исчезновения. Учитывая тот факт, что создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение соответствующей демографической группы, как способ геноцида является организованным и спланированным умышленным поведением, то действия, связанные с умышленным уничтожением природной среды, стоит признать как часть геноцида. В такой ситуации «геноцидальная» цель, являясь конститутивным признаком преступления геноцида, заключается в стремлении виновного лица к полному или частичному уничтожению представителей определённой идентифицируемой группы (расовая, религиозная, национальная и этническая) именно по причине их принадлежности к такой группе (стремление уничтожить группу, а не индивидуальную жертву). Реализация такой цели, как правило, выражается при совершении деяний, составляющих объективную сторону геноцида [8, с. 10–11].

Вместе с тем в академической среде отмечается, что рассмотрение экоцида через геноцид следует признать неприемлемым, поскольку это приводит к искажению

сущности геноцида. В этом аспекте возникает вероятная ситуация правовой редукции содержания геноцида, так как неправомерная и чрезмерная эксплуатация природной среды и её загрязнение фактически могут приравняться к геноциду.

С определённой долей условности экоцид можно также рассматривать в контексте преступления агрессии [9, с. 131]. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г. даётся легальное определение агрессии и приводится перечень актов, составляющих это преступление. Причинение серьёзного, широкомасштабного или долговременного ущерба окружающей среде не рассматривается в рамках этой резолюции в качестве акта агрессии. В резолюции говорится исключительно о традиционном применении вооружённой силы. Однако современные реалии геополитического противостояния свидетельствуют о новых формах агрессивной политики в отношении других государств. Например, в современных условиях перманентного состояния международного геополитического конфликта используются различные стратегии, тактики, технологии и инструменты в целях дискредитации и перспективного свержения или изменения политических режимов других государств. В этом аспекте нельзя исключать возможность использования новых или перспективных видов вооружения, связанных с использованием биологического, химического, климатического и других видов оружия, способных оказывать негативное воздействие на окружающую природную среду. Такая ситуация тем более является допустимой, поскольку в соответствии со ст. 4 данной резолюции Совет Безопасности ООН в пределах своих дискреционных полномочий может определить, что и другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава ООН.

4. *Экоцид как вероятное и возможное международное преступление, подпадающее под юрисдикцию Международного уголовного суда.* Римский статут МУС, принятый 17 июля 1998 г. и вступивший в силу четыре года спустя, 1 июля 2002 г., упоминает окружающую среду только в контексте военных преступлений [10]. Так, в п. «b» (iv) ч. 2 ст. 8 Римского статута МУС определено, что к военным преступлениям относятся нападения, которые могут не только стать причиной случайной гибели или увечий гражданских лиц, но и причинить обширный, долгосрочный и серьёзный ущерб окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством.

Постановка вопроса о необходимости криминализации экоцида как международного преступления предполагает расширение традиционной группы международных преступлений (*core crime*), отраженных в Римском статуте Международного уголовного суда. 15 сентября 2016 г. Прокурор Международного уголовного суда опубликовал программный документ по отбору дел и установлению приоритетов, в котором подчеркивается возможная роль МУС в судебном преследовании за ущерб окружающей среде, незаконную добычу природных ресурсов, эксплуатацию

и захват земель, совершённых в связи с каким-либо из преступлений, подпадающих под юрисдикцию Римского статута МУС. Это не первая инициатива для обсуждения вопроса о возможной криминализации экоцида в качестве пятого международного преступления. Еще в 2010 г. Комиссией ООН по правовым вопросам было предложено рассмотреть авторское проектное определение экоцида, под которым предлагалось понимать значительный ущерб окружающей среде или разрушение экосистемы (экосистем) на определённой территории, совершённые по вине человека или по другим причинам, до такой степени, что мирное существование жителей на этой территории было или будет серьёзно сокращено [11, р. 180].

В конце 2020 г. Фонд «Остановить экоцид» созвал Независимую экспертную группу по юридическому определению экоцида, в состав которой вошли двенадцать видных юристов, обладающих разным опытом и знаниями в области уголовного, экологического и климатического права. Экспертная группа внесла рекомендацию добавить экоцид в качестве нового преступления в Римский статут МУС и предложила следующие поправки [12, с. 13–14]. Во-первых, было предложено дополнить преамбулу Римского статута МУС положением следующего содержания: «...будучи обеспокоены тем, что окружающей среде ежедневно угрожают серьёзные разрушения и ухудшения состояния, создающие серьёзную опасность для природных и антропогенных систем во всем мире». Во-вторых, предлагается расширить группу преступлений, охватываемых ст. 5 Римского статута МУС, за счёт включения в неё преступления экоцида. В-третьих, Римский статут МУС рекомендуется дополнить ст. 8 *ter*, определяющей преступление экоцида. В соответствии с предложенной нормой «экоцид» означает незаконные или необоснованные действия, совершаемые с осознанием того, что существует значительная вероятность серьёзного и широкомасштабного или долговременного ущерба окружающей среде, причиняемого этими действиями. В части второй этой статьи раскрываются основные конститутивные признаки данного преступления. В частности, понятие «необоснованный» означает безрассудное (безответственное) пренебрежение к ущербу окружающей среде, который был бы явно чрезмерным по сравнению с ожидаемыми социальными и экономическими выгодами; критерий «серьёзный» означает ущерб, который влечёт за собой существенные неблагоприятные изменения, нарушения или причинение вреда любому элементу окружающей среды, включая серьёзное воздействие на жизнь человека или природные, культурные или экономические ресурсы; понятие «широкомасштабный» означает ущерб, который выходит за пределы ограниченного географического района или за пределы государственных границ, а равно такой ущерб, от которого страдает вся экосистема или её часть, или же большое количество людей; признак «долгосрочный» означает ущерб, который является необратимым или который не может быть устранен путём естественного восстановления в течение разумного периода; понятие «окружающая

среда» означает землю, её биосферу, криосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу, а также космическое пространство.

Заключение. В завершение следует отметить, что в международном праве деструктивное воздействие на природную среду подвержено политико-правовому осуждению и запрещению в рамках конвенционных обязательств. В то же время в практике международных отношений возникли условия для перспективной криминализации экоцида в качестве международного преступления, подпадающего под универсальную юрисдикцию. Неправомерное деструктивное воздействие на природную среду, имеющее широкие, долгосрочные и серьёзные последствия, также может быть квалифицировано как часть военных преступлений (в рамках действия Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.), проявления геноцида (в контексте действия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г.) и, при определённых условиях, как акт агрессии, в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г.

Список источников

1. Окружающая среда. Конвенции и соглашения // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_environment.shtml.
2. Greene A. The Campaign to Make Ecocide an International Crime: Quixotic Quest or Moral Imperative? // *Fordham Environmental Law Review*. 2019. Vol. 3, no. 3. P. 1–48.
3. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml.
4. Ecocide is the missing 5th Crime Against Peace : A report // *Semanticscholar* / A. Gauger, M. P. Rabatel-Fernel, L. Kulbicki, D. Short, P. Higgins. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Ecocide-is-the-missing-5th-Crime-Against-Peace-Gauger-Rabatel-Fernel/1fb5d801b259cdf80541206b97d738cf5521e7d6>.
5. Pettigrew H. W. A constitutional right of freedom from ecocide // *Environmental Law*. 1971. Vol. 2, no. 1. P. 1–41.
6. Falk R. A. Environmental warfare and ecocide facts, appraisal and proposals // *Belgian Review of International Law*. 1973. Vol. 9. P. 1–27.
7. Панов В. П. Международное уголовное право: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 320 с.
8. Мартиросян А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2014. 26 с.

9. Международное уголовное право: учебное пособие / под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1999. 264 с.

10. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf).

11. Pereira R. After the ICC office of the prosecutor's 2016 policy paper on case selection and prioritisation: towards an international crime of ecocide? // *Criminal Law Forum*. 2020. No. 31. P. 179–224.

12. Chiarini G. Ecocide and international criminal court procedural issues: additional amendments to the «Stop Ecocide Foundation» proposal // *Centre for Criminal Justice & Human Rights (CCJHR). Working Paper Series*. 2021. No. 15. P. 1–28.

References

1. Environment. Conventions and agreements. *Official website of the United Nations*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_environment.shtml. (In Russ.).

2. Greene A. The Campaign to Make Ecocide an International Crime: Quixotic Quest or Moral Imperative? *Fordham Environmental Law Review*, 2019, vol. 30, no. 3, pp. 1–48.

3. Convention on the Prohibition of Military or Any Other Hostile Use of Means of Influencing the Environment of 1976. *Official website of the United Nations*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml. (In Russ.).

4. Gauger A., Rabatel-Fernel M. P., Kulbicki L., Short D., Higgins P. Ecocide is the missing 5th Crime Against Peace: A report. *Semanticscholar*. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Ecocide-is-the-missing-5th-Crime-Against-Peace-Gauger-Rabatel-Fernel/1fb5d801b259cdf80541206b97d738cf5521e7d6>.

5. Pettigrew H. W. A constitutional right of freedom from ecocide. *Environmental Law*, 1971, vol. 2, no. 1 pp. 1–41.

6. Falk R. A. Environmental warfare and ecocide facts, appraisal and proposals. *Belgian Review of International Law*, 1973, vol. 9, pp. 1–27.

7. Panov V. P. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: uchebnoe posobie* [International criminal law. Tutorial]. Moscow: INFRA-M Publ., 1997. 320 p. (In Russ.).

8. Martirosyan A. S. *Genotsid v resheniyakh sovremennykh mezhdunarodnykh tribunyalov* [Genocide in the decisions of modern international tribunals]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Krasnodar, 2014. 26 p. (In Russ.).

9. Kudryavtseva V. N. (ed.). *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: uchebnoe posobie* [International criminal law: textbook]. 2nd ed., revised and additional. Moscow: Nauka Publ., 1999. 264 p. (In Russ.).

10. Rome Statute of the International Criminal Court of 1998. *Official website of the United Nations*. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf). (In Russ.).

11. Pereira R. After the ICC office of the prosecutor's 2016 policy paper on case selection and prioritization: towards an international crime of ecocide? *Criminal Law Forum*, 2020, no. 31, pp. 179–224.

12. Chiarini G. Ecocide and international criminal court procedural issues: additional amendments to the «Stop Ecocide Foundation» proposal. *Center for Criminal Justice & Human Rights (CCJHR). Working Paper Series*, 2021, no. 15, pp. 1–28.

Информация об авторах

Д. В. Лобач – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Е. А. Углова – начальник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, г. Владивосток, Россия.

Information about authors

D. V. Lobach – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

E. A. Uglova – Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 13.11.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 13.11.2022; accepted for publication 16.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 149–159.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 149–159.

Научная статья

УДК 347.51(597)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/149-159>

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСЛОВИЙ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВЬЕТНАМА***

Нгуен Куанг Хюу

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия,

Kekip1994.hlu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2333-1286>

Аннотация. В статье исследуется проблема определения условий возникновения ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности (ИПО) с точки зрения теории и практики правоприменения. Для достижения этих целей автор поставил следующие задачи: уточнить мнение вьетнамских цивилистов об условиях возникновения рассматриваемой ответственности, выяснить точки зрения судов при разрешении дел, связанных с возложением обязанности по возмещению вреда владельцем источника повышенной опасности. Материалы исследования основаны на доктринальных источниках учёных Вьетнама и постановлений народных судов Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). Результаты исследования показывают, что во Вьетнаме при определении условий возникновения ответственности за причинение вреда ИПО существует два противоположных мнения между учёными и судами. Согласно мнению вьетнамских учёных, одним из условий для привлечения владельца ИПО к ответственности является фактор причинения вреда действием источника повышенной опасности, однако на практике суды выражают своё мнение о том, что вред должен быть возмещён владельцем ИПО, когда он своим противоправным действием причиняет вред другому. Автором поддерживается позиция судов и обосновывается мнение о том, что противоправное действие владельца ИПО является одним из условий возникновения ответственности за причинение вреда ИПО.

* © Нгуен Куанг Хюу, 2022

Ключевые слова: условия возникновения ответственности, деликтная ответственность, противоправное действие, владелец ИПО, действие ИПО, гражданско-правовая наука Вьетнама.

Для цитирования: Нгуен Куанг Хюи. Проблема определения условий гражданско-правовой ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности в цивилистической науке Вьетнама // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 149–159. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/149-159>

Original article

THE PROBLEM OF DETERMINING THE CONDITIONS OF CIVIL LEGAL RESPONSIBILITY FOR CAUSE OF HARM BY A SOURCE OF INCREASED DANGER IN THE CIVIL SCIENCE OF VIETNAM

Nguyen Quang Huy

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, Kekip1994.hlu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2333-1286>

Abstract: The article investigates and analyzes the problem in determining the conditions for the emergence of liability for causing harm by a source of increased danger from the point of view of the theory and practice of law enforcement. To achieve these goals, the author has set the following tasks: to clarify the opinion of Vietnamese civil lawyers on the conditions for the emergence of the liability in question, to find out the points of view of the courts in resolving cases related to imposing the obligation to compensate for harm by the owner of a source of increased danger. The research materials are based on the doctrinal sources of Vietnamese scientists and the decisions of the people's courts of the Socialist Republic of Vietnam. The results of the study show that, when determining the conditions for liability for causing harm by a source of increased danger, there are two opposing opinions between scientists and courts in Vietnam. According to the opinion of Vietnamese scientists, one of the conditions for holding the owner of a source of increased danger liable is the factor of causing harm by the action of a source of increased danger, however, in practice, the courts express their opinion that the harm must be compensated by the owner of a source of increased danger when he, by his illegal action harms other person. The author supports the position of courts and substantiates the opinion that the illegal action of the owner of a source of increased danger is one of the conditions for liability for causing harm by a source of increased danger.

Key words: conditions for the emergence of liability, tort liability, unlawful act, owner of a source of increased danger, action of a source of increased danger, Vietnamese civil science.

For citation: Nguyen Quang Huy. The problem of determining the conditions of civil legal responsibility for cause of harm by a source of increased danger in the civil science of Vietnam // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 149–159. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/149-159>

Введение

Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности возникает при наличии основания и определенных условий, которые являются ориентиром, с помощью которого суд разрешает вопрос о привлечении владельца источника повышенной опасности, причинившего вред, к обязанности по возмещению вреда потерпевшему.

Причинение вреда является основанием возникновения ответственности за причинение вреда ИПО, поскольку гражданская ответственность отражает отношение между причинителем (владельцем источника повышенной опасности) и потерпевшим. Её главная цель представляет собой восстановление нарушенного права. Последствие данного нарушения выражается в наличии у потерпевшего причинённого ему вреда. Под условиями ответственности за причинение вреда ИПО понимаются установленные законом требования, характеризующие основание данной ответственности и необходимые для применения указанных мер защиты нарушенных прав и интересов потерпевшего путём возложения на ответственного лица обязанности по возмещению вреда. К ним относятся противоправное действие причинителя вреда, причинная связь между данным действием и наступившим вредом, вина причинителя (необязательное условие). Однако в цивилистической науке Вьетнама большинство учёных считают, что особенностью ответственности за причинение вреда ИПО является то, что вред был причинён действием самого источника повышенной опасности. То есть вместо противоправного действия владельца ИПО действие источника повышенной опасности представляет собой решающее условие, наличие которого может привлечь владельца ИПО к обязательству по возмещению вреда. В рамках данной статьи вышеуказанное утверждение вьетнамских цивилистов исследуется и анализируется автором не только с теоретической точки зрения, но и с точки зрения судебной практики.

Основная часть исследования

В цивилистической науке Вьетнама вопрос об условиях гражданско-правовой ответственности за причинение вреда ИПО стал предметом многих исследований вьетнамских авторов. Результат данных исследований показывает, что большин-

ство вьетнамских авторов поддерживают позицию о том, что вред, причинённый потерпевшему, должен быть возмещён владельцем ИПО в порядке, предусмотренном ст. 601 ГК СРВ 2015 г. [1], только когда вред был вызван действием самого источника повышенной опасности.

Профессор Т. Х. Й. Ву Ханойского юридического университета при исследовании вопроса об ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности утверждает, что одним из условий этой ответственности является факт причинения вреда действием такого источника [2, с. 121]. В случае, когда причинение вреда в результате действия ИПО является полностью самостоятельным и неподконтрольным человеку, имеет место применение мер ответственности за причинение вреда ИПО для решения вопроса о возмещении данного вреда, например: у автомобиля, движущегося на высокой скорости, внезапно отказывают тормоза, и водитель теряет управление либо лопается шина колеса, что приводит к повреждению; при пожаре происходит короткое замыкание линии электропередачи; при пожаре или взрыве на заводе повреждения возникают из-за технических неполадок и т. д. [2, с. 123].

Хоанг Дао выражает свою точку зрения о том, что «по сравнению с внедоговорной ответственностью в целом особенность ответственности за причинение вреда ИПО проявляется в том, что данная ответственность возникает не вследствие действий собственника, владельца, пользователей такого источника, а именно вследствие действий самого источника» [3]. В дальнейшем он отмечает, что при определении рассматриваемой ответственности необходимо различать причинение вреда действием ИПО и противоправным поведением человека, связанным с данным источником [3, с. 48]. Таким образом, если вред был вызван противоправным поведением владельца ИПО, то вред подлежит возмещению общем порядке, поскольку, в принципе, субъект, совершивший противоправное действие, причинивший вред, должен нести обязательство по возмещению вреда [3, с. 49].

Поддерживая изложенную выше точку зрения, В. Х. Нгуен пишет, что в обязательстве по возмещению вреда, причинённого источником повышенной опасности, основной причиной причинения вреда является действие этого источника. Поведение владельца ИПО может быть связано с действием источника, но точно не влияет на факт причинения вреда этим источником [4]. То есть вред в рассматриваемой ответственности должен был причинён действием самого источника.

С точки зрения Т. Н. Х. Доана, ответственность за причинение вреда ИПО является особым видом деликтной ответственности, потому что вред в данной ответственности должен быть причинен не противоправным и виновным поведением владельца ИПО, а действием вещей, которые всегда содержат повышенную опасность причинить вред окружающим людям [5]. Необходимо отметить, что источниками повышенной опасности (в её понимании) являются определённые вещи,

указанные в законе, которые полностью не находятся под человеческим контролем и могут нанести вред потерпевшему при их эксплуатации [5].

В. К. Ле в ходе обсуждения проблемы определения условий ответственности за причинение вреда ИПО утверждает, что «обязательство по возмещению вреда, причиненного ИПО, применяется только в случае, когда вред был вызван вредоносным действием ИПО, которое подпадает под полный контроль со стороны владельца ИПО и является непосредственной причиной причинения вреда» [6].

В качестве поддержки данной позиции Т. Т. Данг и В. Л. Нгуен считают, что теоретически любой случай, который следует рассматривать как случай возмещения за причинение вреда источником повышенной опасности, должен удовлетворять следующим требованиям: во-первых, наличие источника повышенной опасности, предусмотренного п. 1 ст. 601 ГК СРВ 2015 г.; во-вторых, вред должен быть причинён действием самого источника (например, при движении автомобиля лопнула шина, что привело к повреждению чего-либо, или при движении автомобиля с горы появилась неисправность тормозной системы, что привело к аварии, и т. д.) [7].

Вышеуказанные точки зрения вьетнамских учёных, по мнению автора, имеют недостатки, которые нужно изменить и совершенствовать при определении условий возникновения рассматриваемой ответственности. Во-первых, источником повышенной опасности в гражданском праве является лишь объект, а не субъект права. Неразумно говорить о привлечении владельца к ответственности за действие источника повышенной опасности, который по сути является лишь объектом права. Во-вторых, в теории и практике гражданского права существует общепризнанное выражение того, что субъект гражданского права может быть привлечен к ответственности за свои или чужие действия. Под чужими действиями в данном выражении понимаются действия другого субъекта права, а это далеко не действие объекта права. Например, ответственность родителей по отношению к несовершеннолетнему ребенку, причиняющему вред, и т. д. В-третьих, наступление ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности, как и любых других внедоговорных ответственностей, осуществляется на принципе генерального деликта. Его сущность заключается в том, что никто не имеет права причинить вред другому человеку и во всех фактах причинения вреда существует противоправность [8].

Необходимо отметить, что причина появления вышеупомянутых «однородных» взглядов вьетнамских учёных вытекает из самого названия ст. 601 ГК СРВ 2015 г. – «ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности» [1]. Содержание этого названия показывает, что вред причиняет именно источник повышенной опасности, и владелец несёт ответственность не за своё поведение, а за действие этого источника. Здесь возникает существенный вопрос: в ка-

ком смысле в действительности законодатели Вьетнама хотели, чтобы мы поняли это название? В таком же вышеуказанном смысле, или к его пониманию требуется другой подход?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на утверждение о том, что рассмотрение причинения вреда без обращения к таким правовым категориям, как субъект гражданского права, его действия и средства причинения вреда, является недопустимым [9]. Субъект гражданского права, его действия и средства являются неотъемлемыми элементами любого случая причинения вреда. В каждом случае, когда вред был причинён, существуют не только вредоносное поведение субъекта, но и определённые средства, которые используются для внесения нежелательных результатов. Можно утверждать, что в каждом факте причинения присутствует средство причинения вреда, на основании его количественного и качественного состояния может быть произведена квалификация поведения причинителя вреда.

Предлагается также обращать внимание на позицию суда при разрешении споров о возмещении вреда, причинённого источником повышенной опасности. Например, согласно постановлению №:117/2021/DS-PT Народного суда провинции Биньфьюк от 1 декабря 2021 г. [10]. 25 ноября 2017 г. г-н Фам Ван Л управлял мотоциклом с номерным знаком 54X6-4336 (а его сын Фам Ле Д сидел сзади) и столкнулся с автомобилем с номерным знаком 93А-09852, которым управлял г-н Ле Нгок Шон. В результате г-н Фам Ван Л погиб, а его сын был ранен.

Суд на основании Уведомления № 373/QD(PC44) от 13 апреля 2018 г. следственного управления полиции провинции Биньфьюк, заключения №1736/C09В от 12 июня 2020 г. подинститута криминалистики в Хошимин об оценке скорости транспортного средства на основе данных изображения и отчёта №70/BC-QLDT от 22 марта 2021 г. Департамента городского управления города Биньфьюк о регулировании максимальной скорости при движении по двум упомянутым выше дорогам пришёл к выводу, что причиной аварии стало то, что Фам Ван Л двигался с улицы Буй Тхи Суан (второстепенная дорога) на Данг Тай Май (основная дорога), не уступая дорогу транспортным средствам, движущимся по основной дороге, что привело к столкновению с автомобилем, имеющим номер 93А-09852, которым управлял г-н Ле Нгок Шон. Кроме того, у г-на Фам Ван Л было выявлено наличие этанола в крови, с концентрацией 168,27 мг на 100 мл.

Можно привести другой пример: постановление №139/2022/DS-PT Народного суда провинции Камау от 15 июня 2022 г. [11]. Содержание дела заключается в том, что около 5 час. утра 14 июня 2020 г. в районе Тхойбинь, провинция Камау, произошло дорожно-транспортное происшествие между грузовиком с номерным знаком 68С-09999, принадлежащим г-же Хуин Ким Т., который двигался со стороны Кьензянг в направлении Ка Мау и столкнулся с автомобилем с номерным знаком

69А-03619, принадлежащим г-ну Ле Ван М., которым управлял водитель Нгуен Хоанг К. В результате дорожно-транспортного происшествия серьёзно повреждён автомобиль г-на М., а г-н Данг Фу К. и г-жа Доан Нгок М. в автомобиле с номерным знаком 69А-03619 получили серьёзные травмы.

Суд при изучении обстоятельств дела установил, что причиной аварии является то, что Хуин Ким Т ехала по встречной полосе дороги и у неё было выявлено наличие алкоголя в крови.

Анализ двух приведённых примеров является подтверждением того, что при рассмотрении дел о возмещении вреда, причинённого ИПО, суды часто связывают вред с поведением человека, а не с действием предметов материального мира. То есть причинение вреда является результатом противоправного действия определённого субъекта гражданского права, но при этом ИПО рассматривается как орудие или средство, которое используется этим субъектом в процессе нанесения вреда.

Изучая взгляды вьетнамских учёных, а также рассматривая вопрос о фактическом применении закона во Вьетнаме, автор пришел к выводу, что о названии ст. 601 ГК СРВ 2015 г. и её содержании законодатели Вьетнама имеют совершенно разное понимание. Формулировка законодателей, как указано в ст. 601, «вред, причинённый источником повышенной опасности» нуждается в следующем понимании того, что вред в данном случае причинял определённый субъект гражданского права источником повышенной опасности в результате его эксплуатации. Таким образом, сущность ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности заключается в том, что её возложение на владельца данного источника может быть только за свои или чужие противоправные действия, при совершении которых имело место использование определённых объектов материального мира, рассматриваемых в качестве средства или орудия причинения вреда. И в этом смысле данная ответственность отличается от других видов внедоговорной ответственности, указанных ГК СРВ 2015 г.

Если противоправное действие владельца ИПО является одним из условий для возложения на него ответственности за причинение вреда данным источником, то необходимо определить, в каком смысле следует понимать термин «противоправность действия»?

С точки зрения Ч. Т. Фунг, «противоправное действие – это совершённое определённым лицом действие, направленное на причинение имущественного или неимущественного вреда другим лицам, права и интересы которых охраняются законом» [12]. Это означает, что противоправное действие отражает объективное несоответствие требованиям юридических норм.

С точки зрения автора, в целом к противоправным действиям, в том числе при причинении вреда источником повышенной опасности, относится действие, совершение которого нарушает не только юридические нормы, но и субъективные гражд-

данские права определённых лиц. С позиции гражданского права не логично говорить о нарушении субъективного гражданского права без наличия нарушения объективного гражданского права [13]. Между субъективным и объективным гражданскими правами существует диалектическая взаимосвязь, согласно которой субъективное гражданское право по своему содержанию может возникнуть лишь в случаях, установленных объективным правом. И объективное право реализуется, если на его основе возникают субъективные гражданские права. Таким образом, противоправность в рассматриваемой ответственности выражается в том случае, если вред причинён источником повышенной опасности другому лицу (то есть имеет место факт нарушения субъективного гражданского права) и одновременно имеет место факт нарушения объективного права у владельца этого источника.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что во Вьетнаме при определении условия возникновения ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности существуют две противоположные точки зрения. Первая точка зрения, сформированная вьетнамскими учёными, сущность которой выражается в том, что фактор причинения вреда действием источника повышенной опасности признается одним из условий для привлечения владельца ИПО к ответственности. А вторая характеризуется судами, которые при рассмотрении и разрешении дела, связанного с обязательством по возмещению вреда владельцем ИПО, считают, что вред должен быть возмещён владельцем ИПО, когда он своим противоправным действием причиняет вред другому.

При изучении и анализе взглядов вьетнамских учёных у автора возникает сомнение в их обоснованности. Утверждение о том, что фактор причинения вреда действием источника повышенной опасности – одно из условий для привлечения владельца ИПО к ответственности, является неприемлемым. Поскольку источник повышенной опасности лишь объект гражданского права, то рассмотрение причинения вреда без обращения к таким правовым категориям, как субъект гражданского права, его действие и средства причинения вреда, является недопустимым. В этой связи вместо фактора причинения вреда действием ИПО одним из условий возникновения ответственности за причинение вреда ИПО, по мнению автора, следует считать противоправные действия владельца ИПО, под которыми следует понимать действия, совершение которых нарушает не только юридические нормы, но и субъективные гражданские права определенных лиц.

Список источников

1. Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 91/2015/QN13 от 24.11.2015. Вступил в законную силу 01.01.2017 // Юридическая библиотека Вьетнама. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Vo-luat-dan-su-2015-296215.aspx>. (На вьет. яз.).
2. Ву Т. Х. Й. Ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности // Научно-исследовательский проект Ханойского юридического университета. Ханой, 2009. С. 120–133. (На вьет. яз.).
3. Хоанг Дао. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности в соответствии с ГК СРВ // Юридический факультет Ханойского национального университета. Ханой, 2011. С. 48–49. (На вьет. яз.).
4. Нгуен В. Х. Ответственность за причинение вреда имуществу в соответствии с гражданским законодательством Вьетнама : дис. ... канд. юрид. наук. [Место защиты: Ханойский юридический университет]. Ханой, 2017. 243 с. (На вьет. яз.).
5. Доан Т. Н. Х. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности // Народный суд. 2019. URL: [https://tapchitoaan.vn/trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra#:~:text=B%E1%BB%93i%20th%C6%B0%E1%BB%9Dng%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i%20\(BTTH,kh%E1%BA%A3%20n%C4%83ng%20g%C3%A2y%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i](https://tapchitoaan.vn/trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra#:~:text=B%E1%BB%93i%20th%C6%B0%E1%BB%9Dng%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i%20(BTTH,kh%E1%BA%A3%20n%C4%83ng%20g%C3%A2y%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i). (На вьет. яз.).
6. Ле В. К. Ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности // Народный суд. 2021. URL: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/xay-dung-phat-luat/boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra>. (На вьет. яз.).
7. Данг Т. Т, Нгуен В. Л. Возмещение вреда потерпевшим в дорожно-транспортных происшествиях и некоторые рекомендации по совершенствованию закона // Народный суд. 2022. № 4. URL: <https://tapchitoaan.vn/boi-thuong-cho-nguoi-bi-thiet-hai-trong-cac-vu-an-giao-thong-va-mot-so-kien-nghi-hoan-thien-phap-luat6234.html>. (На вьет. яз.).
8. Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (Часть первая) // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 45–83; Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (Часть вторая) // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 55–84.
9. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юридическая литература, 1966. 200 с.
10. Постановление № 117/2021/DS-PT Народного суда провинции Биньфыок от 1 декабря 2021 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности // Верховный народный суд. Приговоры и решения Верховного народного суда. URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta828779t1cvn/chi-tiet-ban-an>. (На вьет. яз.).

11. Постановление № 139/2022/DS-PT Народного суда провинции Камау от 15 июня 2022 г. Спор о возмещении за причинение вреда источником повышенной опасности // Верховный народный суд. Приговоры и решения Верховного народного суда. URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta940352t1cvn/chi-tiet-ban-an>. (На вьет. яз.).

12. Фунг Ч. Т. Ответственность за причинение вреда : монография. Ханой: Издательство Народной общественной безопасности, 2017. 485 с. (На вьет. яз.).

13. Медведев М. Ф. Ответственность за нарушение обязательств по новому Гражданскому кодексу Российской Федерации : учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. Волгоград, 2002. 106 с.

References

1. Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam No. 91/2015/QH13 dated 11/24/2015. Entered into force on 01.01.2017. *Vietnam Law Library*. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx>. (In Viet.).

2. Wu T. H. Y. Responsibility for harm caused by a source of increased danger. *Research project of Hanoi Law University*. Hanoi, 2009, pp. 120–133. (In Viet.).

3. Hoang Dao. Responsibility for causing harm by a source of increased danger in accordance with the Civil Code of the SRV. *Faculty of Law of Hanoi National University*. Hanoi, 2011, pp. 48–49. (In Viet.).

4. Nguyen V. H. Liability for damage to property in accordance with the civil legislation of Vietnam. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Place of defense: Hanoi University of Law. Hanoi, 2017. 243 p. (In Viet.).

5. Doan T. N. H. Civil liability for causing harm by a source of increased danger. *People's Court*, 2019. URL: [https://tapchitoaan.vn/trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra#:~:text=B%E1%BB%93i%20th%C6%B0%E1%BB%9Dng%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i%20\(BTTH,kh%E1%BA%A3%20n%C4%83ng%20g%C3%A2y%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i](https://tapchitoaan.vn/trach-nhiem-boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra#:~:text=B%E1%BB%93i%20th%C6%B0%E1%BB%9Dng%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i%20(BTTH,kh%E1%BA%A3%20n%C4%83ng%20g%C3%A2y%20thi%E1%BB%87t%20h%E1%BA%A1i). (In Viet.).

6. Le V. K. Responsibility for harm caused by a source of increased danger. *People's Court*, 2021. URL: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/xay-dung-phat-luat/boi-thuong-thiet-hai-do-nguon-nguy-hiem-cao-do-gay-ra>.

7. Dang T. T., Nguyen V. L. Compensation of harm to victims of road accidents and some recommendations for improving the law. *People's Court*, 2022, no. 4. URL: <https://tapchitoaan.vn/boi-thuong-cho-nguoi-bi-thiet-hai-trong-cac-vu-an-giao-thong-va-mot-so-kien-nghi-hoan-thien-phap-luat6234.html>. (In Viet.).

8. Evstigneev E. A. Printsip general'nogo delikta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy primeneniya (Chast' pervaya) [The principle of general tort: the current state and pro-

spects of application (Part One)]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, no. 4, pp. 45–83; Printsip general'nogo delikta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy primeneniya (Chast' vtoraya) [The principle of general tort: current state and prospects of application (Part Two)]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, no. 5, pp. 55–84. (In Russ.).

9. Krasavchikov O. A. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti* [Compensation for damage caused by a source of increased danger]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1966. 200 p. (In Russ.).

10. Resolution No. 117/2021/DS-PT of the People's Court of Binfuoc Province dated December 1, 2021. Dispute on compensation for damage caused by a source of increased danger. *The Supreme People's Court. Sentences and decisions of the Supreme People's Court*. URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta828779t1cvn/chi-tiet-ban-an>. (In Viet.).

11. Resolution No. 139/2022/DS-PT of the People's Court of Kamau Province dated June 15, 2022. Dispute on compensation for damage caused by a source of increased danger. *Supreme People's Court. Sentences and decisions of the Supreme People's Court*. URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn/2ta940352t1cvn/chi-tiet-ban-an>. (In Viet.).

12. Fung Ch. T. *Responsibility for causing harm: monograph*. Hanoi: People's Public Security Publishing House, 2017. 485 p. (in Viet.).

13. Medvedev M. F. *Otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stv po novomu Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie* [Responsibility for violation of obligations under the new Civil Code of the Russian Federation: textbook]. 2nd ed., add. Volgograd, 2002. 106 p.

Информация об авторе

Нгуен Куанг Хюи – аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Information about the author

Nguyen Quang Huy – Postgraduate Student, Law institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 160–167.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 160–167.

Научная статья

УДК 341.225

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/160-167>

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ СПОРОВ В СФЕРЕ МОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

**Евгений Владимирович Горлов¹, Маргарита Георгиевна Маркова²,
Виктория Сергеевна Креглик³**

^{1, 2, 3}Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

¹evgorlov@sevsu.ru

²markovarita84@gmail.com

³kreglikv@bk.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности и компетенция системы международных судов по рассмотрению споров в сфере морских отношений. Обосновывается актуальность темы в современных условиях развития международных отношений. Предлагается соответствующая методология анализа выявленной проблемы с целью выработки концептуальных положений для совершенствования международного законодательства. Анализируются проблемы с научно-практическим подходом применения прецедентной практики в международном судопроизводстве с целью разработки актуальных рекомендаций для совершенствования эффективных механизмов правового регулирования рассмотрения морских споров. В качестве объекта научной работы выступают материальные и процессуальные нормы международного права. Предметом исследования являются проблемы применения судебной практики в международных отношениях в сфере возникнувших морских споров. Рассматривается имплементация норм международного права в национальное законодательство. Указывается роль международной судебной практики в формировании процессуальных правил судопроизводства в морских спорах. Комплексно проанализирован опыт применения судебной практики в указанном процессе, его использование и имплементация соответствующих норм в национальное законодательство. Сформулированы пути решения наиболее часто возникающих вопросов в международном морском праве.

* © Горлов Е. В., Маркова М. Г., Креглик В. С., 2022

Ключевые слова: международное право, международное судопроизводство, судопроизводство по морским спорам, Международный суд, международные правоотношения, судебный процесс, судебная практика, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Международный Трибунал ООН по морскому праву, Мировой океан.

Для цитирования: Горлов Е. В., Маркова М. Г., Креглик В. С. Особенности системы международных судов по рассмотрению споров в сфере морских отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 160–167. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/160-167>

Original article

FEATURES OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL COURTS FOR THE CONSIDERATION OF DISPUTES IN THE FIELD OF MARITIME RELATIONS

Evgeny V. Gorlov¹, **Margarita G. Markova**², **Victoria S. Kreglik**³

^{1, 2, 3}Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

¹evgorlov@sevsu.ru

²markovarita84@gmail.com

³kreglikv@bk.ru

Abstract. The article examines the features and competence of the system of international courts for the consideration of disputes in the field of maritime relations. The relevance of the topic in the modern conditions of the development of international relations is substantiated. An appropriate methodology for analyzing the identified problem is proposed in order to develop conceptual provisions for improving international legislation. The problems with the scientific and practical approach of applying case law in international legal proceedings are analyzed in order to develop relevant recommendations for improving effective mechanisms of legal regulation of maritime disputes. The material and procedural norms of international law act as the object of scientific work. The subject of the study is the problems of the application of judicial practice in international relations in the field of maritime disputes that have arisen. The implementation of the norms of international law into national legislation is being considered. The role of international judicial practice in the formation of procedural rules of legal proceedings in maritime disputes is indicated. The experience of applying judicial practice in this process, its use and implementation of relevant norms in national legislation is comprehensively analyzed. The ways of solving the most frequently arising issues in international maritime law are formulated.

Keywords: international law, international legal proceedings, proceedings on maritime disputes, International Court of Justice, international legal relations, judicial process, judicial practice, the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, the UN International Tribunal for the Law of the Sea, the World Ocean.

For citation: Gorlov E. V., Markova M. G., Kreglik V. S. Features of the system of international courts for the consideration of disputes in the field of maritime relations // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 160–167. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/160-167>

Наибольшую часть земной поверхности занимают моря и океаны. С древних времён люди искали им применение и нашли в таких сферах деятельности, как: рыболовство, судоходство, добыча полезных ископаемых, а также научно-исследовательская деятельность.

С развитием стран и их активности на водном пространстве начали возникать разнообразные отношения между государствами и международными сообществами по поводу эксплуатации водной территории и её ресурсов. С появлением таких отношений образовалось международное морское право.

Считается, что международное морское право представляет собой отдельную отрасль международного права, которая состоит из комплекса специализированных правовых норм, регулирующих общественные отношения, в сфере морского судоходства, при добыче разнообразных ресурсов, научных исследований и других видов деятельности.

Большую часть времени главным источником морского права являлись обычаи. В настоящее время главным нормативно-правовым документом, регулирующим морские международные отношения, является Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 г. За основу Конвенции была взята идея обязательных мер. Она предусматривает гибкую систему с большим количеством средств мирного разрешения споров.

Несмотря на то, что международное морское право отражено в Конвенции Организации Объединённых Наций (далее – ООН) и некоторых других нормативно-правовых актах разных государств, международные морские разногласия с каждым годом имеют тенденцию к увеличению.

В научной литературе международный правовой спор – это столкновение определённых интересов сторон в разногласии мнений по отношению к существующим нормам международного права и фактическим обстоятельствам. Данное столкновение отражается в претензионной форме одного участника отношений к другому.

Первостепенное значение имеют принципы международного права, благодаря которым можно сократить количество возникших или назревающих споров. На

наш взгляд, одним из главных закреплённых принципов в международном праве является принцип неуклонного выполнения всеми участниками международных правоотношений своих обязательств, предусмотренных соответствующими нормативно-правовыми актами. П. К. Пареник указывал, что «становится очевидной общая потребность в строжайшем соблюдении этого принципа при использовании Мирового океана и для повышения роли правовых мер его охраны, среди которых особое место занимает мирное разрешение международных споров» [1, с. 22]. Таким образом, мирное разрешение международных споров при совершении какой-либо международной деятельности (при добыче полезных ископаемых, ловле рыб, осуществлении перевозок через морские границы разных государств) имеет важное экономическое, политическое и правовое значение для правового регулирования международных отношений между субъектами международного права, возникающих при использовании и изучении Мирового океана.

С целью предотвращения международных споров в сфере морских правоотношений необходимо создать особый правовой порядок на территории морского и океанического пространства, который будет соответствовать интересам всех участников международного права, и обеспечить его выполнение. Важно исключить всевозможные односторонние действия государств, при которых не учитывается мнение других участников международного сообщества.

Наиболее частыми причинами споров в последнее время являются проблемы, связанные с определением границ на морском пространстве, демилитаризацией, принадлежностью островов к морским акваториям, а также проблема загрязнения Мирового океана.

На наш взгляд, особо остро стоит именно проблема загрязнения Мирового океана. Для её решения государства должны предпринять совместное решение с целью правильного и рационального использования океана. Обращаясь к ст. 235 Конвенции ООН по морскому праву, видим, что за загрязнение океана и причинение ему ущерба государства обязаны нести ответственность в соответствии с нормами международного права. Указанная Конвенция обязывает всех государств-участников к признанию юрисдикции одной из перечисленных процедур, которая выносит обязательное решение: Международного Трибунала по морскому праву; Международного Суда; Арбитража; Специального арбитража.

Известно, что, общий арбитраж разрешает только споры, связанные с толкованием или применением Конвенций. В свою очередь, специальный арбитраж обладает более широким кругом компетенций, которые рассматривают узконаправленные категории споров (рыболовство, судоходство, охрана морской экосистемы, научные исследования, проблемы загрязнения океана и др.). В ходе международного арбитражного разбирательства производятся внедрение научно-технической экспертизы, расследование и устанавливаются факты, которые послужили началом спора.

Международный арбитраж действительно является актуальным инструментом урегулирования споров, сопряжённых непосредственно с торговым мореплаванием, так как в этом случае спор будет рассматриваться арбитрами, имеющими необходимые знания в области торгового судоходства и морского права. Немаловажную роль играет и то, что арбитры при рассмотрении дела учитывают влияние иностранных элементов, именно которыми и осложняется разрешение морских споров. Именно эта специфика международного коммерческого арбитража способствует разрешению классических морских споров, связанных с договорами перевозки, фрахтования, морского страхования, буксировки [2, с. 1]. Подобная деятельность арбитража будет актуальна при урегулировании морских споров, которые возникают в морском пространстве Российской Федерации (далее – РФ). Например, в связи с судоходством по Северному морскому пути, урегулированием правовых вопросов в Средиземноморье и т. д.

Статут Международного Суда и Раздел 2 Части XV Конвенции 1982 г. регулируют деятельность судопроизводства в процессе разрешения морских споров, например, рассматривают вопросы делимитации в морском и океаническом пространстве, в частности, такие дела, как спор о делимитации морской границы между Ганой и Кот-д'Ивуаром в Атлантическом океане; спор о делимитации морской границы между Маврикием и Мальдивскими Островами в Индийском океане.

Международный Суд рассматривает дела, которые передаются ему сторонами спора и которые предусмотрены действующими договорами и конвенциями, включая Устав ООН. Практический опыт Международного Суда показывает, что международное право развивается как единое целое и не поддаётся дроблению в результате решений различных судов.

Существенно новым судебным органом является Международный Трибунал ООН по морскому праву, который считается первым международным судом специального назначения, призванный разрешать споры в сфере международных отношений в пределах своей компетенции. Его деятельность распространяется на все вопросы, предусмотренные в любом международном соглашении, которое наделяет Трибунал юрисдикцией.

Международный трибунал можно смело назвать одним из средств мирного урегулирования международных морских споров. Основными компетенциями Трибунала являются рассмотрение заявлений и урегулирование споров, которые передаются ему на основании положений Конвенции 1982 г. Мы согласны с С. Ю. Ноженко, который указывает, что Трибунал рассматривает любые споры, касающиеся толкования или применения положений Конвенции 1982 г., а также вопросы, специально указанные в соглашении, в котором предусмотрена компетенция Трибунала [3, с. 47]. *Дело о танкере «САЙГА» (Сент-Винсент и Гренадины против Гвинейской Республики) является первым делом, переданным на рассмот-*

рение Трибунала в 1997 г. На сегодняшний день в Трибунал было представлено двадцать девять дел.

В пределах предмета нашего исследования следует рассмотреть морской терроризм, который в наши дни представляет серьёзную угрозу не только безопасности мореплавания, но и всему миру; как и пиратство, он относится к преступлениям международного характера. К международным морским спорам также относятся специфические споры, касающиеся морского дна. Для их разрешения создано специальное подразделение (Палата по спорам, касающимся морского дна) в структуре Международного Трибунала по морскому праву. Именно эта Палата занимается всеми спорами, связанными с морским дном.

Конвенция ООН по морскому праву играет значимую роль в правовом механизме разрешения споров в области морского права, она непосредственно способствовала прогрессивному развитию международно-правовых норм. В свою очередь, указанные нормы призваны упорядочить правовой режим Мирового океана, урегулировать основные виды морской деятельности, направленные его на использование, изучение и освоение в современных условиях развития общества. Участники Конвенции были едины в своем желании создать эффективный международный элемент механизма правового регулирования соответствующего режима для морей и океанов, который бы способствовал мирному, справедливому, бережному использованию и изучению Мирового океана.

Ратифицировав в 1997 г. указанную Конвенцию, РФ тем самым не только подчеркнула заинтересованность в исполнении конвенционных норм всеми государствами-участниками, но и возложила на себя определённые обязательства. Это обусловлено как геополитическими, так и экономическими интересами России в Мировом океане.

Подводя итоги, можно сказать следующие: безусловно, любые споры, возникающие по поводу освоения, использования и изучения Мирового океана, затрагивают интересы всего международного сообщества, а, следовательно, и решать данные споры государства обязаны объединив свои усилия. Но, несмотря на то, что Конвенция ООН по морскому праву является фундаментальным международным соглашением по управлению территориями и ресурсами Мирового океана, она не является единственным правовым регулятором. П. А. Гудев указывал, «что международное право в целом идёт по пути развития договорных норм, обычные нормы продолжают играть направляющую роль в его развитии» [4, с. 3]. Решения международных судов по *урегулированию* споров в морском праве остаются основными источниками для урегулирования подобных споров и являются авторитетными для имплементации норм в национальное законодательство.

Список источников

1. Вареник П. К. Разрешения морских споров в международном морском праве // Актуальные проблемы международных отношений и международного права : сборник научных трудов. М., 2020. – С. 22–27.
2. Архипова А. Г., Абросимова Е. А. Арбитрабельность морских споров с публично-правовым элементом // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 196–205.
3. Ноженко С. Ю. Практика рассмотрения морских споров международным Трибуналом ООН // Океанский менеджмент. 2020. № 2 (7). С. 47–51.
4. Гудев П. А. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.: стратегические риски и возможности для России // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1 (56). С. 55–73.

References

1. Varenik P. K. Razresheniya morskikh sporov v mezhdunarodnom morskome prave [Resolution of maritime disputes in international maritime law]. In: *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i mezhdunarodnogo prava* [Actual problems of international relations and international law: a collection of scientific papers]. Moscow, 2020, pp. 22–27. (In Russ.).
2. Arkhipova A. G., Abrosimova E. A. Arbitrabel'nost' morskikh sporov s publichno-pravovym elementom [Arbitrability of maritime disputes with a public law element]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 463, pp. 196–205. (In Russ.).
3. Nozhenko S. Yu. Praktika rassmotreniya morskikh sporov mezhdunarodnym Tribunalom OON [The practice of consideration of maritime disputes by the UN international Tribunal]. *Okeanskii menedzhment*, 2020, no.2 (7), pp. 47–51. (In Russ.).
4. Gudev P. A. Konventsiya OON po morskome pravu 1982 g.: strategicheskie riski i vozmozhnosti dlya Rossii [The 1982 UN Convention on the Law of the Sea: strategic risks and opportunities for Russia]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2019, no. 1 (56), pp. 55–73. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Горлов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Международное, морское и таможенное право» Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия.

М. Г. Маркова – студент 4 курса Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия.

В. С. Креглик – студент 4 курса Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия.

Information about the authors

E. V. Gorlov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International, Maritime and Customs Law of the Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

M. G. Markova – 4th year student of the Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

V. S. Kreglik – 4th year student of the Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 10.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 168–180.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 168–180.

Научная статья

УДК 342.732.037:343(1-87)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/168-180>

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ*

Юлия Владимировна Каримова^{1, 2}

¹Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия,
karimovayuv@mail.ru

²Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства
здравоохранения России, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Процессы глобализации, происходящие во всем мире, влияют на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на информационную сферу деятельности. Одной из характеристик современного общества является постоянный обмен информацией с помощью разных видов общения (личная беседа, получение различного рода новостей из газет, радио- и телекоммуникаций, Интернет и т. д.). В результате такого общения реализуются такие права граждан, как право на информацию, право на свободу мысли и слова. Средства массовой информации, распространяя информацию, способствуют созданию у граждан объективной картины действительности, провоцируют участие членов общества в социально-экономическом развитии страны. Именно журналисты являются «оценщиками» событий, происходящих во всем мире, но как в России, так и в мире их права всё чаще ущемляются, из чего следует, что для того, чтобы журналисты имели возможность полноценно работать, их права должны быть гарантированы. Что касается защиты журналистов, то действующее уголовное законодательство РФ закрепляет лишь один состав преступления, потерпевшим в котором является журналист, осуществляющий законную профессиональную деятельность. Только законная профессиональная деятельность журналистов подлежит охране, согласно ст. 144 УК РФ, а под воспрепятствованием такой деятельности подразумевается принуж-

* © Каримова Ю. В., 2022

дение журналистов к распространению или к отказу от распространения информации. Действующую редакцию диспозиции указанной статьи нельзя назвать достаточно удачной, данная формулировка постоянно порождает дискуссии у правоприменителей, а сама уголовно-правовая норма редко находит своё применение на практике, всё это подталкивает нас к изучению особенностей уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов – для её совершенствования.

Ключевые слова: воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, журналист, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, защита прав журналиста, средства массовой информации, свобода слова.

Для цитирования: Каримова Ю. В. Особенности современного уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 168–180. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/168-180>

Original article

FEATURES OF THE MODERN CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES ON RESPONSIBILITY FOR OBSTRUCTION OF THE LEGAL PROFESSIONAL ACTIVITIES OF JOURNALISTS

Yulia V. Karimova^{1,2}

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, karimovayv@mail.ru

²Pacific State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Vladivostok, Russia

Abstract. The processes of globalization taking place all over the world affect all spheres of society, including the information sphere of activity. One of the characteristics of modern society is the constant exchange of information through various types of communication (personal conversation, receiving various kinds of news from newspapers, radio and television communications, the Internet, etc.). As a result of such communication, such rights of citizens as the right to information, the right to freedom of thought and speech are realized. By disseminating information, the mass media contribute to the creation of an objective picture of reality among citizens, provoke the participation of members of society in the socio-economic development of the country. It is journalists who are the “assessors” of events taking place all over the world. However, both in Russia and in the world, their rights are increasingly infringed, which means that in order for journalists

to be able to fully work, their rights must be guaranteed. As for the protection of journalists, the current criminal legislation of the Russian Federation establishes only one element of the crime, the victim of which is a journalist who carries out legal professional activities. Only the legal professional activities of journalists are subject to protection, in accordance with Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation, and obstruction of such activities means forcing journalists to disseminate or to refuse to disseminate information. The current version of the disposition of this article cannot be called sufficiently successful, this wording constantly gives rise to discussions among law enforcement officers, and the criminal law norm itself rarely finds its application in practice, all this prompts us to study the features of the criminal legislation of foreign countries on liability for obstructing the legitimate professional activities of journalists for its improvement.

Keywords: obstruction of the legitimate professional activities of a journalist, journalist, crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen, protection of the rights of a journalist, mass media, freedom of speech.

For citation: Karimova Yu. V. Features of the modern criminal legislation of foreign countries on responsibility for obstruction of the legal professional activities of journalists // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 168–180. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/168-180>

Исследование современного уголовного законодательства зарубежных стран, предусматривающего наступление уголовной ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, позволяет увидеть преимущества и недостатки уголовно-правовой защиты по действующему законодательству Российской Федерации.

В ходе проведения сравнительно-правового анализа было рассмотрено уголовное законодательство ряда стран Южной Америки (Аргентина, Бразилия), Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Китайская Народная Республика, Южная Корея, Вьетнам, Сингапур), Европы (Голландия, Польша, Швейцария, Болгария), а также СНГ (Таджикистан, Азербайджан, Белоруссия, Армения, Казахстан и др.).

Уголовные кодексы указанных стран Южной Америки не содержат нормы, закрепляющей привлечение к уголовной ответственности за посягательство на журналиста в связи с осуществлением им своей трудовой деятельности. Но ст. 161 УК Аргентины предусмотрено наступление уголовной ответственности за воспрепятствование или создание помехи свободному распространению книги или газеты. Так как ранее мы рассматривали, какие наименования должностей должны входить в понятие журналист, и пришли к выводу, что редакция издания также относится к нему, можно с уверенностью сказать, что данная норма УК Аргентины вполне впи-

сывается в понятия воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста. Остальные уголовно-правовые нормы лишь косвенно связаны с рассматриваемым преступлением и направлены на защиту и журналистов, и всех остальных людей в целом: ст. 109 УК Аргентины предусматривает наказание за клевету, ст. 110 – за оскорбление, ст. 114 – за клевету или оскорбление, если они распространялись с помощью прессы, и т. д.

Уголовный кодекс Бразилии в целом не содержит никаких специальных норм, защищающих журналистов от преступных посягательств. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что данное посягательство в зависимости от его проявления может квалифицироваться как убийство, покушение на убийство, причинение вреда здоровью и т. д.

Что касается стран Азиатско-Тихоокеанского региона, то исследованию были подвергнуты уголовные кодексы Японии, Китая, Южной Кореи (Республики Корея), Вьетнама, Сингапура. Все эти Уголовные кодексы не содержат норм, предусматривающих наступление уголовной ответственности за преступления, потерпевшим в которых является журналист.

Косвенно можно обратиться к ст. 234 УК Японии, предусматривающей наступление уголовной ответственности в отношении того, кто препятствует профессиональной деятельности другого лица, используя давление. В УК Республики Корея интерес вызывают ст. 122 и 123. Ст. 122 предусматривает наступление уголовной ответственности должностного лица в случае отказа исполнения им своих обязанностей без законного основания. В случае, если должностное лицо злоупотребляет своими полномочиями и вынуждает другое лицо совершить действия, совершать которые данное лицо не хочет, либо потерпевший вынужден отказаться от осуществления принадлежащих данному лицу прав, уголовная ответственность наступает по ст. 123.

Уголовные кодексы Китая, Южной Кореи, Вьетнама и Сингапура не содержат рассматриваемого состава преступления, поэтому логично предположить, что совершённое деяние будет квалифицироваться, в зависимости от наступивших последствий, как убийство, умышленное причинение вреда, принуждение, преступное запугивание, повреждение собственности, применение насилия, угроза применения насилия и т. д.

Что касается уголовного законодательства ряда европейских стран, то в рассмотренных нами уголовных кодексах Голландии, Польши, Швейцарии и Болгарии также нет специализированной нормы, предусматривающей наказание за посягательство на профессиональную деятельность сотрудников СМИ. Следовательно, данное преступление будет квалифицироваться по соответствующим статьям уголовных кодексов как убийство, причинение телесных повреждений, запугивание, насилие и т. д.

Попытка исследования уголовного законодательства стран Южной Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы, связанного с воспрепятствованием за-

конной профессиональной деятельности журналистов, показала как таковое отсутствие специальных норм, прямо закрепляющих рассматриваемый состав преступления, что, в свою очередь, связано с высоким уровнем цивилизованности отношений, с высоким уровнем правовой культуры населения, устоявшимися демократическими традициями, основанными на соблюдении основных прав и свобод человека, в том числе свободе слова, и т. д. Всё это позволяет обеспечивать защиту законной профессиональной деятельности журналистов с помощью действующего законодательства этих стран, общественных норм и обычаев, а также международно-правовых актов, в которых закрепляются свобода слова, свобода мысли, свобода выражения мнения.

Вот лишь некоторые международные акты, затрагивающие сферу деятельности СМИ:

- Всеобщая декларация прав человека 1948 г.;
- Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.;
- Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.;
- Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, от 1967 г.;
- Всемирные конвенции об авторском праве 1952 г. и 1971 г.;
- Европейская конвенция по вопросам авторских и смежных прав применительно к трансграничному спутниковому вещанию от 1994 г.;
- Хартия свободы печати от 16 января 1987 г.;
- Европейская хартия свободы прессы от 25 мая 2009 г.;
- Софийская декларация от 13 сентября 1997 г.;
- Конвенция Содружества Независимых государств о правах и свободах человека от 26 мая 1995 г. и др.

Среди личных (гражданских) прав и свобод человека важное место занимает право на свободу мысли, слова, совести и религии. Оно является необходимым условием демократии [[1, с. 86]. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашается, что каждый человек имеет право на свободу мысли (ст. 18), а также закреплено право каждого человека на свободу убеждений, на их свободное выражение, право свободно и беспрепятственно придерживаться своих убеждений, право свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ (ст. 19).

В соответствии со ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Ст. 10 посвящена свободе выражения мнения: «Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ» [2].

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., в отличие от предшествующих международных документов, вводит новые положения. Ст. 19 указанного Пакта закрепляет право каждого придерживаться своего мнения и свободно выражать, а именно свободно искать, получать и распространять любую информацию и идеи, независимо от государственных границ в любой из возможных форм выражения. Но в ч. 3 этой статьи появляется следующее нововведение: «Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Следовательно, оно может быть сопряжено с определенными ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- а) для уважения прав и репутации других лиц;
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения» [3].

Это положение говорит о возможности некоторого ограничения свободы массовой информации и установлении определённых границ.

В десяти статьях Хартии свободы прессы 2009 г. сформулированы основные принципы независимости СМИ: запрет цензуры, право журналистов на сбор и распространение информации, гарантированность защиты СМИ во время осуществления ими своей профессиональной деятельности, а также защиты их источников и т. д.

Стоит также отметить несколько Резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. Резолюция 59 (1) от 14 декабря 1946 г. закрепляла положение о том, что, свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы, ради которых создана ООН. Основным принципом свободы информации с точки зрения названной резолюции «является моральная обязанность стремиться к выявлению объективных факторов и к распространению информации без злостных намерений» [4, с. 65]. Резолюция 2448 (XXIII), принятая 19 декабря 1968 г. на 23 сессии, посвящена свободе информации. В свою очередь, Резолюция 33/115 [А-С] включает в себя следующие пункты:

- сотрудничество и помощь в применении и улучшении СМИ и систем связи в целях социального прогресса и развития;
- международные отношения в области информации и массовых средств связи;
- политика и деятельность ООН в области общественной информации.

Рассмотренные нами нормы международных документов посвящены свободе информации. Они распространяются не только на журналистов, но журналисты играют особую роль в обеспечении и реализации права каждого на свободу слова и доступ к информации [5].

Помимо рассмотренного международного законодательства, регулирующего деятельность представителей СМИ, следует ещё обратиться к понятию журналист-

ской этики и стандартам. Существует Международная декларация принципов поведения журналистов, принятая в 1954 г. Декларация провозглашается в качестве стандарта поведения журналистов, занимающихся сбором, обработкой, распространением и комментированием новостей и информации в целях описания событий [6], с. 16]. Существуют также Международные принципы профессиональной этики журналиста 1983 г. Согласно этим документам журналисты осуществляют свою деятельность на основании следующих принципов:

- право граждан на достоверную информацию;
- объективное освещение событий – долг журналиста;
- социальная ответственность журналиста
- профессиональная честность журналиста;
- общественный доступ к информации и участие в СМИ;
- уважение частной жизни и достоинства;
- уважение общественных интересов;
- уважение всеобщих ценностей и многообразия культур;
- борьба против войн и других бед, грозящих человечеству,
- развитие нового информационного и коммуникационного порядка.

Что касается России, то 23 июня 1994 г. Конгрессом журналистов России был одобрен Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Согласно данному Кодексу деятельность российского журналиста основывается на вышеперечисленных принципах и должна соответствовать законодательству РФ.

Существует множество международных организаций, деятельность которых направлена на защиту прав журналистов. Одной из первых международных журналистских организаций, в задачу которой стали входить защита прав и свобод, чести и достоинства журналистов при исполнении ими профессиональных обязанностей, стала Международная Федерация журналистов, основанная в 1926 г. [7, с. 149]. Помимо неё существуют международная неправительственная организация «Репортёры без границ», основанная в 1985 г., Комитет защиты журналистов, Международная организация журналистов, Международный институт прессы. Целью всех этих организация является защита журналистов от различных посягательств, направленных на воспрепятствование осуществлению ими своей профессиональной деятельности. Стоит также отметить, что в мире существует множество менее известных правозащитных групп, оказывающих юридическую помощь журналистам: Фонд правовой защиты «Свободная пресса без границ» (международный), Фонд свободы независимой прессы (Нидерланды), Комитет репортёров за свободу прессы (США), Бюро специального докладчика по свободе слова (Северная и Южная Америка), Сеть правовой поддержки онлайн-медиа (США), Фонд правовой защиты Общества профессиональных журналистов (США), Центр защиты прав СМИ (Россия) и т. д.

Нормы, закрепляющие наступление уголовной ответственности за преступления, посягающие на законную профессиональную деятельность журналистов, в большей степени закреплены в законодательстве государств – участников СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан). В отличие от рассмотренных нами ранее уголовных кодексов стран АТР, Европы и Южной Америки, уголовное законодательство стран СНГ содержит практически одинаковые нормы о наступлении ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста. Для начала необходимо обратиться к ч. 1 ст. 11 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, в которой закреплено право каждого человека на свободное выражение своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своих мнений, распространять информацию и идеи любым законным способом без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ [8].

В ч. 1 ст. 166 Модельного кодекса СНГ, представляющего собой рекомендательный законодательный акт для СНГ, принятый на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г., под воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналиста понимается воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста, а равно принуждение его к распространению либо отказу от распространения информации, соединенное с угрозой насилием, уничтожением или повреждением имущества, распространением клеветнических измышлений или оглашением иных сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне, а равно путём угрозы ущемлением прав и законных интересов журналиста [9]. В ч. 2 говорится о тех же действиях, соединённых с насилием или уничтожением, или повреждением имущества. В большей или меньшей степени данная формулировка закреплена в уголовных кодексах стран СНГ. Рассматриваемый состав, как правило, находится в главах уголовных кодексов, посвящённых преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Согласно ч. 1 ст. 144 УК РФ уголовная ответственность наступает в случае воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов путём принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации. Уголовным законодательством предусмотрены также квалифицированные составы рассматриваемого преступления: то же деяние, совершённое лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 144 УК РФ), деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 144 УК РФ, сопряжённые с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением имущества, или с угрозой применения такого насилия (ч. 3 ст. 144 УК РФ).

Уголовная ответственность по ст. 163, согласно УК Азербайджанской Республики, наступает за «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, то есть принуждение их к распространению либо к отказу от распространения информации, с применением насилия или угрозой его применения». В квалифицированном составе указывается то же деяние, совершённое должностным лицом с использованием своего служебного положения [10]. В ст. 164 УК Армении закреплено: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению либо отказу от распространения информации, наказываются...» [11], квалифицированный состав характеризует те же деяния, совершённые должностным лицом с использованием своего должностного положения. Диспозиция ст. 198 УК Республики Беларусь звучит следующим образом: «Воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению или отказу от распространения информации, совершённые с применением насилия или с угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, ущемлением прав и законных интересов журналиста...» [12]. Помимо данной нормы интерес вызывает ещё ст. 198¹, предусматривающая наказание за нарушение законодательства о СМИ. В свою очередь, УК Республики Казахстан в ст. 158 закрепляет: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения его к распространению либо отказу от распространения информации, а равно создание условий, препятствующих выполнению журналистом законной профессиональной деятельности либо полностью лишаящих его этой возможности, наказывается...» [13]. В ч. 2 данной статьи предусматривается наступление наказания за то же деяние, сопряжённое с применением насилия или угрозой применения такого насилия в отношении журналиста или его близких, либо это же деяние с повреждением, уничтожением их имущества, то же деяние, совершённое лицом с использованием своего служебного положения. Ст. 202 УК Киргизской Республики гласит: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения его к распространению либо к отказу от распространения информации, совершённое лицом с использованием своего служебного положения...» [14]. В УК Республики Узбекистан отсутствует данный состав преступления. Уголовное законодательство Республики Молдова содержит сразу три состава преступления, связанных со СМИ, а именно: умышленное нарушение законодательства о доступе к информации (ст. 180), умышленное воспрепятствование деятельности СМИ или запугивание за критику (ст. 180-1), цензура (ст. 180-2). Более развернутая, чем в большинстве рассматриваемых уголовных кодексов, формулировка содержится в ч. 1 ст. 162 УК Республики Таджикистан, объективная сторона преступления проявляется не

только в воспрепятствовании в какой бы то ни было форме, а равно принуждении к распространению либо отказу от распространения информации, соединённом с угрозой применения насилия, угрозой уничтожения или повреждения имущества, но и распространением клеветнических измышлений, оглашением иных сведений, которые журналист желает сохранить в тайне, а также угрозы ущемления прав и законных интересов журналиста. Анализ уголовного законодательства стран – участниц СНГ позволяет выделить три группы законодательной регламентации уголовно-правовой защиты прав журналистов при осуществлении ими своей профессиональной деятельности, а именно:

- 1) отсутствие законодательной регламентации (УК Республики Узбекистан);
- 2) закрепление в уголовном законе одного состава рассматриваемого преступления, без квалифицированного состава (УК Республики Беларусь, УК Киргизской Республики);
- 3) наличие в уголовном законодательстве квалифицированного состава преступления (УК Азербайджанской Республики, УК Республики Армения, УК Республики Казахстан, УК Республики Молдова, УК Российской Федерации, УК Республики Таджикистан).

Благодаря проведению сравнительного анализа уголовного законодательства вышеперечисленных стран можно сделать вывод, что так или иначе существуют возможности защиты работников СМИ от преступных посягательств как в России, так и в зарубежных странах, в случае осуществления представителями СМИ своей профессиональной деятельности за пределами своей страны. Изучение норм зарубежного законодательства может также пригодиться для совершенствования формулировок, использованных в ст. 144 УК РФ, которые нельзя назвать удачными в силу возможностей правоприменителей в данный момент отказывать в возбуждении уголовного дела либо квалифицировать преступление по смежным составам.

Список источников

1. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана права на свободу мысли, слова, совести и религии // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2006. № 27/28. С. 86–94.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. URL: <http://www.conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm>.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А(XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
4. Рихтер А. Г. Международные стандарты и зарубежная практика регулирования журналистики: учебное пособие / Издание ЮНЕСКО. М., 2011. 360 с.

5. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Изд-во Московского университета. 2002. URL: http://www/evarist.narod.ru/text17/0001.html#з_02_п_03.

6. Международные стандарты профессиональной этики журналистов: учебно-методическое пособие / сост. А. В. Байчик, Ю. В. Курышева, С. Б. Никонов. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2012. 102 с.

7. Кудашева Н. Р. Защита прав журналистов в деятельности международных организаций // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы X Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов. Саратов, 2017. С. 149–152.

8. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 26.05.1995. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

9. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.). Доступ из СПС «Гарант».

10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id30420353#pos=6;-222.

11. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. URL: www.parlament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. URL: http://m.etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_.

13. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252.

14. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. URL: cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309.

References

1. Nurkaeva T. N. Uголовно-pravovaya okhrana prava na svobodu mysli, slova, sovesti i religii [Criminal law protection of the right to freedom of thought, speech, conscience and religion]. *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-yuridicheskoi gumanitarnoi akademii*, 2006, no. 27/28, pp. 86–94. (In Russ.).

2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950. URL: <http://www.conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm>. (In Russ.).

3. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (In Russ.).

4. Richter A. G. Mezhdunarodnye standarty i zarubezhnaya praktika regulirovaniya zhurnalistiki: uchebnoe posobie [International standards and foreign practice of journalism regulation: textbook]. UNESCO edition. Moscow, 2011. 360 p. (In Russ.).

5. Richter A. G. *Pravovye osnovy zhurnalistiki: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Legal foundations of journalism: a textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Publishing House of Moscow University. 2002. URL: http://www/evarist.narod.ru/text17/0001.html#з_02_п_03. (In Russ.).

6. Baichik A. V., Kurysheva Yu. V., Nikonov S. B. (comps.). *Mezhdunarodnye standarty professional'noi etiki zhurnalistov: uchebno-metodicheskoe posobie* [International standards of professional ethics of journalists: teaching aid]. St. Petersburg, 2012. 102 p. (In Russ.).

7. Kudasheva N. R. *Zashchita prav zhurnalistov v deyatel'nosti mezhdunarodnykh organizatsii* [Protecting the rights of journalists in the activities of international organizations]. In: *Aktual'nye problemy pravovogo, sotsial'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii: materialy Kh Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov* [Actual problems of legal, social and political development of Russia: materials of the X International scientific and practical conference of students, undergraduates, graduate students]. Saratov, 2017, pp. 149–152. (In Russ.).

8. Convention of the Commonwealth of Independent States on human rights and fundamental freedoms 05/26/1995. Access from Legal Reference System «Consultant Plus». (In Russ.).

9. Model Criminal Code for the CIS Member States (adopted by a resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States dated February 17, 1996). Access from the Legal Reference System «Garant». (In Russ.).

10. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id30420353#pos=6;-222. (In Russ.).

11. Criminal Code of the Republic of Armenia of April 18, 2003. URL: [www/parlament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show](http://parlament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show). (In Russ.).

12. Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999. URL: http://m.etalonline.by/?type=text®num=HK9900275#load_text_none_1_. (In Russ.).

13. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252. (In Russ.).

14. Criminal Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021. URL: cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. В. Каримова – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета; старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Тихоокеанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения России, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

Yu. V. Karimova – Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University; Senior Lecturer, Department of Economics and Management, Pacific State Medical University, Ministry of Health of Russia, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 08.11.2022.

The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 08.11.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 181–190.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 181–190.

Научная статья

УДК 343.3/.7:316.648

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/181-190>

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА*

Руслан Георгиевич Асланян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,

aslanyanruslan@mail.ru

Аннотация. Взаимосвязь уголовно-правовых предписаний с внешней социальной средой развивается дифференцированно: по линии детерминации и по линии обеспечения инфраструктуры их реализации. Специфика социальных источников отрасли состоит в том, что они обладают свойством генерировать появление, содержание и трансформацию уголовно-правового предписания. Вместе с тем, эти источники, традиционно понимаемые как система реально существующих общественных отношений и норм, во-первых, никогда не детерминируют уголовно-правовые предписания непосредственно, но только будучи отраженными общественным сознанием, и во-вторых, сами по себе не могут составлять предмет науки уголовного права. Развитие уголовно-правового учения о социальных источниках отрасли требует признать, что детерминирующие уголовно-правовые предписания социальные источники всегда преломляются общественным сознанием и имеют внешнюю форму объективизации в виде оценочных суждений о наличии криминальных рисков для нормального развития той или иной сферы общественных отношений. «Форма выражения социальных источников» выступает необходимым теоретическим конструктом, позволяющим профессионально исследовать механизм социальной детерминации уголовно-правовых предписаний.

Ключевые слова: социальные источники уголовного права, основания криминализации, истоки уголовно-правового запрета, форма выражения социальных источников уголовного права.

Для цитирования: Асланян Р. Г. Социальные источники Особенной части уголовного права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 181–190. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/181-190>

* © Асланян Р. Г., 2022

Original article

SOCIAL SOURCES OF A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Ruslan G. Aslanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, aslanyanruslan@mail.ru

Abstract. The relationship of criminal law regulations with the external social environment develops differentially: along the line of determination and along the line of providing infrastructure for their implementation. The specificity of the social sources of the industry is that they have the property of generating the appearance, content and transformation of criminal law regulations. At the same time, these sources, traditionally understood as a system of really existing social relations and norms, firstly, never determine criminal law prescriptions directly, but only being reflected by the public consciousness, and secondly, they themselves cannot constitute the subject of the science of criminal law. The development of the criminal law doctrine of the social sources of the branch requires recognizing the fact that the social sources that determine criminal law prescriptions are always refracted by the public consciousness and have an external form of objectification in the form of value judgments about the presence of criminal risks for the normal development of a particular sphere of public relations. The ‘form of expression of social sources’ is a necessary theoretical construct that allows professional investigation of the mechanism of social determination of criminal law prescriptions.

Keywords: social sources of criminal law, grounds for criminalization, origins of criminal law prohibition, form of expression of social sources of criminal law.

For citation: Aslanyan R. G. Social sources of a Special part of criminal law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 181–190. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/181-190>

Введение

Исследование источников формирования нормативных уголовно-правовых предписаний («материальных», «социальных» источников) должно составлять обязательный компонент общего учения об отраслевых источниках права. В методологическом отношении источники Общей и Особенной части уголовного права, безусловно, представляют единый комплекс факторов, учитывая, с одной стороны, единую основу формирования уголовно-правовых норм, с другой стороны, – относительную условность деления уголовного права на Общую и Особенную части. Однако с методической точки зрения самостоятельное изучение источников фор-

мирования предписаний особенной части уголовного права является и вполне возможным, и оправданным, тем более что именно Особенная часть уголовного права выражает собой характер отрасли и ее основное предметное содержание.

Терминологические рассуждения

Вопрос о социальных источниках Особенной части уголовного права в качестве самостоятельной темы в научной литературе до сегодняшнего дня не рассматривался. Тем не менее, исследователи всегда прямо или косвенно затрагивали его в рамках анализа проблем социальной обусловленности уголовного права. В этой части науки накоплен определённый опыт, который требует обобщения и дальнейшего развития.

Прежде всего стоит отметить, что вопросы обусловленности уголовного закона (в том числе его Особенной части) факторами внешней, социальной среды освещаются в научных сочинениях с использованием различной терминологии. При всей условности любого термина, тем не менее, надо признать, что каждый из них скрывает свои особенные нюансы раскрываемой проблемы, задаёт определённые ограничения и направления научного поиска. В силу этого, научные концепции в рассматриваемой части, хотя и оказываются близкими по содержанию, в то же самое время сложно сопрягаются друг с другом и слабо поддаются обобщённому сравнительному анализу.

Так, например, О. Н. Бибик прямо использует термин «социальные источники уголовного права», понимая под ними, однако, как явления, влияющие на возникновение уголовно-правовых норм, так и определяющие содержание данных норм в момент их реализации [1, с. 55].

В то же время Н. И. Пикуров, пусть и не вполне явно, но дифференцирует обстоятельства, которые, с одной стороны, способствуют «порождению» уголовно-правовых норм, а с другой стороны, составляют основу их реального функционирования. Для обозначения совокупности социальных норм, институтов и явлений, составляющих среду функционирования уголовно-правовых норм, им используется термин «инфраструктура уголовного права», который включает как общесоциальные явления, так и юридические, лежащие вне границ отрасли [2, с. 95–96].

Этот аспект дифференциации представляется весьма важным. Социальные обстоятельства, порождающие уголовно-правовые нормы и сопутствующие их применению, хотя и взаимосвязаны, а порой и совпадают, выполняют в процессе функционирования уголовного права принципиально различные роли. Одни – обуславливают генезис норм, другие – внешнюю среду их реализации. В силу того, что процесс генезиса и функционирования уголовно-правовых норм не является прерывистым, дискретным, одни и те же факторы могут как продуцировать появление уголовно-правовой нормы, так и составлять условия ее реализации в

настоящий момент. Но, в силу динамики социально-исторического процесса, сами эти факторы, их содержание могут существенным образом меняться во времени. И в таких обстоятельствах вопрос о совпадении рассматриваемых факторов приобретает особое значение. Он непосредственно связан с проблемой толкования уголовно-правовых норм: должно ли выяснять смысл нормы в контексте обстоятельств, которые сопровождают её применение, или же смысл нормы необходимо выяснить в контексте факторов, которые её породили? могут ли исторические обстоятельства появления уголовно-правовой нормы предопределять её содержание в настоящий момент? могут ли изменившиеся социально-исторические условия менять смысл неизменного текста уголовного закона? Обсуждение этих вопросов выходит за пределы настоящего исследования, но сама их постановка однозначно свидетельствует о том, что социальные источники и социальная инфраструктура уголовного закона – хотя и связанные, но качественно различные феномены. В силу этого, *настаивая на предпочтительности использования термина «источник» (а не инфраструктура), необходимо ограничить его понимание только теми социальными факторами, которые способствуют порождению уголовно-правовой нормы.*

Следующее значимое расхождение в терминологии, которое влияет на объём и содержание исследуемого понятия «социальный источник Особенной части уголовного права», заключается в характеристике самого объекта, который производится теми или иными социальными обстоятельствами. Ограничиваясь в данном случае правовыми предписаниями Особенной части уголовного права, можно выделить несколько подходов.

Наиболее широко представлено в научной литературе учение о социальной обусловленности процессов криминализации. В его рамках обосновывается понятие и система социальных факторов, оснований (или иными словами – причин) законодательного закрепления и конструирования того или иного состава преступления. Так, Г. А. Злобин определяет основания криминализации как «процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей». Это то, что создаёт «действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, внутреннюю необходимость возникновения правовой нормы», «действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы» [3, с. 204–206].

И хотя в работах, посвящённых вопросам криминализации, термин «социальный источник», как правило, не употребляется, анализ содержания факторов криминализации показывает фактическую идентичность их перечня тем обстоятельствам, которые в иных сочинениях признаются социальными источниками формирования уголовно-правовых норм. Иными словами, предметом генезиса в рамках

данного подхода выступает состав преступления, а исследования специалистов сосредоточены на факторах, его порождающих.

Иной подход демонстрирует концепция С. А. Маркунцова, который, концептуализируя понятие «уголовно-правовой запрет», проводит его тонкое отличие от понятия «состав преступления». Автор указывает, что состав преступления – это исключительно доктринальная конструкция, тогда как уголовно-правовой запрет – конструкция законодательная. На основе одного запрета могут формулироваться несколько составов преступлений. При этом уголовно-правовой запрет определяется им как базовое (основное) нормативно-правовое предписание, ядро запрещающей уголовно-правовой нормы, отражающее её основное назначение. Однако уголовно-правовой запрет и уголовно-правовая норма – понятия не тождественные. Норма в его трактовке фактически состоит из двух предписаний: собственно запрета и предписания, содержащего наказания за потенциальное нарушение уголовно-правового запрета. Последние нормативно-правовые предписания, по мнению С. А. Маркунцова, являются производными и вспомогательными по отношению к первым. Они напрямую зависят от вида, социальной обусловленности уголовно-правовых запретов и ряда других факторов [4, с. 105–106; 5 с. 477–478].

Противопоставляя, таким образом, состав преступления и нормативное предписание, выделяя два вида предписаний (запрет и санкцию), С. А. Маркунцов уделяет специальное внимание вопросу о факторах формирования уголовно-правовых запретов. При этом он пишет: «Употребление понятия “социальные источники” применительно к уголовно-правовым запретам <...> представляется не вполне удачным. В этом смысле более целесообразным является использование понятия “источники уголовно-правовых запретов”. Лексически по одному из значений термины “источники” и “исток” являются синонимами. В то же время в последнем случае не возникает терминологических коллизий с устоявшимся в юриспруденции понятием “источник права”» [6, с. 180].

Требуют внимания два обстоятельства. Во-первых, в предлагаемых обстоятельствах автор отказывается в использовании слова «источник» исключительно по причине его терминологической коллизии с понятием «формальный источник отрасли». На такие терминологические «игры» можно не обращать принципиальное внимание. Во-вторых, и это главное, С. А. Маркунцов сознательно выводит за пределы уголовно-правового запрета санкцию уголовно-правовой статьи Особенной части, в связи с чем ограничивает рассуждения об источниках только источниками самого запрета. В этом случае остается без ответа вопрос о наличии и содержании социальных источников формирования санкции. Автор говорит о том, что санкция зависит от социальной обусловленности запрета, однако из этого вовсе не вытекает с необходимостью, что она формируется теми же социальными источниками.

Эту особенность трактовки понятия «уголовно-правовой запрет» и его «источков» критикует Ю. Е. Пудовочкин. По его мнению, «исключение наказуемости из

содержания уголовной запрещенности деяния вряд ли возможно по определению; деяние не может быть запрещено уголовным законом без установления за него санкции». На этой основе автор фактически отождествляет уголовно-правовой запрет и уголовно-правовую норму. И указывает далее, что запрет, трактуемый в смысле действий государства по установлению уголовно-правовой нормы и самой этой нормы, должен быть обусловлен, причём, «когда речь о социальной или иной обусловленности запрета, то целесообразно перенести рассуждения в область его установления – криминализации и пенализации с тем, чтобы выяснить условия и критерии, исходя из которых та или иная норма будет оцениваться как социально обусловленная» [7, с. 137, 138].

Поэтому можно полагать, что в процессе познания социальных факторов, продуцирующих уголовно-правовые запреты, жёсткое разделение «криминальной» и «пенальной» части является нецелесообразным и методологически неверным. С учётом взаимной связи и предопределённости, источники криминализационного (устанавливающего преступность) и пенализационного (устанавливающего наказуемость) компонента уголовно-правового предписания особенной части уголовного права (и уголовно-правовой нормы в целом) должны рассматриваться как единая совокупность факторов. И в этом отношении *между источниками формирования уголовно-правового запрета, источниками криминализации и источниками Особенной части уголовного права нет и не может быть содержательных расхождений.*

В то же время в исследовательских целях есть потребность в тонкой дифференциации источников, детерминирующих диспозиционную и санкционную часть правовых предписаний Особенной части уголовного права.

В науке вполне обоснованно отмечается, что основания криминализации деяний могут быть представлены в двух группах: социальные и криминологические. «Социальные основания предполагают существование и развитие негативных явлений в экономической, социальной, политической и духовной жизни общества. <...> Криминологические основания предполагают существование и распространение определенных видов общественно опасных деяний, влекущих необходимость введения уголовно-правового запрета» [8, с. 86]. Эти социальные и криминологические факторы в значительной степени формируют именно диспозитивную часть уголовно-правового запрета. Источники запрета здесь неразрывно связаны с основаниями криминализации. Однако санкционная часть уголовно-правового предписания детерминируется не только, а скорее всего, не столько этими социально-криминологическими факторами, сколько обстоятельствами, содержание которых восходит к принципам уголовно-правовой политики государства, к основным идеям уголовно-правовой доктрины и уголовно-правовой концепции. Иными словами, социальные источники санкционной части уголовно-правового предписания несут на себе более выраженный уголовно-политический, нежели социально-криминологический отпечаток.

Анализ вопросов криминализации, структуры уголовно-правового запрета и структуры уголовно-правового предписания в контексте социальных источников отрасли уголовного права выявляет ещё одно значимое обстоятельство. Речь идет о том, что высказанные в науке суждения о социальных источниках, отчасти различающиеся, но во многом принципиально совпадающие, по сути никак не связаны с авторскими построениями относительно системы так называемых формальных источников отрасли. Вне зависимости от того, признают ли специалисты полиисточниковый характер отрасли либо поддерживают идею о признании уголовного кодекса её единственным формальным источником, они ведут линейные построения теории источников социальных.

Представляется, что здесь имеется повод и для критики, и для углубления теории; всё то, что именуется в науке социальными источниками, можно справедливо считать факторами, порождающими содержание именно уголовного закона, и прежде всего его особенной части с системой уголовно-правовых запретов и составов преступлений. Прямого детерминирующего воздействия на иные формальные источники (будь то постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебные прецеденты и т. д.) многообразные социальные факторы по сути своей не оказывают. В условиях, когда закон принят и вступил в действие, эти социальные факторы трансформируются в то, что Н. И. Пикуров назвал «социальной инфраструктурой» уголовного права. Связь этих факторов с уголовным правом становится не детерминационной (порождающей), а координационной. Социальные факторы в этом случае позволяют уточнить, конкретизировать содержание уголовно-правового предписания, они могут влиять на понимание его объёма и содержания, но они не обуславливают самого этого предписания. По этой причине надо принять во внимание два значимых обстоятельства: во-первых, *социальные источники уголовного права должны пониматься как источники именно уголовного закона, а не какого-либо иного уголовно-правового акта*; во-вторых, необходимо проводить тонкое различие между социальной детерминацией уголовно-правовых норм и социальной инфраструктурой их реализации.

В завершение обзора теоретических проблем познания факторов формирования Особенной части уголовного права – ещё одно терминологическое наблюдение. В цитированных выше работах Ю. Е. Пудовочкин рассматривает различные «основы» уголовно-правового запрета, характеризуя по факту всё то, что С. А. Маркунцов именуется «истоками», а О. Н. Бибик – «социальными источниками». Вместе с тем, некоторые авторы выступают категорически против отождествления «основ» и «источников». «Подмена основания уголовного права его социальным источником (или истоком, как предлагает С. А. Маркунцов) вообще недопустима, – пишет А. А. Дегтярев. Согласно толковым словарям, одно из значений слов «источник» и «исток» – соответственно, то, что даёт начало к чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь; начало, первоисточник чего-нибудь. Следовательно, в

этом случае вообще речь идёт об ином, а не об основании уголовного права вообще и уголовно-правовой нормы в частности. <...> [О. Н. Библик] говорит об источниках как явлениях, которые влияют на возникновение соответствующих уголовно-правовых норм. Влиять – оказывать влияние, т. е. воздействовать на кого-то, что-то. В такой интерпретации значения социального источника в генезисе нормы он вообще не имеет отношения к основанию уголовно-правового запрета (например, влияние лобби на принятие определённой нормы Уголовного кодекса)» [9, с. 22].

Оценивая эту часть дискуссии, необходимо отметить, что поиск фундаментальных содержательных отличий между основами и источниками, хотя и представляет познавательный интерес, не должен уводить в сторону от главного: используя любой термин, специалисты, по сути, говорят об одном и том же – о тех обстоятельствах, которые детерминируют наличие, номенклатуру и содержание предписаний Особенной части уголовного права. В этом смысле отождествление основ и источника вполне допустимо, равно и как ограничение понятия источника только теми факторами, которые оказывают детерминирующее влияние на Особенную часть уголовного права.

Заключение

Исследование проблем, связанных с пониманием феномена социальных источников формирования нормативных предписаний Особенной части уголовного права, позволяет сформулировать несколько выводов, способствующих, как представляется, развитию общей теории отраслевых источников и социальной обусловленности уголовного права:

- влияние социальных факторов на функционирование уголовного права позволяет различать социальные источники отрасли и социальную инфраструктуру уголовно-правовых предписаний, причисляя к источникам факторы, которые обладают детерминирующим воздействием на появление и содержание уголовно-правовых запретов;

- детерминирующие уголовное право факторы социальной среды никогда не воздействуют на него непосредственно, но лишь будучи отраженными в общественном сознании, в связи с чем социальный источник отрасли – это всегда оценка тех или иных социальных процессов с точки зрения возможности и необходимости подключения уголовно-правовых средств для их защиты.

Список источников

1. Библик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб. : Юридический центр пресс, 2006. 243 с.
2. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. 221 с.

3. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 302 с.
4. Маркунцов С. А. Особенности правовой оценки конкретного уголовно-правового запрета // *Lex Russica*. 2016. № 2. С. 100–109.
5. Маркунцов С. А. Состав преступления и уголовно-правовой запрет как юридические конструкции // *Юридическая техника*. 2013. № 7-2. С. 474–478.
6. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 550 с.
7. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М. : Юрлитинформ, 2012. 240 с.
8. Зыков Д. А., Шеслер А. В. Понятие, основание и принципы криминализации и декриминализации деяний // *Вестник Владимирского юридического института*. 2013. № 1 (26). С. 85–90.
9. Дегтярев А. А. Необходимость уголовно-правовой охраны политической системы России: теоретический аспект // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 1. С. 19–32.

References

1. Bibik O. N. *Istochniki ugovolnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of criminal law of the Russian Federation.]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr press, 2006. 243 p. (In Russ.).
2. Pikurov N. I. *Ugovolnoe pravo v sisteme mezhotraslevykh svyazei* [Criminal law in the system of interbranch relations.]. Volgograd: VYuI MVD Rossii Publ., 1998. 221 p. (In Russ.).
3. Kudryavtsev V. N., Yakovlev A. M. (eds.). *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 302 p. (In Russ.).
4. Markuntsov S. A. *Osobennosti pravovoi otsenki konkretnogo ugovolno-pravovogo zapreta* [Features of the legal assessment of a specific criminal law prohibition]. *Lex Russica*, 2016, no. 2, pp. 100–109. (In Russ.).
5. Markuntsov S. A. *Sostav prestupleniya i ugovolno-pravovoi zapret kak yuridicheskie konstruksii* [Composition of a crime and criminal law prohibition as legal structures]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2013, no. 7-2, pp. 474–478. (In Russ.).
6. Markuntsov S. A. *Teoriya ugovolno-pravovogo zapreta* [Theory of criminal law prohibition]. Dr. Dis. (Legal. Sci.). Moscow, 2015. 550 p. (In Russ.).
7. Pudovochkin Yu. E. *Uchenie ob osnovakh ugovolnogo prava. Leksii* [Teaching about the foundations of criminal law. Lectures]. Moscow: Yurлитinform Press, 2012. 240 p. (In Russ.).

8. Zykov D. A., Shesler A. V. Ponyatie, osnovanie i printsipy kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyanii [Concept, basis and principles of criminalization and decriminalization of acts]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2013, no. 1 (26), pp. 85–90. (In Russ.).

9. Degtyarev A. A. Neobkhodimost' ugovovno-pravovoi okhrany politicheskoi sistemy Rossii: teoreticheskii aspekt [The need for criminal law protection of the political system of Russia: a theoretical aspect]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2020, no. 1, pp. 19–32. (In Russ.).

Информация об авторе

Руслан Георгиевич Асланян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Information about the author

Ruslan Georgievich Aslanyan – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 191–204.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 191–204.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Научная статья

УДК 327.7:061.1ШОС:[378.1-042.62:34]

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/191-204>

ПЛАН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ СТРАН ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ПРОЕКТ)*

上海合作组织法律大学联盟方案

(草案)

Цзян Сьюань¹, Сунь Фан², Цао Цзюньцзинь³, Не Сичжо⁴

¹Шанхайский политико-юридический университет, Центр обмена
и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС, г. Шанхай,
Китайская Народная Республика, siyuanjiang@126.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4389-9461>

²Институт экономики и права Шанхайского политико-юридического университета,
г. Шанхай, Китайская Народная Республика

³Школа международного права Шанхайского политико-юридического
университета, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.

⁴Шанхайский политико-юридический университет, г. Шанхай,
Китайская Народная Республика

Аннотация. Инициатива по созданию на добровольной основе Ассоциации юридических вузов стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) была предложена Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном в 2021 г. на 20-м заседании Совета глав правительств государств – членов ШОС. Задача по конкретной реализации данной инициативы была возложена на Шанхайский политико-юридический университет. Многие вузы стран ШОС, в том числе Дальневосточный федеральный университет, поддержали эту инициативу и участвовали в первом собрании её представителей. Ассоциация юридических вузов стран ШОС (далее – Ассоциация) будет способствовать развитию сотрудничества в области юридического образования, создаст благоприятные условия для активизации научно-исследовательской деятельности в рамках ШОС, укреплению правовых гарантий экономического и

* © Цзян Сьюань, Сунь Фан, Цао Цзюньцзинь, Не Сичжо, 2022

торгового сотрудничества между государствами ШОС. Деятельность Ассоциации будет нацелена на реализацию принципа верховенства права в мире.

Ключевые слова: инициатива, членство в Ассоциации юридических вузов стран ШОС, подготовка юристов-международников, проведение совместных исследований, создание открытой платформы для многостороннего и двустороннего сотрудничества, формирование специализированных реестров зарубежных экспертов в сфере права, укрепление верховенства права, создание совершенной правовой базы стран ШОС, сопряжение стратегий развития различных стран, создание сообщества единой судьбы человечества в рамках ШОС.

Для цитирования: Цзян Сыюань, Сунь Фан, Цао Цзюньцзинь, Не Сичжо. План деятельности Ассоциации юридических вузов стран Шанхайской организации сотрудничества (проект) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 191–204. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/191-204>

INTERNATIONAL COOPERATION

Original article

PLAN OF ACTIVITIES OF THE ASSOCIATION OF LAW UNIVERSITIES OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION COUNTRIES (PROJECT)

上海合作组织法律大学联盟方案
(草案)

Jiang Siyuan¹, Sun Fang², Cao Junjin³, Nie Xizhuo⁴

¹The Shanghai University of Political Science and Law, China National Committee for SCO Legal Service Exchange and Cooperation, Shanghai, People's Republic of China, siyuanjiang@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4389-9461>

²The Institute of Economics and Law of the Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China

³The School of International Law of the Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China

⁴The Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China

Abstract. The initiative to establish an Association of Law Universities of the Shanghai Cooperation Organization countries on a voluntary basis was proposed by Premier of the State Council of the People's Republic of China Li Keqiang at the

20th Meeting of the Council of Heads of Government of Member States of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in 2021.

The task of concrete implementation of this initiative was entrusted to the Shanghai University of Political Science and Law. Many universities of the SCO countries, including the Far Eastern Federal University, supported this initiative and participated in the first meeting of its representatives. The Association of Law Schools of the SCO Countries (hereinafter referred to as the Association) will promote the development of cooperation in the field of legal education, create favorable conditions for intensifying research activities within the SCO, strengthening legal guarantees for economic and trade cooperation between the SCO states. The activities of the Association will be aimed at implementing the principle of the rule of law in the world.

Keywords: initiative, membership in the Association of Law Schools of the SCO countries, training of international lawyers, joint research, creation of an open platform for multilateral and bilateral cooperation, formation of specialized registries of foreign experts in the field of law, strengthening the rule of law, creation of a perfect legal framework of the SCO countries, conjugation of development strategies of various countries, creation of a community of a common destiny for mankind within the framework of the SCO.

For citation: Jiang Siyuan, Sun Fang, Cao Junjin, Nie Xizhuo. Plan of activities of the Association of Law Universities of the Shanghai Cooperation Organization countries (project) // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 191–204. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/191-204>

В контексте крупных перемен, невиданных за столетие, международная конфигурация претерпевает ряд глубоких и значительных изменений. Столкнувшись с новой ситуацией в экономике, политике и др., все страны мира и международные организации стараются адаптироваться к ней в новую эпоху глобальных перемен. В последние годы Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС или Организация) постоянно стремится к собственному развитию, из года в год наблюдаются позитивные подвижки в области обеспечения региональной безопасности, имеется хорошая перспектива для дальнейшего экономического развития стран Организации. ШОС играет всё более значимую роль на мировой арене. Создание Ассоциации юридических вузов стран Шанхайской организации сотрудничества (далее – Ассоциация) призвано развивать дух взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур и стремления к совместному развитию, – принципов, получивших название «шанхайский дух»; оптимизировать сотрудничество в области юридического образования, в научно-исследовательской деятельности в рамках ШОС, стимулировать дальней-

шее углубление всестороннего практического сотрудничества государств ШОС, укреплять правовые гарантии экономического и торгового сотрудничества между государствами ШОС и вносить вклад на региональном уровне в стимулирование процесса реализации принципа верховенства права в мире.

Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время мир переживает беспрецедентные изменения. В условиях стремительного развития технологий, глобализации экономики и усиления геополитической конкуренции, мир сталкивается с новыми вызовами. В этой связи ШОС играет важную роль в обеспечении стабильности и сотрудничества в регионе. ШОС является уникальной платформой для диалога и сотрудничества между государствами Азии, Европы и Африки. ШОС способствует укреплению доверия и сотрудничества между государствами, а также способствует развитию экономики и культуры в регионе. ШОС является важным элементом мировой архитектуры безопасности и сотрудничества. ШОС способствует укреплению международного права и верховенства права. ШОС является важным элементом мировой архитектуры безопасности и сотрудничества. ШОС способствует укреплению международного права и верховенства права.

I. Необходимость создания

Учреждение Ассоциации юридических вузов стран Шанхайской организации сотрудничества имеет важное значение для создания сообщества единой судьбы человечества стран ШОС, укрепления верховенства права в регионе и подготовки юристов-международников в рамках ШОС.

一、必要性

В рамках ШОС, создание «Ассоциации юридических вузов стран ШОС» имеет важное значение. Это способствует укреплению сотрудничества между государствами ШОС, а также способствует развитию экономики и культуры в регионе. Это является важным элементом мировой архитектуры безопасности и сотрудничества.

1. Служение на благо создания сообщества единой судьбы человечества ШОС. По мере своего развития Организация расширяется, расширяются и области сотрудничества между государствами ШОС, которые становятся всё более взаимосвязанными во многих сферах. Смотри в будущее, мы можем укрепить сотрудничество между юридическими вузами государств ШОС, создать общую платформу для обмена ресурсами в сфере юридического образования. В свою очередь, данные меры не только эффективно выполняют роль своеобразного «моста» и связующего звена, предоставив больше уникальных возможностей для обмена между исследователями в области права, преподавателями и студентами, позволят углубить взаимопонимание между различными нациями с их разнообразными культурными традициями, но также будут способствовать развитию понимания концепции создания сообщества единой судьбы человечества стран ШОС, ускорению его создания в рамках ШОС, укреплению сплочённости и единства Организации и созданию сообщества единой судьбы человечества в рамках ШОС.

一是有利于构建上合组织命运共同体。随着上合组织的发展，上合组织不断扩大，各成员国合作的领域也在不断拓展，成员国在诸多领域更加紧密地联系在一起。着眼未来，加强成员国法律大学的合作，打造法律教育交流共享平台，不仅可以更有效地发挥桥梁和纽带作用，为法律研究人员、教师以及学生等提供更多更好的交流机会，加深拥有不同文化传统的各民族之间的彼此了解，而且有利于培育上合组织命运共同体意识和理念，增强上合组织的凝聚力和向心力，推进构建上合组织命运共同体。

2. Укрепление верховенства права стран «Одного пояса и одного пути». Юридические услуги являются важной гарантией успешного регионального сотрудничества. Так, проекты международных экономических коридоров (например, новый Евразийский континентальный мост), морские маршруты, содействие в сфере строительства инфраструктуры, международной торговли, транснациональных инвестиций, сотрудничества в области энергетических ресурсов, финансовое обеспечение судоходства и т. д. неотделимы от правового сопровождения, требуют участия большего числа высококвалифицированных юристов-международников для единообразного толкования и применения международных правил и норм, присоединения к международному взаимодействию в сфере правоприменения и юстиции. Укрепление сотрудничества в области правовых исследований между странами ШОС на платформе Ассоциации будет способствовать скоординированной работе в законодательстве, юстиции и правоприменении, повышению уровня предоставления юридических услуг и обеспечению верховенства права в региональном сотрудничестве.

二是有利于加强上合区域法治保障。法律服务是区域合作顺利的重要保障，打造新欧亚大陆桥等国际经济合作走廊，建设畅通海上通道，促进基础设施建设、国际贸易、跨国投资、能源资源合作、航运金融等，都离不开法律护航，需要更多的国际法律高端人才参与国际规则的统一解释和适用，加入国际执法、司法协作。以“上海合作组织法律大学联盟”为平台，加强各国法律研究合作，有利于推进立法、司法、执法联动，提升法律服务水平，为上合区域合作提供法治保障。

3. Содействие формированию кадрового состава юристов-международников в рамках ШОС. Несмотря на то, что юридические вузы стран ШОС уста-

навливали контакты между собой ранее, но из-за территориальных и институциональных ограничивающих факторов до сих пор не был создан прочный механизм углублённого сотрудничества. Вследствие этого, на эффективность подготовки юридических кадров в регионе оказывают влияние сдерживающие факторы. Создание Ассоциации юридических вузов стран ШОС расширило направление профессиональной подготовки, проводимой вузами стран ШОС, углубило практическое сотрудничество между юридическими университетами в регионе и устранило профессиональные барьеры между сферой предоставления юридических услуг по иностранным делам и правительственными ведомствами, учебными заведениями, деловыми ассоциациями и международными организациями. Налаживаются согласованность спроса на рынке труда и предложения системы образования, расширяется кадровый резерв юристов-международников, создаётся команда юристов-международников комплексного, прикладного, инновационного типа, осуществляется содействие обслуживанию регионального экономического развития, были приданы новые импульсы в таких сферах, как образование, научные исследования и культурное сотрудничество государств ШОС, оказывается содействие интеграционным процессам в образовательной, научно-исследовательской и технологической сферах.

三是有利于国际法律人才队伍建设。由于地域、政策、制度等方面因素的限制，上海合作组织法律类高校之前虽有联系与交流，但尚未建立较为深入的合作机制，导致当前上合区域法律人才培养的成效受到一定限制。“上海合作组织法律大学联盟”的成立，扩大了上合组织大学的专业方向，深化了区域内的法律类高校务实合作，探索打通涉外法律服务行业与政府部门、教育机构、商协会、国际组织之间的职业壁垒，努力实现“供给侧”与“需求侧”的有效对接，壮大国际法律人才储备，努力造就一支复合型、应用型、创新型、国际型的国际法律人才队伍，服务区域经济发展，增添成员国教育、科研、文化合作新动力，助力教育、科研和技术领域里的一体化进程。

II. Позиционирование (место) Ассоциации и её основные цели

Международные обмены и сотрудничество между научно-исследовательскими институтами и организациями в сфере юридического образования – важная составляющая часть правовой и народной дипломатии. Целью создания Ассоциации юридических вузов государств ШОС является обеспечение платформы для много-

стороннего и двустороннего сотрудничества между вузами – членами Ассоциации в таких областях, как юридическое образование и научные исследования, содействие практическому сотрудничеству между вузами в следующих сферах: создание учебных предметов и дисциплин, академические обмены, подготовка кадров, сотрудничество в научно-исследовательской деятельности и международный обмен.

二、定位与宗旨

法律教学科研机构之间的国际交流合作是法律外交的重要构成，也是民间外交的重要维度。“上海合作组织法律大学联盟”旨在为成员单位在法学教育和研究等领域开展多双边合作提供平台，促进成员单位在学科建设、学术交流、人才培养、科研合作、国际交流等领域展开务实合作。

III. Учредители Ассоциации, членство в ней и её организационная структура

Шанхайский политико-юридический университет (КНР) выступил инициатором создания Ассоциации, три юридических вуза стали учредителями Ассоциации: Ганьсуский университет политики и права (КНР), Северо-западный университет политики и права (КНР), Юридический Институт Сианьского транспортного университета (КНР). В Ассоциацию могут последовательно вступать другие китайские и зарубежные юридические вузы и общественные организации.

Членами Ассоциации юридических вузов Шанхайской организации сотрудничества могут быть юридические вузы и юридические институты (факультеты) классических университетов, соответствующие общественные организации государств-членов ШОС, государств-наблюдателей при ШОС, государств-партнёров по диалогу ШОС. Руководящими органами Ассоциации являются Общий совет членов Ассоциации и постоянно действующий Исполнительный совет, которые проводят консультации и обсуждение важных внутренних вопросов Ассоциации и принимают соответствующие решения (резолуции); Секретариат Ассоциации разрабатывает систему правил и положений деятельности Ассоциации, выполняет решения (резолуции) Общего совета и постоянно действующего исполнительного совета, разрабатывает и реализует планы различных мероприятий Ассоциации.

三、成员范围和组织架构

中方牵头院校为上海政法学院，创始会员为甘肃政法大学、西北政法大学、西安交通大学法学院，其他国内外法学院校及其他社会机构可依次加入。

“上海合作组织法律大学联盟”成员由上合组织成员国、观察员国与对话伙伴国法律类大学以及综合性大学法学院、相关社会机构组成；联盟设立理事会和常务理

事会，协商与讨论联盟内部各重要事项，**并做出相关决议**；联盟设立秘书处制定联盟各项规章制度，执行理事会和常务理事会决议，**制定并实施联盟各项活动计划**。

IV. Принципы сотрудничества

四、合作原则

1. Многостороннее сотрудничество, ведущая роль вузов. Планируется обращение за поддержкой в министерства образования и министерства юстиции стран ШОС в организации дальнейшей работы Ассоциации. В фактическом процессе учреждения Ассоциации ведущую роль должны играть юридические вузы региона ШОС. Поощряется совместное участие основных юридических департаментов, предприятий и других общественных сил для активизации и обогащения содержания сотрудничества в рамках Ассоциации.

(一) **多方合作，高校主导。**向上合组织国家教育部、司法部申请政策支持，指导联盟建设。在联盟实际建设过程中，上合组织区域内法律高校发挥主导作用。同时鼓励法律实务部门、企业及其他社会力量共同参与，活跃联盟合作局面，丰富联盟合作内涵。

2. Концепция «совместные консультации, совместное строительство и практическое сотрудничество». Ассоциация юридических вузов Шанхайской организации сотрудничества должна выступать в качестве открытой международной платформы для практического сотрудничества в области юридического образования в рамках ШОС. Придерживаясь принципов концепции «совместные консультации, совместное строительство, совместное использование», необходимо содействовать интеграции и интерактивному развитию юридического образования и подготовки юридических кадров в странах Шанхайской организации сотрудничества.

(二) **共商共建，务实合作。**“上海合作组织法律大学联盟”应建设成为上合框架内的开放型、务实型和国际化的法学教育合作平台。坚持共商、共建、共享原则，推进上合各国法律教育和法律人才培养融通、互动发展。

3. «Образование превыше всего», достижение взаимной выгоды и обоюдного выигрыша. Необходимо укреплять сотрудничество в области образования, осуществлять инновационную подготовку международных юридических кадров, способных выполнять прикладные задачи для каждого государства ШОС и региона ШОС в целом. Следует также развернуть практическое сотрудничество для дости-

жения взаимной выгоды и обоюдного выигрыша в области юридического образования в странах Шанхайской организации сотрудничества.

(三) 育人为本, 互利共赢。加强合作育人, 为上合组织地区及各国培养创新型、应用型、国际化法律人才。开展务实合作, 促进上合各国在法律教育领域互利互惠。

V. Содержание сотрудничества

五、合作内容

1. **Совместная подготовка кадров.** Осуществляется ориентация на спрос на юридические кадры, объединение сведений о реальных потребностях региона ШОС в юридических кадрах, анализ текущей ситуации спроса на этих специалистов в странах ШОС, интеграция высококачественных ресурсов в сфере юридического образования в рамках ШОС и формирование механизма многосубъектного участия для совместной подготовки преподавателей и студентов в рамках высших учебных заведений, а также формирование целенаправленной, комплексной и междисциплинарной программы специальной подготовки кадров через взаимное информирование о спросе кадров на рынке труда и предложении системы их обучения. Планируется учреждение программы подготовки магистров в области права (юристов-международников), осуществление программ регулярного обмена визитами ключевых кадров профессорско-преподавательского состава и т. д. В процессе подготовки специалистов уделяется внимание налаживанию эффективного международного взаимодействия в сфере юридического образования, юридической практики, а также между юридическими кадрами и правовыми системами стран в целях обеспечения юридическими кадрами сферы торгово-экономического сотрудничества между государствами региона ШОС.

(一) 人才联合培养。注重法律人才需求导向, 结合上合组织区域法律需求的现实情况, 分析各成员国法律人才需求现状, 整合上合框架内优质法律教育资源, 形成联盟高校内教师、学生联合培养多主体参与机制, 通过需求互通形成强针对、高复合、多交叉的人才专项培养方案。开设法律硕士专业学位(涉外律师)研究生培养项目、骨干教师定期交流互访项目等, 重视在人才培养过程中形成法学教育、法学实践、法律人才、法律制度之间的良性互动, 为上合区域国家间的经贸合作提供法制人才保障。

2. Проведение совместных исследований, публикации научных результатов, академических достижений. Важнейшая задача – организация деятельности членов Ассоциации с целью проведения специальных совместных исследований по конкретным правовым вопросам в рамках стран ШОС для предоставления на рассмотрение руководства ШОС и соответствующих правительственных организаций (департаментов) рекомендаций и проектов разрешения проблемных ситуаций. Посредством создания Исследовательского центра по установлению содержания норм иностранного права для ШОС, Исследовательского центра транснациональной правовой культуры и верховенства права и т. д. будут разрабатываться совместные программы и проекты в области торговли и экономики государств-членов, осуществляться обмены правовой информацией в интересах взаимодействия в сфере совершенствования высокоуровневого планирования (генерального плана) торгово-экономического сотрудничества между правительствами государств – членов ШОС; совместные научно-исследовательские работы на базе Ассоциации будут способствовать поиску оптимальных институциональных решений. Комплексный характер этих задач обуславливает необходимость подготовки на регулярной основе отчётов касательно реализации проектов и программ сотрудничества в рамках ШОС, а также публикаций по результатам серий научных исследований, реализованных на базе Ассоциации. Юридические вузы государств ШОС призваны оказывать содействие выводу в печать официальных результатов исследований по совместным проектам сотрудничества в рамках Ассоциации.

(二) **开展共同研究，发布学术成果。**组织联盟成员单位就上合框架内具体法律问题，设定课题，**开展专项联合研究，并向上合组织及相关部门提出解决思路与选择方案。**通过建立上合组织国家法律查明研究中心、跨国法治文化研究中心等，**推动政府间的经贸政策与法律沟通，完善经贸合作顶层设计，并通过联合研究提供相应的制度解决方案。**定期发布上合组织相关合作与政策的动态研究，发布联盟课题研究成果，并推动联盟合作研究成果出版发表。

3. Формирование механизма многосубъектного участия. Субъектами Ассоциации являются юридические вузы. В целях содействия единству теории права и юридической практики, для налаживания эффективного взаимодействия в сфере юридического образования, юридической практики, взаимодействия между юридическими кадрами и правовыми системами в регионе ШОС настоящая Ассоциация надлежащим образом войдёт в контакт с другими соответствующими юридически-

ми ассоциациями и союзами, торговыми палатами, адвокатскими конторами, производственными предприятиями и т. д.

(三) **形成多主体参与机制**。联盟以法律类大学为成员主体，适当引入律协、商会、律所、企业等机构，促进上合区域法律理论与法学实务的共通，形成法学教育、法学实践、法律人才、法律制度之间的良性互动。

4. Проведение Ассоциацией собственных мероприятий. Ассоциация ежегодно проводит конференции, форумы, симпозиумы, семинары и лекции, поручает утвердить проведение ежегодных специальных форумов в таких организациях, как Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Шанхайский политико-юридический университет, КНР), Центр обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайский политико-юридический университет, КНР) и т. д. Вышеперечисленные организации выступают в качестве платформ для проведения важных мероприятий Ассоциации и демонстрации достижений сотрудничества.

(四) **联盟自身活动开展**。联盟每年举办会议、论坛、研讨会、讲座等活动，依托中国-上海合作组织国际司法交流合作基地、中国-上海合作组织法律服务委员会交流合作基地等单位设立年度专门论坛，作为联盟重要活动或相关合作成果展示的平台。

5. Обслуживание стратегии регионального развития. На данном этапе сложились предпосылки для более глубокого изучения стратегий развития стран, анализа политических и правовых вопросов, связанных с сопряжением стратегий развития различных стран. Для этих целей необходимо укрепить нормативно-правовые исследования в сфере состыковки стратегий развития государств, улучшить обслуживание локального сотрудничества на местах, интересов субъектов рынка, содействовать дальнейшему углублению многостороннего и двустороннего сотрудничества в регионе ШОС.

(五) **服务区域发展战略**。研究各国发展战略，分析各国发展战略对接的政策与法律问题，加强各国发展战略对接的法律研究，服务地方合作，服务市场主体，助力上合地区多双边合作不断深入。

VI. План работы на ближайшую перспективу

六、近期工作计划

1. Шанхайский политико-юридический университет и вузы-учредители провели собрание по вопросу создания Ассоциации юридических вузов стран Шанхайской организации сотрудничества с целью совместного изучения приоритетного направления сотрудничества в сфере интегрирования исследовательской и практико-ориентированной деятельности в процессе юридического образования в рамках стран ШОС, осуществления подготовки высококвалифицированных юридических кадров.

(一) 上海政法学院与创始会员举办关于成立“上海合作组织法律大学联盟”的研讨会，研究上合框架下法律领域产学研合作，培养高端国际法律人才。

2. Существует необходимость обсудить с юридическими вузами стран ШОС вопрос о совместном создании специализированных реестров зарубежных экспертов в сфере права, баз данных ресурсов юридического образования, перечня вузов-партнёров. В качестве сервисных платформ для налаживания сотрудничества между университетами стран ШОС следует использовать уже существующие платформы и каналы обмена и сотрудничества на базе различных университетов. На их основе – объединять юридические вузы и юридические институты (факультеты) классических университетов стран ШОС для создания Ассоциации юридических вузов стран ШОС на предварительном этапе. В будущем масштаб и членство Ассоциации будут постепенно расширяться за счёт её пропаганды и дальнейшего развития сотрудничества.

(二) 与上合国家法律院校共同商讨建立海外专家资源库、合作高校名单库，作为上合组织国家高校合作的服务平台，利用各个高校已有合作平台与渠道，联合上合组织其它各国法律类大学和优秀综合大学法学院，初步建成“上合组织国家法律大学联盟”；后续可通过宣传、合作进一步扩大“上合组织国家法律大学联盟”的规模和范围。

VII. План работы на долгосрочную перспективу

После создания Ассоциации юридических вузов стран ШОС следует стремиться к тому, чтобы через 10–15 лет функционирования и развития, приблизительно к 2035 году, членами данной Ассоциации стали бы представительные вузы юридической направленности и юридические институты (факультеты) классических университетов всех стран ШОС. Важным аспектом является создание совер-

шенной правовой базы стран ШОС, а также актуализация перечней нормативных правовых актов стран ШОС. Необходимо проводить подготовку высококвалифицированных юристов в области права стран ШОС, владеющих языками стран ШОС. Важно стремиться к тому, чтобы Ассоциация стала важной платформой для обмена и сотрудничества, проведения исследований в области права, подготовки юридических кадров и оказания взаимных юридических услуг между юридическими вузами и другими организациями стран ШОС.

七、远期工作目标

设立“上合组织国家法律大学联盟”之后，争取经过10-15年的运作和发展，到2035年左右，将“上合组织国家法律大学联盟”的成员扩展到所有上合组织国家中具有代表性的法律类大学和综合性高校的法学院；争取建立起完善的上合国家法律数据库，争取实现上合国家法律法规的实时更新；培养一大批精通上合国家语言、通晓上合国家法律的法律人才。力争将联盟建设成为上合组织框架内各国法律院校开展交流合作、法律研究、法律人才培养、法律服务的重要平台。

VIII. Финансирование

Финансирование деятельности Ассоциации происходит за счёт различных каналов: правительственных грантов, вложений других организаций и частных лиц (но не ограничиваясь ими). Так, в настоящее время текущие расходы на обеспечение функционирования Секретариата Ассоциации и финансирования его проектов были внесены в бюджет Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Шанхайский политико-юридический университет, КНР).

八、经费保障

各成员单位通过各种渠道筹措本联盟开展活动所需要的资金，包括不限于政府拨款和其他组织和个人捐赠等。近期联盟秘书处日常运营经费和项目经费由中国-上合基地在预算中增拨。

Информация об авторах

Цзян Сыюань – Генеральный секретарь Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайский политико-юридический университет), кандидат филологических наук, Шанхайский политико-юридический университет, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.

Сунь Фан – доцент Института экономики и права Шанхайского политико-юридического университета, доктор юридических наук, исполнительный директор Исследовательского центра финансов и налогового права Шанхайского политико-юридического университета, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.

Цао Цзюньцзинь – доцент Школы международного права Шанхайского политико-юридического университета, доктор юридических наук, заместитель директора Исследовательско-консультационного отдела Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС, Шанхайский политико-юридический университет, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.

Не Сичжо – магистрант (направление исследований: процессуальное право), Шанхайский политико-юридический университет, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.

Information about Authors

Jiang Siyuan – Secretary General of China National Committee for SCO Legal Service Exchange and Cooperation (the Shanghai University of Political Science and Law), Candidate of Philological Sciences, the Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People’s Republic of China.

Sun Fang – Associate professor at the Institute of Economics and Law of the Shanghai University of Political Science and Law, Doctor of Law, Executive Director of the Research Center for Finance and Tax Law of the Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People’s Republic of China.

Cao Junjin – Associate Professor at the School of International Law of the Shanghai University of Political Science and Law, Doctor of Law, Deputy Director of the Research and Consulting Department of China National Committee for SCO Legal Service Exchange and Cooperation, the Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People’s Republic of China.

Nie Xizhuo – Graduate student (research interests: procedural law), the Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People’s Republic of China.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 05.11.2022; принята к публикации 12.11.2022.

The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication 12.11.2022.